

ВЛАД. ГУЩИКЪ

Ж И З Н Ъ

LES EDITIONS PETROPOLIS / BRUXELLES

ВЛАД. ГУЩИКЪ

ЖИЗНЬ

ПЯТЫЙ СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

LES EDITIONS PETROPOLIS / BRUXELLES

IMPRIMERIE E. GELEZNIAKOFF
51, rue Van Campenhout, Bruxelles

Ж И З Н Ь .

— Ишь, ты! сказалъ Терентій, задирая вверхъ голову и глядя на новую скворешню. — Прилетѣли!

— Гнѣздятся! вставилъ старикъ Илья. — Теперь они, милый, что ошалѣлые. Застрадали!

— Фактъ! И подумать только, птица такая махонькая, а сколько верстъ пролетѣла! И, какъ все Богомъ устроено.

— Извѣстно, — Богъ! Онъ птицу хранить.

— Правда, хранить. Летитъ она, летитъ, какъ жись — заблудиться легко, такъ нѣтъ, тутъ тебѣ и пожалуйте. Здрасьте, молъ, Терентій Фомичъ! Иной человѣкъ отъ деревни къ деревнѣ собьется, а она черезъ океаны и хотъ - бы хны!

— Извѣстно, — птица! опять вставилъ Илья. — Теперь, милый, и зяблики и дрозды прилетѣли. Скоро и касатка потянетъ. Теперь каждый день своя птица летитъ. И юла, и вертихвостка, и коростель, и дупель, и вальдшнепъ, и овсянка, и коноплянка, и пѣночка. Ужъ на что пухлякъ - соплякъ, и пичуга - то съ ноготокъ, а и та изъ - за морей лупитъ.

— Къ теплу, Илья Карпычъ.

— Извѣстно, — къ теплу. Жить хочуть. Весна. Къ человѣку летить. Къ человѣческой ласкѣ. Ласки - то, каждый хочетъ. Въ каждой душѣ весна оживаетъ. Птица - то въ Бога вѣритъ больше, чѣмъ мы. Вотъ, за нее Богъ и стоитъ. Человѣкъ по утру глаза протретъ и уже оглядывается, кого - бы обложить, а птица за пѣсню, да носикъ въ синее небо. А въ небѣ - то Богъ! Скворецъ - то еще за моремъ только табуниться сталъ, только еще думку подумалъ: что вотъ, молъ, летѣть надо! А Господь уже за него. И шепнулъ Господь въ душу Терентія: — Наладь, Терентій, новыхъ скворешень, да старыя посправь; скоро - птица летить!...

— Вѣрно, Илья Карпычъ! Словно шепнулъ кто мнѣ.

— Мой покойный отецъ, — продолжаетъ Илья, — очень любилъ всякую живность, а вотъ, отъ живности и погибъ.

— Отъ какой живности?

— А ракъ съѣлъ.

— Какой ракъ? Иной ракъ морской, иной нашъ.

— А болѣсть такая, — ракъ. Въ брюхѣ, что - ли заводится. А только изглодалъ человѣка въ полъ года. Вотъ, его братеню, того вылѣчили, а мой отецъ такъ и погибъ. Того - то отваромъ поили. Отваръ такой изъ березоваго дубняка дѣлается. Наскоблать шишекъ съ березы, только не бѣлыхъ, а желтыхъ и заварять отваръ. Тѣмъ отваромъ и поятъ. Отъ этого отвара ракъ дядькинъ и подохъ.

— А кто лѣчилъ - то?

— Иванъ Ивановичъ, полицейскій.

— Такого не знаю.

— Да гдѣ тебѣ знать! Иванъ - то Иванычъ померъ, когда тебя мать не носила. Я самъ въ тѣ поры махонькимъ былъ.

Терентій поплевалъ на ладони и взялся за лопату.

Вечерѣло. Въ смуглыхъ весеннихъ сумеркахъ нѣжилась тишина. За плетнемъ, за полями, за дальнимъ сизымъ лѣсомъ, таяло въ красномъ маревѣ огненное пухлое облако. Надъ бурыми выгонами тянули гуси.

— Вотъ, ты говоришь, Илья Карпычъ, что онъ - то, скворецъ, къ человѣческой ласкѣ летитъ, что, молъ, Господь шепнулъ мнѣ скворешни сколачивать. А почему, скажи мнѣ на милость, человѣкъ о человѣкѣ мало думаетъ?

— Чего мало? не понялъ Илья и почесалъ въ сѣдой репейной бородѣ. — Ты - же, вотъ, копаешь себѣ огородъ, грядки дѣлаешь, свеклу сажать надумалъ. Ну и сажай. А Онъ тамъ шепнетъ кому слѣдуетъ: «Такъ, молъ, и такъ, сдѣлайте милость. подумайте ради Христа о мужикѣ Терентіи. Не сдайте его антиресь!»... Одно за другое и цѣпляется.

Терентій оперся о лопату и насмѣшливо поглядѣлъ въ лицо старика.

— Говоришь, что цѣпляется?

— Ну да!

— Можетъ и такъ. Да не на всякую цѣпку, Илья Карпычъ, надежда есть. Ты говоришь: скворешню, молъ, скотилъ для скворца; Господь нашепталъ. Ну, хорошо. Сколотилъ и пусть живетъ птаха. А почему вотъ, у Петра Гусева, да у Степы

Игнатѣва избы заколотили? А? Почему, скажи, мужиковъ съ укліона пустили? Почему скотину со двора вывели? Это, кто - жь нашепталъ? Нѣтъ, братъ, Илья Карпычъ, человѣкъ человѣку избы не сколотить. Человѣкъ человѣка заколотить можетъ, а спасти — никогда!..

У самыхъ ногъ Терентія пробѣжалъ скворецъ и вытащилъ изъ рыхлой земли тощаго весенняго червяка. Терентій посмотрѣлъ на скворца, улыбнулся, вздохнулъ и опять принялся за работу.

Вправо и влѣво тянулись зады деревни. Сѣрыя избы тоскливо глядѣли въ мокрые пустыри. Кой - гдѣ за плетнями копошились бабы и мужики. На краю деревни дурацкимъ голоскомъ хныкала бала-лайка. Дорога, сворачивая къ красному орѣшнику, круто сбѣгала размытыми, и бурыми отъ вечерней зари, колеями въ овражную синь, переламывалась за бревенчатымъ мостомъ, словно ныряла подъ землю и, перекинувшись на плѣшатый бугоръ, окончательно терялась въ сухомъ прошлогоднемъ бурьянѣ.

— Терен - ті - і - й! позвала изъ избы Агафья.
— Ужи - на - а - ть!

— Ну вотъ, — сказалъ Илья Карпычъ, — бросай лопату. Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Пойду и я къ дому.

— Чего такъ? Нешто отъ хлѣбъ - соли отказываются? Поужинай съ нами, успѣешь. Слава Богу, не совсѣмъ раздѣты; на хлѣбъ - соль хватитъ.

— Съ хорошей хозяйкой всегда достатокъ! дипломатично вставилъ Илья. — Она у тебя работница хорошая. Красивая она у тебя. Особливо глаза. Глаза, что въ сапоги обуты!

— Теперь, Илья Карпычъ, и бабы ломаться стали. Вотъ, хоть - бы Агафья. Не хочу, говоритъ, называться Агафьей. Мужичкое, говоритъ, это имя. Зови, говоритъ, Анной, теллигентнѣе выходить.

— То - то вотъ, куды жизнь - то зашла! Теперь всѣ деревенскія бабы канителятъ. Раньше - то и при бѣдности кой - что оставалось, а теперь дѣвка и баба въ шелковый чулокъ лезетъ. Суди самъ. Раньше - то нешто бабы въ шляпу рядились? На то платокъ былъ. За шляпку - то, бывало, вся деревня на смѣхъ подыметъ. И не за то, что подъ барышню надѣлась, а за то, что не въ шляпкѣ суть человѣка. А теперь деревенскую со спины отъ городской и не отличишь, пока рожей не повернется. Только по оброжую и узнаешь, а съ хвоста прямо фру - фру. Можетъ по заграничному это и подходяще, но у русскаго человѣка не въ этомъ суть. Въ душѣ, въ самомъ нутрѣ заключенъ - то русскій человѣкъ! А вотъ этаго и не хотятъ, дуры, понять. Портитъ заграничная жизнь русскую бабу. Мужикъ, онъ все переваритъ, а баба сдаетъ. Мужикъ хоть въ три четверти разорвись, а подай и пальто помоднѣй и бѣлья тонкаго. Въ холстину рядится зазорно. Подавай юбку изъ шелка да какія - то камбане! А тутъ кругомъ раззореніе. Жрать скоро нечего. Деньгой бѣдны. Скотъ рѣжемъ, да задарма продаемъ. Обнищали. Растерялся мужикъ, что волкъ озирается, надорвался, извѣрился. Сегодня Агафья къ Васькиной бабѣ бѣгала. Родить баба евоная, а въ избѣ пятеро ребятъ, а кипятокъ вскипятить не на чемъ; дровъ ни полѣна. Кто позаботится? Кто шепнетъ? Васька - то на землѣ обнищаль и ударился въ городской заработокъ, вотъ и

дровишекъ достать некому. А, что дальше? Не вѣдомо. Вызвали Ваську. Пріѣхалъ, а въ карманѣ шишь съ масломъ. Одна мелочишка. Какъ жить? Сперъ на деревнѣ чурбашекъ, кой у кого муки выклянчилъ, картошки. Послѣдняго боровка закололъ; часть на домъ, а часть за гроши въ городъ повезъ. Въ городъ повезъ, да половину выручки съ горя пропилъ. Спасибо Кузьмѣ Сергѣвичу, — въ работники взялъ. Подъ гумно новую крышу подводитъ. Вотъ мы и загранишные, а чорта отъ этаго пользы?

— Ужи - на - а - ать! опять позвала Агафья.

— Ладно, ладно. Идемъ! Вотъ, теперь и смекни, Илья Карпычъ, какова жизнь.

— Извѣстно, — жизнь куцая. Другъ за дружку надо держаться. Въ кулакъ.

— Фактъ! Мы - то съ тобой ужинать, а Васька до потемковъ чужую крышу подводитъ. И не потому, что самъ плохъ, а мотають его, неудачи все. А придетъ домой и — жрать нечего. Ну да пойдёмъ, а то моя Анна Агафьевна совсѣмъ раскудахчется.

*
**

Холодно высыпали вечернія звѣзды. Мѣсяцъ не по весеннему, а свѣжо заблестѣлъ въ небѣ.

Давно перепуганная Агафья убѣжала къ Васькиной бабѣ. Подъ конецъ ужина прибѣжалъ Васькинъ мальченокъ, рябой Володька, и жалобно, какъ овца, закричалъ на всю избу:

— Тятку убило!...

Вся деревня собралась у Васькиной избы. Васька

лежалъ въ сосѣдней съ родильницей комнатѣ, бѣлый, какъ кость, съ мутными, неподвижными и сразу провалившимися глазами. Грудь у Васьки судорожно поднималась, когда онъ втягивалъ воздухъ. Пальцы впились въ сѣрый матрацъ. Кузьма Сергѣичъ суетился надъ Васькинымъ изголовьемъ. Подушка почернѣла отъ крови. Во дворѣ мужикъ Лука, щуплый, кривой и безбородый, чертыхаясь и охая, спѣшно закладывалъ своего плѣшатаго конька, а гурьба деревенскихъ ребятъ, сосредоточенно и серьезно накладывала въ телѣгу солому.

Скоро Ваську увезли въ городъ. Мужики еще нѣсколько минутъ протораторили у раскрытыхъ настежь кривыхъ и почернѣвшихъ воротъ и разошлись. Только десятка два бабъ набили избу и крестясь и шепчась, испуганно глядѣли въ лицо Васькиной жены. Сердобольная тетка Матрена принесла ребятамъ творогу и кислой капусты, и — меньшей, Колька, отъ горшка два вершка, сопя и блаженно улыбаясь, набивалъ ротъ творогомъ.

А надъ полями, лѣсами, дорогами, плылъ безучастный и добродушный ясный мѣсяцъ, скользилъ по лужамъ, по грязнымъ стекламъ избенокъ и совсѣмъ не хотѣлъ знать о Васькиномъ горѣ, о жизни Терентія, о жизни всѣхъ мужиковъ и бабъ, о радостяхъ весеннихъ скворешень и о темной лужищѣ крови, что запеклась у навозной кучи передъ самымъ гумномъ.

Холодны раннія весеннія ночи. Еще не совсѣмъ пробудилась природа, еще молчитъ твердое поле, нѣтъ ночныхъ кузнецовъ, не слышно криковъ ночныхъ птицъ. Только въ деревнѣ подъ стрехами

иногда, спросонья, запищитъ воробей, да скворецъ заводится въ скворешнѣ, примащиваясь рядомъ со скворчихой и опять тишина не нарушается ни однимъ звукомъ. Рѣдко когда тявкнетъ на деревнѣ собака или забрешетъ у дальняго лѣса лиса.

Терентій сидитъ на скамейкѣ у плетня. На Терентія смотрятъ звѣзды, да старый котъ, ободранный, куцый, отъ бездѣлья и лѣни взгромоздившійся на пѣгую березу.

«Ну вотъ, — думаетъ Терентій, — кто-то и шепнулъ Васекѣ, что-бы онъ внизъ головой брякнулся. Выживетъ-ли? Баба рождаетъ... ребятъ, что нужды... жрать нечего! А по волостямъ выборы. Когда только мужику полегчаетъ? О, Господи, Господи! А на землѣ весна. Скоро теплынь пойдетъ»...

Котъ выгнулся, перепрыгнулъ съ березы на заборъ, съ забора подъ ноги Терентію и побѣжалъ къ воротамъ.

— Кто-то идетъ! сказалъ Терентій и поднялся со скамьи.

А во дворъ входила заплаканная Агафья.

— Ты что? спросилъ Терентій.

— Василій-то померъ! разревѣлась Агафья.
— Лука съ полъ пути вернулся. И что это будетъ, Тереша?

— Чего что? Баба-то его родила?

— Родила, миленькій, родила! Мальчоночку родила. Смуглявый такой, волосенки чернешенки, а самъ что сосунокъ поросячій, — розовый, розовый!...

— Ну и благослови Богъ! тихо сказалъ Терентій и пошелъ къ избѣ. — Завтра пораньше чайку согрѣй, закладывать буду. Въ городъ поѣду, на выборы.

— Да кого выбирать - то? До того - ли, Тереша?

— Ладно, молчи. Старое отваливается, а новое ростки даетъ. Васьки - то нѣтъ, а чернявый на свѣтъ выльзъ. Такъ - то и все!..

Долго не спалось Терентію, а когда стало свѣтать, онъ уже стоялъ посреди двора и устилалъ соломой телѣгу.

— Много дѣловъ! ворчалъ онъ. — Вотъ и попа надо, и панихиду, и черняваго окрестить. Человѣкъ человѣку помогать долженъ. Жить надо. Ласки - то каждому хочется. Надо - бы и дровишекъ подкинуть Васькиной бабѣ; топить нечѣмъ. Эхъ, ты, жизнь горемычная!...

Рано встаетъ весеннее солнце, рано и брызжетъ золотыми лучами. Еще не успѣлъ Терентій запрячь коня, а уже розовымъ золотомъ брызнуло по верхушкамъ березъ, заалѣла новая липовая скворешня и вдругъ шелкнулъ, засвисталъ и завершалъ скворецъ. И, какъ вчера, поднялъ вверхъ голову Терентій и засмѣялся.

— Вотъ она, жизнь! Сколько васъ налетѣло на сѣверъ и всѣ вы устроились по домишкамъ, всѣ обзавелись бабами, у всѣхъ началось хозяйство! Кабы и люди вотъ такъ - же, всѣ - бы, да вмѣстѣ, да другъ за дружку, да въ кулакъ - бы; больше - бы толку вышло.

И почувствовалъ вдругъ, Терентій, словно его толкнулъ кто - то. Словно кто - то Большой, Чистый. Простой и Лучезарный зашепталъ ему на ухо :

— Эхъ, Терентій, Терентій! Зачѣмъ лукавишь? Всѣмъ, говоришь, за одно? Въ каждой душѣ весна оживаетъ? Ласки, говоришь, каждому хочется? А

почему - же для Васькиной жены только попа, да дровишекъ? Или ты, Терентій, на попѣ да на дровишкахъ отыгаться хочешь? И не стыдно тебѣ, Терентій? Хлѣба, да муки отвали, да картошки, да рѣпы, да свеклы, да капусты жбанъ, да сала, да творогу, да масла кусокъ! Да поѣдешь въ городъ, — не поскупись на гроши, да купи чернявому на крестины, да маткѣ евоной, да ребятамъ - то на рубахи. Люди, что птицы, къ теплу, къ ласкѣ идутъ. Жить надо. Это Я, Василій, благословляю тебя!...

И тогда скинулъ шапку Терентій, перекрестился и крикнулъ въ избу :

— Эй, Анна Агафьевна! Собери - ка съѣдобнаго, да побольше! Не жалѣй, милая! Для Васькиныхъ робятъ; нужда вѣдь. Тащи больше, тащи, что есть! Да изъ одежки чего малость. Весна, вишь, идетъ! Жить надо...

І О Р Д А Н Ь .

*Посвящаю дорогому
Д. Д. Бохану.*

Осень и старость приходятъ незамѣтно и неожиданно. Еще вчера ни что не говорило о близкомъ концѣ лѣта, а сегодня съ утра небо по осеннему выцвѣло, въ недвижномъ и посвѣжѣвшемъ воздухѣ сразу почувствовалось приближеніе осени, и трава вдругъ стала сѣрой и листва кой-гдѣ пожелтѣла, и отъ вчерашней ночной бури засквозили кусты.

Скоро пойдутъ дожди, размоетъ дороги, улетятъ на югъ птицы и черное одиночество заползетъ въ душу.

Такъ неожиданно пробивается сѣдина, наступаетъ усталость, а за ней приходятъ неизбежная дряхлость и смерть.

Скоро начнутся снѣга. И такъ до весны, до новаго пробужденія жизни.

Первыми почувствовали приближеніе осени перелетныя птицы. Особенно скворцы. Еще въ августѣ они вернулись съ полей и начали готовиться къ даль-

ней дорогѣ: слетались тучными стаями на пустыряхъ, по верхушкамъ деревь и табунились въ отдѣльные отряды. Слабые улетали первыми, за ними черезъ двѣ - три недѣли снимались болѣе сильные и послѣдними улетали сильнѣйшіе. За недѣлю передъ каждымъ отлетомъ, они безумолчно гомонили, и разбиваясь на небольшія партіи, словно совѣщались, кому и подъ чѣмъ началомъ летѣть.

Крики, шумы, хлопоты и возня проходили во всемъ птичьемъ царствѣ. Всѣмъ было заботъ по горло.

Но вотъ оголились верхушки кленовъ и липъ. Отъ нуднаго мелкаго дождя и туманной изморози закрылись дали, сѣрыя лужи отразили сѣрое небо. въ оголенномъ ольшанникѣ стали пугливѣй чуткіе тетерева, и отъ холодныхъ утреннихъ росъ, не разъ падавшихъ на землю инеемъ — почернѣли поздніе мухоморы, а розовыя сыровѣшки выросли въ большія блюда, приподняли свои края, показывая сѣрую трухлявую перепонку и изъ розовыхъ превратились въ блѣдно - лиловыя.

Ужи и гадюки готовились къ спячкѣ, рыжія бѣлки начали сѣдѣть, зайцы смѣлѣй ходили на истерзанные огороды, гдѣ на черной и мокрой землѣ валялись кочерышки и, словно линиялыя заплаты, листья капусты. Снигирь чаще прилеталъ къ человѣческому жилью и послѣднія стаи сивцовъ покидали давно осиротѣвшія ржаныя поля. Печальнѣй кричали вороны и одинокими черными платками падали въ оголенный кустарникъ.

Дачники давно уѣхали въ городъ и только какая - то старая одинокая дѣва тоскливо и печально играла на рояли въ опустѣвшемъ дачномъ театрѣ

съ покривившейся ржавой вывѣской. И звуки ея рояля такъ щемили сердце, такъ жалобно плакали неподдѣльными слезами увяданія, что случайный прохожій невольно останавливался, долго слушалъ и, опустивъ голову, тихо брелъ дальше.

И вдругъ, однажды, въ еще темное утро, пушистыми бѣлыми хлопьями сталъ падать снѣгъ. Разсвѣтало. Сумеречное и блѣдное утро побѣлѣло отъ снѣга. На рыжихъ поляхъ раскинулись бѣлая покрывала, на кустахъ и деревьяхъ повисъ снѣгъ, проглянуло негрѣющее солнце, освѣтило на часъ желтую и розовую листву осинъ и скрылось за сѣрой пеленой облаковъ. Одинокій ястребъ низко-низко пролетѣлъ надъ забѣленными полями, крикнулъ ныряя въ оврагъ и, взмывъ въ сѣрое небо, бокомъ и косо сталъ забирать къ дальнему черному лѣсу.

Въ этотъ день, старая и больная кряква, не имѣвшая силъ улетѣть со своими подругами, медленно плыла по теченію Казанки вдоль пожелтѣвшаго камыша. Большой и худой селезень, съ подбитымъ и отвислымъ крыломъ, плылъ нѣсколько въ сторонѣ и, изрѣдка крякая, подбадривалъ свою больную подругу.

Но развѣ я зналъ птичій языкъ? Могъ ли я понять ихъ утиный разговоръ? Навѣрное и кряква и селезень обмѣнивались невеселыми фразами, по своему, по птичѣму предчувствуя неизбежную гибель, когда замерзнетъ Казанка и придетъ голодъ, а за нимъ — вѣрная смерть. И я уже обдумывалъ способъ, какъ мнѣ поймать и крякву и селезня, пока не наступятъ морозы, или — они не станутъ добычей ястреба.

На мокромъ снѣгу сѣрыми леденцами отпечатывались мои слѣды, а временами снѣгъ прилипалъ къ подметкамъ и тогда слѣды становились грязными и бурыми отъ земли и песка.

— Василій Ивановичъ! — спросилъ я нашего старика плотника, вѣчнаго охотника и птицелова. — Какъ бы мнѣ поймать крякву и селезня? Вѣдь имъ все равно погибать, а дома, въ клѣтушкѣ, можетъ и дотянули бы до весны!

И рассказалъ ему о встрѣчѣ съ больными птицами.

— Нельзя это! серьезно осадилъ меня Василій Ивановичъ. — Здоровую птицу бей и то въ лѣтъ, или лови если на то нужда. А больную не трошь. Господь это, страхъ, какъ не любить!

— Такъ я же для ихъ пользы. Все равно птица погибнетъ.

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Что погибнетъ то?

— Да.

— Да никто не сказалъ, а я такъ думаю.

— А думаютъ то, знаешь, кто? Индюки да мы дураки.

— Не резонно это, Василій Ивановичъ.

— Не резонъ, изъ гвардіи въ гарнизонъ! Слыхалъ сказку про царя Павла? Вотъ то - то. Возьми ружьецо, да и подкарауль ястреба да и полосни по немъ, да и спать иди. А какъ уткамъ прожить о томъ Господь позаботится. Не нарушай систему — не суйся въ Божіе дѣло.

— Такъ вѣдь, Казанка - то черезъ недѣлю замерзнетъ.

— И что?

— Какъ что? Птица погибнетъ!

— Ишь ты, уменъ какъ попъ Семенъ, а смекалки, что у палки. А жить - то приходится не умомъ, а смекалкой. Умъ, братъ, для учености нуженъ, а мы — дураки смекалкой живемъ.

— Да ты, дѣдъ, не учи, а говори толкомъ.

— Такъ нешто я учу? Ты меня учишь: погибнетъ, погибнетъ, рѣка замерзнетъ, то да се, а про Іордань - то забылъ.

— Да ну?! Вѣрно! И что ты скажешь, Василій Ивановичъ, забылъ! Ей Богу забылъ!

А Іорданью прозывали у насъ незамерзающій, теплый ключъ. Вытекалъ онъ изъ большой ниши въ оврагѣ и даже въ лютые морозы около него парило и вода сажень и больше не замерзала. Въ этой тепловатой водѣ я еще мальченкомъ вылавливалъ въ лѣтніе дни какихъ - то червей въ соломинкахъ, и много тамъ было ползающей и плавающей мелочи, а въ мелководьяхъ — тины и высокой осоки. Прозвали этотъ водоемъ Іорданью послѣ того, какъ лѣтъ тридцать назадъ пьяный учитель «крестилъ» въ немъ пьянаго же Исайку, колченогаго коробейника, котораго и «окрестилъ» Иваномъ. Однако, за Исайкой имя Иванъ не удержалось, зато Іордань прочно закрѣпилась за этимъ родникомъ. Вотъ объ этой то Іордани и говорилъ старикъ Василій Ивановичъ.

— Да неужели утки туда уйдутъ?

— Помяни мое слово.

— Да кто же имъ дорогу укажетъ?

— А Богъ! Каждую зиму тамъ по пять шесть паръ кормится. По сугробамъ то въ оврагѣ никто

не ходить, а я не разъ на лыжахъ ходилъ. Только осторожно тамъ надо; снѣгъ отъ теплой воды подмокаетъ и ухнуть на сажень можно. Я имъ каждую недѣлю жратвы носилъ. Корокъ посушу, объѣдковъ; то кашицы, то жиръ съ говядины, картошки, дребедень всякую. Меня птица такъ знала, что я еще за версту, а она, подлая кричитъ.

И рѣшили мы съ дѣдомъ, послѣ большихъ снѣговъ, какъ замерзнетъ Казанка, сходить на лыжахъ на Иордань. А ястреба я подкараулилъ и полоснулъ. Жалко мнѣ его было, да и не любилъ я убивать, а потому подѣлился со старикомъ: имѣлъ ли я право нарушать систему и Божье дѣло?

— Нешто ты по своей волѣ? Господь тебя научилъ.

— Да развѣ ты, дѣдъ, Господь?

— Тыфу! Дуралей ты безголовый! Да вѣдь Господь то мнѣ это внушилъ.

— Убивать? Путаешь ты, Василій Ивановичъ. Вѣдь сказано: не убей. Значить, никого нельзя убивать. Какъ же Господь будетъ внушать убивать?

— Гм... Дуракъ - то ты дуракъ, да умный. Башковатый ты человекъ. Это, дѣйствительно. Грѣхъ это мы дѣлаемъ. Вся наша земля въ крови. Одинъ я этой крови столько повыпустилъ, что никогда не отсчитаться мнѣ противъ заповѣди! Однако, думать объ этомъ, что звѣзды считать; обязательно рехнешься.

Пошелъ я однажды къ рѣкѣ. Полеми надо было идти и немного кустарникомъ. Морозецъ небольшой, градуса 2 - 3. Погода чистая, но не ясно, не пасмурно. Снѣгъ на обрывахъ, что — рафинадъ, на поляхъ, что

— кремъ сахарный, подъ ногами скрипитъ, въ кустарникѣ, что — пудра. Смотрю, — дохлая ворона лежитъ ничкомъ, крылья распластала и на меня смотритъ мертвымъ голубымъ глазомъ. Пошелъ я кустарникомъ, забирая къ Казанкѣ. Вотъ и рѣка. Готова. Замерзла. Только въ одномъ мѣстѣ ледяная корка, тонкая и прозрачная, что сусальная; не иначе, какъ здѣсь чистили себѣ прудокъ утки, — еще воды въ шапку. А утокъ нѣтъ. Гляжу — слѣдъ утиный. Кой-гдѣ ямки отъ лапокъ, а дальше, — рыхлая дорожка; значитъ, шли въ перевалку и грудью снѣгъ рыли. Сталъ всматриваться: куда-же идетъ ихъ слѣдъ? Вижу, въ кусты, въ самую глушь. Но вотъ, и слѣдовъ больше нѣтъ. Видимо взлетѣли и опустились неподалеку; съ испорченнымъ крыломъ далеко не уйдешь. Искаль, искаль, — нѣту. Да селезень выдалъ: близко подошелъ я къ кряквѣ, а онъ за нее съ испугу и крякни.

Всмотрѣлся подъ кустъ, ага! Здравствуй, милая! Кряква совсѣмъ въ снѣгъ зарылась. Гляжу, а селезень выползъ на бугорокъ, и, провалясь одной ногой, лежитъ на боку. Съ перепугу въ комочекъ сжался и слѣдитъ за мной внимательными круглыми глазами. Вижу, что перепугался отъ собственного крика и понимаетъ, что дѣло проиграно и — не шелохнется.

Перекрестилъ я ихъ, засмѣялся и — къ дѣду.

Выслушалъ меня старикъ и самъ смѣется:

— И что ты скажешь, какая она птица разумная! Прямо, — Божецкая система. Какъ это все тонко сотворено! Это они, милый, на Иордань шли. Пусть идутъ съ Господомъ. Только-бы имъ никто не помѣшалъ. Собака ихъ не тронетъ. Замучаютъ ее.

Все - же, птица сажень по 20 - 30 пролетѣть можетъ. А вотъ, человѣкъ злой, это возможно.

— Такихъ, кажись, нѣтъ.

— У насъ нѣтъ, а дьяволъ ихъ знаетъ, можетъ стъ мызы, или изъ Петровокъ. Ну, да Господь ихъ хранитъ, а завтра, братъ, собирайся на Иордань...

Смѣшно сказать, мнѣ за двадцать, а дѣду за восемьдесятъ, а волновались мы весь день, какъ ребятишки. По двадцать разъ лыжи осматривали. Хлѣба и всякихъ объѣдковъ цѣлый мѣшокъ навязали. Да еще дѣдъ (на мѣстѣ выяснилось) потихоньку отъ меня, ситнаго съ полъ кило откромсалъ и тоже въ мѣшокъ и на самое дно. Но и я маху не далъ; безъ мала весь свой объѣдъ въ газету, да въ карманъ, пока дѣдъ на кухнѣ хлопоталъ.

— Чего это тебя прорвало? Съѣлъ, что слизнулъ. Кабы, ты за рубанкомъ - бы такъ, хорошій изъ тебя плотникъ - бы вышелъ...

И уснуть долго не могли. Мнѣ все мерещился селезень важно выступающій по снѣгу впереди кряквы. Идетъ, да нѣтъ - нѣтъ и оглянется: не грозитъ - ли, молъ, опасность моей дамѣ?

А старикъ все рассказывалъ о птицахъ, да о звѣряхъ и все о ласковомъ, о сердечномъ, о заботѣ человѣка, о помощи слабымъ и о томъ, какъ лѣчилъ звѣрье, какъ птенцовъ растилъ, гнѣзда отмѣчалъ, оберегалъ ихъ, а потомъ и стрѣлялъ ихъ - же потому, что такая ужъ у насъ Божеская система. А когда рассказалъ все о звѣряхъ и о птицахъ, то сталъ рассказывать, что у него трое сыновей было. Ну, тутъ, старикъ и въ фантазію ударился. Одинъ изъ сыновей на японской войнѣ остался, да такъ и

не возвращался. А стороной было слышно, что онъ на микадовой дочкѣ женился и, ничего себѣ, живутъ счастливо. Другой, рабочимъ на заводѣ служилъ, да попалъ подъ стальную струю, а «въ ей миллионъ жару» и въ мигъ погибъ. А когда сталь - то остыла, подходятъ къ человѣку, глядятъ, а вмѣсто него, — стальной болванъ лежитъ: и сапоги стальные, и голова, и стальной кисетъ изъ кармана вывалился.

— Анжиныеры которые, въ музей хотѣли отдать. Деньги большенныя предлагали, да я на это не пошелъ...

А третій сынъ поѣхалъ въ Бразилію счастья искать, да такъ съ той поры и не пишетъ.

— Не иначе, говорилъ дѣдъ, какъ напали на него черноѣды и съѣли.

Трогательный былъ вечеръ. Никогда его не забуду.

— Ну, спи! сказалъ наконецъ Василій Ивановичъ.

Но я долго слышалъ, какъ ворочался въ темнотѣ старикъ съ боку - на - бокъ, кряхтѣлъ и чесался...

Утро проснулось солнечнымъ и чистымъ. Когда я открылъ глаза, дѣдъ возился у примуса.

— Вставай, братъ. Чайкомъ подзаправимся. Птица - то давно встала.

— Ничего удивительнаго! сказалъ я. — Ей не мѣшали почесываясь до полночи.

— Ну - ну! У птицъ, братъ, тоже есть блохи.

Чай пили наскоро; не до чая намъ было.

Шли мы сугробами, веселые, смѣшливые (дѣдъ все смѣшное рассказывалъ), солнечные, морозные. Паръ отъ насъ подымался, лыжи скользили, какъ

по маслу. Надъ нами раскинулось глубокое небо и уперлось въ дальній лѣсъ. Подъ нами (до боли въ глазахъ) снѣгъ неописуемый!

Дважды провалился. Чуть лыжи не поломалъ. По поясъ, что въ сахаръ. А дѣдъ ворчитъ и только глазами смѣется. Но не утерпѣлъ и сказалъ:

— Эхъ ты, балбесъ, балбесъ! Жениться пора, а ты, что дите!

И только сказалъ, какъ самъ, — бухъ. И мѣшокъ съ нимъ. Я стою, хохочу, отъ слезъ золотыя жилки въ глазахъ:

— Эхъ, дѣдъ, дѣдъ! Да вѣдь въ восемьдесятъ внуковъ женять!..

— Я вотъ тебѣ, внуковъ...

Къ Іордани подходили, дѣйствительно, какъ къ святому мѣсту. Шаговъ за двадцать дѣдъ снялъ шапку и перекрестился. Я невольно, какъ мальчикъ, сдѣлалъ то же.

Гляжу, и впрямь, — и селезень и утка плаваютъ, а надъ ними, въ солнечной радугѣ, чуть парить надъ водой. Замѣтили насъ и — въ нишу, въ гротъ подъ откосъ.

Подошли къ Іордани, а изъ ниши сразу пять головъ. Дѣдъ смѣется:

— Гошпиталь!

И мнѣ такъ стало трогательно, до слезъ трогательно. И подумалъ я:

— Господи! Господи! Да будетъ воля твоя надъ всѣми нами!...

ЧЕРНЫЙ ДОЛОМАНЪ.

(Разсказъ — былъ изъ эпохи царствованія Александра II-го)

*Посвящаю другу, Александрійцу
А. В. Яновскому.*

...Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ ?
Гдѣ гусары коренные ? ...
Д. В. Давыдовъ

I.

Два эскадрона Александрійскихъ гусаръ возвращались съ занятій. Запыленные, потные, входили они на рысяхъ въ весенній городокъ. Дробнымъ стукомъ весело цокали подковы по мостовой.

Третій эскадронъ, поодставъ на шоссе, захватски выводилъ пѣсню :

Нашъ скадронный молодецъ
Для солдатъ своихъ отецъ.
Онъ не спалъ, не дремалъ,
Эскадронъ свой обучалъ.

И бравые громкоголосые гусары подхватывали съ присвистомъ :

Эскадронъ свой обучалъ
Для прибытія царя!
Эскадронъ свой обучалъ
Для прибытія царя!

Кони, предчувствуя скорый отдыхъ, закусывали удила, горячились и, нервно дрожа, вытанцовывали шагъ. Гусары осаживали коней, ровняли строй и прислушивались, какъ теноръ серебряннымъ колокольчикомъ выводилъ дальше :

Какъ прѣхалъ русскій царь
Православный государь.
Нашъ скадронный не сробѣлъ, —
Показалъ ему кальеръ!

И тогда пѣсенники гулко разносили пѣсню :

Мы кальеромъ проскакали.
Благодарность получали!
Мы кальеромъ проскакали.
Благодарность получали!

— Ку - ту - зо - овъ !! надрываясь, старался пере-
кричать пѣсенниковъ. поручикъ Зубовъ.

— Ку - ту - ту - зо - овъ !! Не ври! Не смѣй под-
тягивать!

Кутузовъ, рослый и смуглый гусаръ перваго эскадрона, сконфуженно ширилъ глаза на своего офицера и, растерянно моргая, все еще не въ тактъ шевелилъ губами.

А эскадронъ, освѣщенный яркимъ апрѣльскимъ солнцемъ, гремя саблями, втягивался въ городокъ.

Полковой адъютантъ, поручикъ Ингистовъ, перегоня рыженькаго Зубова, весело крикнулъ ему подъ самое ухо :

— Зубовъ, не злись! и, догнавъ ротмистра Щербакова, ѣхавшаго бокъ - о - бокъ съ корнетомъ Урусовымъ, приложилъ руку къ козырьку и многозначительно спросилъ :

— Господинъ ротмистръ, какъ намъ быть съ Дикомъ?

— А что?

— Да у меня опять былъ его бывшій деньщикъ Бубликовъ. Дикъ все хандрить, ругается, часами не разговариваетъ. Бубликову морду грозился набить.

— За что - же? улыбнулся Щербаковъ.

— Да развѣ Бубликовъ исправимъ? Онъ каждое утро чиститъ ему доломанъ и каждое утро убѣждаетъ надѣтъ его вмѣсто генеральскаго сюртука! Ну и извелъ. Да, господинъ ротмистръ, въ лицѣ Дика мы потеряли исключительнаго полкового командира! Правда, другіе пріобрѣли въ немъ хорошаго бригаднаго генерала, но бригадный генералъ, — не черный гусаръ...

— Жаль Дика! тихо сказалъ Щербаковъ и еще тише спросилъ: — По твоему, Мика, пора?

— Ей Богу, пора! горячо заговорилъ Ингистовъ. — Помилуйте, мы медлимъ точно семинаристы. За себя стыдно!

— Конечно, пора! подхватилъ корнетъ Урусовъ и даже покраснѣлъ отъ рѣшимости.

— Что?! заревѣлъ на него Щербаковъ. — Молокососы стариковъ учать? Потрудитесь молчать! и уже не обращая на корнета вниманія, спросилъ Ингистова: — Такъ ты думаешь, Мика, пора! Хорошо. А взвѣсилъ - ли ты, да и всѣ вы, чѣмъ можетъ кончиться при неудачѣ наша затѣя? Поду-

малъ - ли ты, что великій князь разотретъ насъ въ порошокъ и разбросаетъ къ дьяволу на рога!

— Тогда къ царю! невозмутимо отвѣтилъ Ингистовъ.

— Къ царю?! Такъ вѣдь это, батенька, бунтъ!

— Почему бунтъ? Отправятся лучшіе офицеры. Мы будемъ просить, умолять. Мы убѣдимъ.

И поручикъ Ингистовъ все жарче и жарче сталъ доказывать, что дѣло, задуманное ими, правое, что опасаться нечего, что и великій князь, несмотря на свою суровость, человѣкъ, а не звѣрь, что только нужна быстрота, и что они поведутъ быстроту и натискъ, какъ и подобаетъ безсмертнымъ гусарамъ и — не слѣдуетъ опасаться непріятностей.

Щербаковъ слушалъ молча. Его лицо выражало каменную строгость, а надъ бровями залегла морщина заботы. Но глаза его блестѣли веселымъ и задорнымъ огнемъ, какой вспыхиваетъ только у бывавшихъ виды кавалеристовъ, хорошо знающихъ цѣну себѣ и своимъ друзьямъ. И взглядъ строгаго ротмистра, временами, сбѣгая съ возбужденнаго лица Ингистова, останавливался на мигъ, на одинъ только мигъ, на лицѣ корнета Урусова и тогда подъ сѣдьющими усами Щербакова скользила улыбка; ужъ очень строгимъ, не по лѣтамъ и не по чину, казался ему Урусовъ. «Дитя ты, дитя!» думалъ Щербаковъ и вдругъ, строго обернувшись къ Урусову, спросилъ:

— А ты, какъ думаешь, Николай?

— Я только осмѣлился доложить вамъ, господинъ ротмистръ...

— Довольно чиновъ! снова вспыхнулъ Щербаковъ. — Я тебя спрашиваю безъ всякихъ чиновъ!

— и не въ силахъ удержаться, закатился веселымъ смѣхомъ :

— Охо - хо! Ну и Урусовъ! Ну и умориль! Да съ тобой можно завоевать Европу! Охо - хо! и вдругъ, оборвавъ смѣхъ, озабоченно поглядѣлъ на офицеровъ.

— Эхъ, господа, господа! Горячія головы! Жалко мнѣ васъ. Могутъ быть крупныя непріятности. Однако и Дика жаль. Хорошо, я согласенъ. Только смотрите въ оба. Держитесь на чеку. Ты, Мика, сегодня вечеромъ собери молодежь въ билліардной, а я сейчасъ же займусь стариками. Корнетъ Урусовъ! — съ дѣланной строгостью выкрикнулъ Щербаковъ. — Извольте неотлучно оставаться при мнѣ! — и уже улыбаясь, добавилъ : — Сегодня я тебя буду натаскивать. Понялъ?

— Понялъ! — засмѣялся Урусовъ.

— Итакъ, до вечера ни гу - гу! Ыдемъ, корнетъ!

Щербаковъ пропустилъ мимо себя эскадронъ и повернулъ съ Урусовымъ въ ближайшую улицу.

Ингистовъ далъ шпоры и поскакалъ догонять эскадроны.

А вдоль главной улицы, колыхаясь въ тактъ шагу, шли городомъ эскадроны черныхъ гусаръ и навстрѣчу веселымъ солнечнымъ улицамъ гремѣла и ширилась гусарская пѣсня :

Тутъ нашъ ротмістръ подлетѣлъ,

Веселиться намъ велѣлъ :

— Веселитесь ребята !

— Веселитесь молодцы !

— Кутузовъ, не ври! Не ври, чортова перечница! попрежнему надрывался Зубовъ!... Но заглу-

шая окрикъ поручика, весенній воздухъ разрывался бойкими голосами :

Съ права фланга и налѣво
Всѣ кричали мы ура !
Всѣ кричали мы ура
За здравіе царя !

Апрѣльскій день блестялъ яркимъ солнцемъ и въ чистомъ лазурномъ небѣ весело звенѣли первые жаворонки...

Между тѣмъ, Щербаковъ говорилъ Урусову :

— Вотъ, что душа: генераль — инспекторъ кавалеріи, великій князь Николай Николаевичъ, заруби себѣ на носу, терпѣть не можетъ зеленую молодежь и, какъ только увидитъ твою воинственную фізіономію, то съ мѣста въ карьеръ отправитъ тебя подъ арестъ! Для него корнетъ это тоже, что для севильскаго бычка красная тряпка. Отъ твоего изящества онъ сдѣлаетъ видъ, что падаетъ въ обморокъ, но упадетъ не онъ, а ты. Онъ не только такую зелень, но и старыхъ генераловъ тычетъ на «ты» и вертитъ ими вокругъ пальца, какъ корнеты вертятъ красавицъ! Понялъ?

— Выходитъ, что мнѣ ѣхать нельзя?

— Выходитъ.

— Позвольте, господинъ ротмистръ, что я мальчишка, что - ли?

— Мальчишка.

— Но позвольте...

— Не позволяю. Молчать! Слушай и наматывай на усъ, который у тебя скоро вырастетъ. Николай Петровичъ! Эвѣрюга косматый! Неужели ты думаешь,

что я допущу корнета Урусова остаться въ сторонѣ въ такомъ большомъ дѣлѣ?

— Значить я ѣду!

— Нѣтъ, ты не ѣдешь. А, если будешь много разговаривать и перебивать, старшихъ, то отправишься подъ арестъ. Понялъ? А теперь молчи и слушай. Самую главную часть этой затѣи долженъ выполнить ты.

— Я? — даже привскочилъ въ сѣдлѣ Урусовъ.

— Сегодня вечеромъ тебя въ билліардной не будетъ. Сегодня, вмѣсто билліардной, ты отправишься къ полковнику Наживину, куда къ тому времени будетъ принесенъ старый доломанъ Дика. Этотъ доломанъ ты отнесешь на квартиру Ингистова и сдѣлаешь такъ, чтобы объ этомъ, кромѣ тебя никто не зналъ.

Урусовъ уже готовъ былъ прямо съ коня броситься на шею ротмистра, но въ этотъ моментъ они подѣхали къ дому Щербакова. Корнетъ крѣпко пожалъ руку старшаго товарища и давъ шпоры, сломя голову поскакалъ къ полку. А Щербаковъ весело посмотрѣлъ ему вслѣдъ и еще веселѣе подумалъ: «Ишь, сорви голова!» — и вспомнилъ, какъ и самъ былъ когда-то корнетомъ.

II.

— Ты это, братъ, что-жъ подвираешь? — выговаривалъ на конюшнѣ Кутузову молодой солдатъ Агриненко. — Всѣ пѣсенники, какъ по нотамъ, а ты промежь нотъ! Иному и нарочно не спѣть!

Кутузовъ вздохнулъ тяжело и сказалъ:

— Вотъ, справлюсь съ конемъ и такое расскажу

вамъ про Дика, что рты разинете. Дѣло сурьезное. Вчера я Дика на улицѣ встрѣтилъ, когда на повѣрку спѣшилъ. Шелъ я съ нашимъ Гершковичемъ изъ третьяго эскадрона. Вижу — идетъ Дикъ чернѣй тучи. Испужался и я, въ первыя ворота стебанулъ и гляжу въ щелку. Вытянулся Гершковичъ во фронтъ, ну, думаю, распекать будетъ; ужъ больно сердить съ лица. А онъ подошелъ къ нему, поздоровался, положилъ руки на плечи, посмотрѣлъ въ глаза и полѣзъ въ карманъ. И вдругъ, что - бы вы, братцы, подумали — подаетъ ему ассигнацію. Даль онъ ему рупь, а глаза - то, Гершковичъ рассказывалъ, такіе, что вѣрите - ль мнѣ, расплакаться человѣку. Такимъ его Гершковичъ никогда не видѣлъ.

— Перехитрилъ, братъ, тебя еврей. Пропаль твоей рупь.

— Спужался я, братцы. Ужъ больно съ лица лютъ.

— Съ лица - то онъ лютъ, а души такой нигдѣ не сыскать! сказалъ унтеръ Пигалица и задумался. Дикъ!... Дикъ!... Дикъ!...

Во всѣхъ эскадронахъ только и разговору было, что о замѣнѣ Дика новымъ командиромъ полка. Говорили на конюшняхъ, на кухняхъ, въ околodкѣ, въ швальнѣ, въ канцеляріи, въ караулахъ, въ офицерскомъ собраніи, въ частныхъ квартирахъ.

Событіе было незаурядное: стараго Александрійскаго гусара, съ юнкера до полковника, до командира полка включительно, проведшаго свой вѣкъ въ черныхъ гусарахъ, произвели въ генералъ - майоры и, оторвавъ отъ полка, дали ему бригаду. И старый безсмертный Александрійскій гусаръ снялъ черный

доломанъ и облачился въ обще-генеральскій сюртукъ. Старого безсмертнаго гусара отняли отъ родного полка и сдѣлали изъ него обыкновеннаго генерала. Что - жъ, терпи гусаръ, это царская милость. И гусары тянулись. Отъ рядового до штабъ - офицера всѣ, какъ одинъ, и не роптали, знали службу и приняли эту «милость», какъ неизбѣжное.

Въ тотъ прошлый вѣкъ наши дѣды твердо и неуклонно слѣдовали долгу присяги, вѣрности и порядку. У cadaго вѣка свои взгляды на вещи. Жизнь есть жизнь. И мы передъ грядущими столѣтїями дикари. Безспорно только одно, что доброта человѣческая можетъ искупить зло и никакіе соціальныя сдвиги безъ этой доброты ничего не сдѣлаютъ...

И хотя старымъ друзьямъ Дика было тяжело расставаться со своимъ командиромъ, но ихъ утѣшала надежда на новую царскую милость, которую они рѣшили испросить черезъ генераль - инспектора кавалерїи и на которую отчаянно пошли головорѣзы вроде поручика Ингистова. Но объ этомъ потомъ.

Сильнѣй всѣхъ переживалъ ударъ генеральскій деньщикъ Бубликовъ, оставшійся по вольному найму у Дика. И съ того дня, какъ Дикъ облачился въ новый генеральскій сюртукъ, у добраго Бубликова пропало всякое уваженіе къ Дикѹ.

— Ну вотъ, вы и генераль и ваше превосходительство, — говорилъ онъ, — а нешто вамъ это прїятно?

— Да ты, дуракъ, съ ума спятилъ?!

— Я - то? Никакъ нѣтъ ваше высоко... виноватъ, ваше превосходительство. Промѣняли ястреба на ворону.

— Молчать! ревѣлъ въ негодованіи Дикъ. — Мерзавецъ! Какъ ты смѣешь о царской милости?! Да развѣ генеральскій мундиръ ворона?!...

— Да я нешто про мундиръ? Я про себя. Жалкс мнѣ васъ, Кузьма Егоровичъ! Отказаться - бы вамъ отъ этой награды.

— Скотъ!! выходилъ изъ себя Дикъ. — Искальчу!

— Сдѣлайте одолженіе! пѣтушился пріосаниваясь Бубликовъ. — Бывало, гусарскій полковникъ Дикъ словъ плохихъ не говаривалъ, а можетъ это у генераловъ мода такая, — калѣчить?

— Да понимаешь - ли ты, болванъ, что ты говоришь?

— И очень мы все понимаемъ! А вотъ вы насъ понять не можете.

— Да ты послушай, Степанъ, да ты пьянъ, что - ли?

— Черный гусаръ, ваше превосходительство, выпивши бываетъ, а пьянымъ — никогда.

— Пошелъ вонъ!! снова заревѣлъ Дикъ.

— Понимаемъ! печально сказалъ Бубликовъ и понуро пошелъ къ двери.

— Стой! Да что - жъ ты, скотина, понимаешь? удержалъ его Дикъ.

— Да ужъ мы понимаемъ...

— Вонъ!! Вонъ!! Вонъ!! снова вышелъ изъ себя генераль.

Какъ - то вечеромъ, Дикъ, проходя мимо вытянувагося въ струнку Бубликова и глядя на его усмѣшку, спросилъ:

— Это отчего у тебя, Степанъ, морда кислая?

— У Александрійскихъ гусаровъ, ваше превосходительство, Кузьма Егорычъ, мордовъ нѣту. У нихъ голова.

— Молчать, грубіянь! Распустился совсѣмъ. Ты думаешь, что по вольному найму, такъ я тебя не согну? Посмотри, что у тебя въ гардеробѣ дѣлается. Со вчерашняго дня сюртукъ не почищенъ.

— Сюртукъ не доломанъ, чего его чистить? угрюмо отвѣтилъ Степанъ.

— Да ты, что - жъ это, опять?

— Увольте лучше меня, Кузьма Егорычъ. Ей - Богу увольте. Сердцемъ я изошелъ. Десять лѣтъ при васъ доломаны чистилъ, а теперь — новая линія — сюртуки чисти. И не идетъ къ вамъ этотъ сюртукъ, ваше превосходительство.

— Идіотъ! Не понимаешь, что говоришь. Морду не дуй!

— Воля ваша, Кузьма Егоровичъ, можете и бить. Теперь не то, что раньше. Черные гусары цѣнили солдатъ, были имъ, что отцы. Эхъ, вспомнишь, и слеза прошибаетъ!..

Дикъ закусилъ губу и молча посмотрѣлъ въ глаза Бубликову. Тотъ ясными, простыми и преданными, какъ у собаки, глазами, встрѣтилъ взглядъ генерала и недружелюбно опустилъ голову. Тогда Дикъ положилъ на плечо деньщика руку и тихо сказалъ:

— Другъ ты мой, старый! Гусаръ ты мой преданный. Вижу, что любишь...

— Богъ видитъ! срывающимся голосомъ отвѣтилъ Бубликовъ.

— Не рѣжь ты меня, Степанъ Семеновичъ!

Развѣ не видишь, что самому мнѣ не вмоготу?

— Вижу! — еще тише отвѣтилъ деньщикъ — и въ голосѣ его слышались слезы. — Все вижу, Кузьма Егоровичъ, знаю, что отъ сюртука подлага вамъ и тошно.

— Дуракъ ты, братецъ! — рѣзко отстраняясь отъ него, оборвалъ Дикъ. — Да развѣ можно говорить такъ о царской милости?!

— Извѣстно, нельзя. А скажи мнѣ сейчасъ царь: «Чего хочешь, Бубликовъ? Генеральскій сюртукъ или обратно въ полкъ самымъ послѣднимъ гусаромъ?» И я ему прямо скажу: «Казни или милуй, ваше императорское величество, но пошли ты меня самымъ послѣднимъ гусаромъ въ Александрійскій полкъ, только избавь отъ этого сюртука!

— Пошелъ вонъ, болванъ! — снова разсвирѣпѣлъ Дикъ и затопалъ ногами.

И въ конецъ разобиженный Степанъ шелъ въ свою каморку и схвативъ щетку, съ такимъ остервенѣніемъ принялся чистить генеральскій сюртукъ, точно это былъ его злѣйшій врагъ.

А вечеромъ, сидя въ гостяхъ въ третьемъ эскадронѣ, Бубликовъ неторопливо рассказывалъ:

— И какой - же онъ былъ братцы, расчудесный человекъ! Такой онъ былъ человекъ, что можетъ по всему свѣту и людей такихъ не бываетъ. Вотъ, какимъ былъ нашъ Дикъ! Пріѣхалъ это я, значить, съ побывки. А въ то время во мнѣ, въ молодомъ - то, толку не больше, что въ Агриненкѣ. Просто деньщикъ деньщикомъ и уши холодныя. Пріѣхалъ безъ сундучка и прямо въ кухню. А въ кухню - то, случись, зашедши самъ Дикъ. Здорово, говоритъ, Бубликовъ!

Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! Ну, какъ, говоритъ, погулялъ? Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, сундучекъ скрали. Какъ скрали? Кто скралъ? Пріѣхалъ, говорю, я въ Питеръ, а кругомъ по вокзалу офицеры и генералы. Растерялся. Тутъ какой - то человѣкъ и говоритъ мнѣ: — Давай, говоритъ, гусарикъ, помогу тебѣ сундучекъ нести, а то неспособно тебѣ господамъ офицерамъ честь отдавать. Взялъ онъ у меня сундучекъ и пошелъ. Пошелъ себѣ и ушелъ. Какъ, говоритъ ушелъ?! Не могу, говорю, знать. Ушелъ. Отдалъ я честь на право, отдалъ на лѣво, анъ — глядь — человѣкъ съ сундучкомъ и ушелъ. Унесъ, подлецъ! Засмѣялся Дикъ и спрашиваетъ: — А что у тебя въ сундучкѣ было? А все, говорю, ваше высокоблагородіе. Портянки, исподнихъ двѣ пары, четыре рубахи, чай, да еще фунтъ колбасы, водки полъ штофа, лошадиная шкилета на картинкѣ, фершалъ подарилъ для науки и еще всяко барахлишко. Вынулъ Дикъ двадцать пять цѣлковыхъ и подаетъ. Возьми, говоритъ, гусарь! Купи, что тебѣ надобно, а когда поѣдешь въ отпускъ, то привязывай себя къ сундучку!

— Привязывалъ? — спросилъ кто - то изъ слушателей.

— Глупъ ты! — огрызнулся Бубликовъ и продолжалъ дальше:

— А я, братцы, на эти двадцать пять рублей цѣлый годъ барономъ жилъ. Вотъ какой это расчудесный человѣкъ былъ! Такого командира земля еще не родила!

— А теперь - то онъ какой? — спросилъ, раскраснѣвшійся отъ любопытства унтеръ - офицеръ Жмыха.

— Лють! насупивъ брови, сказалъ Бубликовъ.
— Да и будешь лють, когда полкъ отобрали, когда съ человѣка гусарскій доломанъ сняли!

— Такъ вѣдь то - жъ повышение! Теперь у него генеральскій чинъ! Теперь онъ не полкомъ, а бригадой командуетъ! — бойко выпалилъ бѣлобрысый гусарикъ и вопросительно поглядѣлъ на Жмыху.

— Дуракъ! — сказалъ ему унтеръ - офицеръ.
— Куца твоя голова. Всю жизнь въ доломанѣ и вдругъ сюртукъ!...

— Такъ вѣдь онъ генеральскій! — опять всталъ гусарикъ.

— А что съ того? — грубо оборвалъ Бубликовъ.
— Эта, братъ, генеральская форма у всѣхъ кавалерійскихъ генераловъ, а командирскій черный доломанъ Александрійскихъ гусаръ, хоть и полковничій, да на весь міръ только нашъ!! Пойми, олухъ!...

— А онъ, братцы, Гершковичу на чай рупь далъ!

— Не врешь, Гершковичъ?

— Честное слово не вру! Вотъ и рупь.

— Покупай водки, спрыснемъ твой рупь!

— Гершковичу рупь, а мнѣ грозился опять морду набить! — сокрушенно вздохнулъ Бубликовъ.

— Да ну?

— Вѣрное слово! Прямо самъ не свой. Вчера я ночью босикомъ подошелъ къ кабинету, а онъ сидитъ за столомъ опершись на руку и глядитъ на свой гусарскій патретъ. Приоткрылъ я двери и говорю тихо: — Эхъ, говорю Кузьма Егорычъ!...

— Это генералу - то? — перебилъ бѣлобрысый.

— А мнѣ што? — ухмыльнулся Бубликовъ.

— Вотъ и говорю ему: Эхъ, говорю, Кузьма Егоро-

вичъ! Не вернуть вамъ черного доломана!... А онъ посмотрѣлъ на меня и говоритъ: Пошелъ вонъ, болванъ!.... Покачалъ головой, сплюнулъ съ досады и пошелъ къ себѣ.

— Неушто и сплюнулъ? — опять спросилъ бѣлобрысый. — Въ генеральскомъ - то кабинетѣ и сплюнулъ?!

— Эхъ! брезгливо отмахнулся Бубликовъ.

— Какой онъ мнѣ генералъ? Это онъ вамъ, да господамъ офицерамъ генералъ, а я человекъ вольный; хочу служу, хочу нѣтъ.

— Да какъ это ты Степанъ по генеральскимъ кабинетамъ и вдругъ, босикомъ?

— Силъ нѣтъ! — вздохнулъ Бубликовъ и опустилъ голову.

— А что за пакетъ несъ къ Наживину? спросилъ Жмыха.

— Пакетъ? — растерялся Бубликовъ. — Да нешто ты видалъ?

— Не видалъ - бы, не спрашивалъ.

— А я, братцы, вставилъ молодой гусаръ, — сбѣганулъ въ лавочку для господина вахмистра, такъ видѣлъ, какъ отъ полковника Наживина корнетъ Урусовъ съ какимъ - то большеннымъ пакетомъ вышелъ!

— А ты вотъ помалкивай! — строго отрѣзалъ Бубликовъ. — Не ровень часъ, за уши выдерутъ!

Жмыха переглянулся съ Бубликовымъ и, сообразивъ, что во всей исторіи кроется какая - то важная тайна, прикрикнулъ на молодого гусара:

— Эй, зелень! Фитиль въ лампѣ поправь. Не видишь, што - ль? Коптитъ!...

А когда Бубликовъ выходилъ изъ эскадрона и слушалъ, какъ ухарски заливался трубачъ, играя вечернюю зорю, онъ сокрушенно вздыхалъ и думалъ: «Отошли отъ насъ съ Кузьмой Егоровичемъ, черные гусары! Прощай порядочная жизнь; перешли на генеральскую линію!...»

И вдругъ, вспомнивъ о пакетѣ полковнику Наживину, проговорилъ вслухъ:

— Еще, дастъ Богъ, все образуется. Еще, можетъ быть, господа офицеры выручатъ Дика...

— Какого Дика? строго окрикнулъ его у самого уха знакомый голосъ.

Бубликовъ вздрогнулъ, вытянулся и увидѣлъ передъ собой своего барина.

— Ты что? спросилъ Дикъ.

— А вы что? въ свою очередь спросилъ отъ растерянности Бубликовъ.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ для Дика и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ простъ, что онъ, растерявшись не менѣе деньщика, тихо отвѣтилъ:

— Да вотъ, шелъ мимо этихъ мѣстъ и остановился трубача послушать. Хорошо!

— Хорошо! тихо отвѣтилъ Бубликовъ и они посмотрѣли въ глаза другъ другу. И въ глазахъ одного и другого свѣтились слезы и радость...

Трубачъ игралъ зорю, въ потемнѣвшемъ небѣ еще летали стрижи, изъ-за оскала покосившагося забора выплывала розовая луна, а отъ нестроевой команды тянуло подгорѣлой печенкой.

Долго стояли другъ противъ друга бывшіе гусары, генераль и деньщикъ, смотрѣли другъ другу

въ глаза и слушали родной мотивъ. Наконецъ, Дикъ сказалъ :

— Идемъ!...

III.

Старый командиръ томился не меньше Бубликова.

Быль - ли онъ радъ производству? И да, и нѣтъ. Пришлось снять черный доломанъ и облачиться въ обще - генеральскую форму. Жгли ему плечи генеральскіе погоны. Такъ и сорвалъ - бы ихъ и влезъ - бы въ привычный доломанъ. Но, — царская милость, движеніе по службѣ, все это не шутки. Закусывай сѣдой усь и держи голову выше.

— Знешь что, Мурка? говорилъ онъ скорбно женѣ. — Сдается мнѣ, что не долго я буду носить генеральскій сюртукъ!

— Да Господь съ тобой, что ты!

— Предчувствіе такое. Или умру, или уйду въ отставку. Силь не хватаетъ. Вѣдь съ юнкера врослась въ доломанъ! Поѣду въ Петербургъ къ государю и прямо скажу: «Не могу, ваше величество... видитъ Богъ, не могу!» Зачѣмъ такая обида?

— Этого - бы еще не хватало! приходила въ ужасъ жена. — Государь обласкалъ, государь наградилъ, а ты какую - то чушь мелешь.

— Не могу, хоть убей, не могу! Помнишь у меня въ полку еврея Гершковича? Бравый еврей! Не люблю ихъ, а этотъ изъ гусаровъ гусаръ! Красавецъ! Картинка! Пострѣчался вчера, вытянулся во фронтъ, а мнѣ его обнять хочется и... боюсь, что расплачусь. Ахъ, ты, думаю, сучій сынъ, свѣтъ ты мой, черный гусаръ! А меня на бригаду и въ гене-

ральскій сюртукъ... Гершковичъ, Гершковичъ, счастливая ты скотина!

— Но, милый, зачѣмъ - же такъ выражаться?

— Счастливый, думаю, ты скоти..., далъ ему рубль. Вотъ тебѣ, гусаръ, на водку! И больше бы далъ, да при себѣ не было. Обалдѣлъ мой гусаръ.

— Ахъ, Кузьма Егоровичъ, опять же выраженія! Никогда съ тобой этого не было.

— Посмотрѣлъ я въ его удивленную морду и, повѣришь - ли, слезы навернулись.

— Ну вотъ, опять «морда». Зачѣмъ эти слова?

— Плевать мнѣ, дорогая, на выраженія! Да что Гершковичъ! Кобыла у насъ была въ четвертомъ эскадронѣ, вислоухая, безобразная и кличка «Ворона», пристрѣлить - бы ее, эскадронъ портила! А преврати меня судьба въ эту кобылу, да посади на меня Гершковича, глазомъ - бы не моргнулъ, только морду задралъ - бы выше!...

— Ахъ, опять раздражаешься!...

Но Дикъ ее не дослушалъ. Онъ отмахнулся и ушелъ въ кабинетъ. И, когда онъ, запершись взглянулъ въ окно, то увидѣлъ, что на суку сидитъ ворона и недружелюбно косится на его сюртукъ.

IV.

— Зубовъ! Зубовъ! Гдѣ - же ты запропастился?! кричалъ изъ билліардной поручикъ Иигистовъ. — Да позовите - же, господа, Зубова! И куда этотъ Зубовъ удралъ?

— Господа! щелкалъ шпорами корнетъ Горскій. — Господа, мы уже всѣ въ сборѣ, зачѣмъ - же намъ дожидаться Зубова?

Ингистовъ скосилъ глаза на корнета и сухо оборвалъ:

— Корнетъ, прошу не распорядиться!

— Виноватъ, господинъ поручикъ! вытянулся Горскій.

— Ну, то - то. Извиняю.

Всѣ знали, какъ тепло дружилъ Ингистовъ съ Горскимъ и на такое цуканье всегда улыбаись. Обижался одинъ Горскій и наединѣ выговаривалъ другу:

— Ну, что за свинство одергивать при всѣхъ? Ты ставишь меня въ неловкое положеніе.

— Что?! вскакивалъ Ингистовъ. — Свинство? Да вы это съ кѣмъ разговариваете?

— Виноватъ! опять вытягивался корнетъ и дѣлалъ печальное лицо.

— Ну, то - то! буркалъ Ингистовъ и черезъ минуту дружески обнималъ своего любимца.

— Господа, гдѣ - же Зубовъ?

— Часъ тому назадъ его видѣли, какъ онъ у собранія поймалъ Кутузова и обучалъ его пѣть.

— Ну, что за ерунда! Его ждутъ, дѣло серьезное, а онъ возится съ Кутузовымъ.

— Корнетъ Сомовъ, поищите, ради Бога, поручика Зубова.

— Зубовъ!

— Зубовъ!

— Да гдѣ - же Зубовъ?

А между тѣмъ, общій любимецъ собранія поручикъ Зубовъ, сидѣлъ, развалиясь на диванѣ въ библіотекѣ и, обнимая юнкера Штакельберга, хмельной и веселый, пѣлъ, размахивая въ такъ свободной рукой:

Бывало, въ черныхъ доломаняхъ,
Мы сидимъ, кутимъ и пьемъ.
Вино кипитъ въ нашихъ стаканахъ;
Александрійцамъ нипочемъ!...

— Пой юнкеръ! Пой, это тоже служба! и оба
довольные и радостные запѣли дальше :

Однажды намъ сказалъ майоръ:

— Друзья, на свѣтѣ все пустое,

— Чины, богатство, слава, — вздоръ!

— Въ винѣ, вотъ счастье простое!...

— Звѣрь, наливай вина! Да потрудись сказать
мнѣ, юнкеръ Штакельбергъ, есть - ли душа у ряб-
чика? и не дожидаясь отвѣта, запѣлъ :

А что - жъ поручикъ нашъ молчить?

Бѣднякъ діету соблюдаетъ...

Но Штакельбергъ, поднявъ бутылку, неожи-
данно перебилъ Зубова :

А тамъ, подальше въ уголку

Корнетъ влюбленный на диванѣ

И съ нимъ дежурный по полку

И пьяный юнкеръ въ доломанѣ!

— Юнкеръ Штакельбергъ, не перебивать!

Но юнкеръ хорошо изучилъ добродушіе Зубова
и, наливая вино въ стаканъ, громогласно закончилъ :

Тузы, семерки шевелятся,

Играютъ хоромъ трубачи.

И все, какъ прежде веселятся

Друзья — гусары, усачи!...

— Пропустил! Пропустил! Изволь начинать
снова!

Но въ бібліотеку входилъ Ингистовъ съ
корнетомъ Горскимъ.

— Зубовъ! всплеснулъ онъ руками. — Зубовъ, да ты съ ума сошелъ!

— А что?

— Какъ что? Тебя всѣ ждуть въ билліардной!

— Какъ въ билліардной? А я понялъ, что мы соберемся въ библіотекѣ и удивляюсь, чего васъ такъ долго нѣтъ.

— Зубовъ, Зубовъ! Никакъ ты уже?

— Я? Нѣтъ! Ей-Богу только бутылку вина, и то пополамъ съ юнкеромъ. Ну, не ворчи, не ворчи. Иду! Юнкеръ Штакельбергъ! Что-бы къ моему приходу быть, какъ стекло! Да вотъ еще что: извольте на свободѣ подумать о пользѣ огородничества на островахъ Франца - Іосифа!

Въ билліардной давно ждали Зубова и когда его привели и усадили за столъ, поручикъ Ингистовъ объявилъ, что съ разрѣшенія господъ эскадронныхъ командировъ, засѣданіе слѣдуетъ считать открытымъ.

— Господинъ ротмистръ Щербаковъ не откажите ознакомить господъ офицеровъ съ цѣлью собранія!

Въ комнатѣ сдѣлалось такъ тихо, что было слышно, какъ у нервнаго корнета Нарышкина позваниваютъ шпоры.

V.

Маленькій сухой генераль съ Георгіемъ въ петлицѣ, съ лицомъ въ кулачокъ и съ бѣгающими изъ подъ желтыхъ бровей острыми, маленькими глазами, обходившій прибывшихъ на пріемъ къ великому князю офицеровъ, съ удивленіемъ остановился передъ группой черныхъ гусаръ.

Во главѣ ихъ, нѣсколько выдвинувшись впередъ, стоялъ поручикъ Ингистовъ.

— Какъ?! Цѣлой кучей на пріемъ къ великому князю?! Что это значить, господа?

— Ваше превосходительство! — отвѣчалъ за всѣхъ Ингистовъ. — Мы имѣемъ свое семейное полковое дѣло къ его императорскому высочеству.

— Все это хорошо! — сказалъ генераль. — Но, когда господа офицеры одного полка, являются группой къ генераль - инспектору кавалеріи, то это, простите, похоже на какой - то (генераль хотѣлъ сказать «бунтъ», но во время спохватился и сказалъ), на какую - то демонстрацію. Доложите по начальству и пусть командиръ полка письменно изложить ваше дѣло его императорскому высочеству.

— Простите, ваше превосходительство! — все также невозмутимо отвѣчалъ Ингистовъ. — Но мы явились въ данномъ случаѣ на пріемъ не къ генераль - инспектору кавалеріи, а къ своему шефу, къ шефу Александрійскихъ гусаръ, какимъ является его императорское высочество. Мы, офицеры, хотимъ говорить съ нимъ, какъ съ отцомъ, какъ съ опорой и надеждой полка, какъ съ другомъ черныхъ гусаръ, какъ дѣти со своимъ отцомъ! А въ этомъ, ваше превосходительство, вы намъ не откажете!

— Гм!... — сказалъ генераль и на секунду, опустивъ голову, задумался. — Пожалуй, я доложу. Пожалуй, это ваше законное право. Я доложу! — и звякнувъ шпорами, направился къ дверямъ кабинета.

Вотъ тутъ - то, у каждого пробѣжали мурашки по спинѣ. Каждый почувствовалъ, что отступать уже поздно! А держать разговоръ щекотливаго характера

съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ великій князь Николай Николаевичъ старшій, — дѣло очень серьезное! Возможности были самыя невѣроятныя, самыя мрачныя; срывъ карьеры, разжалованіе въ рядовые, отдача подъ судъ, непріятности ни въ чемъ виновному Дику и Богъ еще знаетъ до чего могла - бы довести строгость этого всесильнаго человѣка.

Но смущеніе ихъ продолжалось не долго: не успѣлъ еще Ингистовъ произнести поблѣднѣвшими губами: — Тянись, гусары! — какъ дверь кабинета распахнулась и на порогѣ появился дежурный генераль.

— Господа офицеры Александрійскаго гусарскаго полка! — не прикрывая дверей, громко произнесъ сухенькій генераль. — Его императорское высочество просить!

Ингистовъ и шестеро головорѣзовъ перешагнули порогъ.

Передъ ними, за большимъ рабочимъ столомъ, сидѣлъ полу - богъ всей русской кавалеріи.

— Здравствуйте, мои дѣти! — подымаясь изъ - за стола, — сказалъ великій князь.

— Здравіе желаемъ, ваше императорское высочество! — хоромъ отвѣтили гусары.

— Вы, что - же это, одни, или каждый со своимъ эскадрономъ?! — насмѣшливо спросилъ великій князь и строго посмотрѣлъ на офицеровъ.

Ингистовъ сдѣлалъ шагъ впередъ и заговорилъ. А Ингистовъ умѣлъ говорить. И по мѣрѣ того, какъ крѣпъ голосъ поручика и лицо его, то вспыхивало румянцемъ, то становилось блѣднымъ, какъ матовое стекло, — морщины на лбу великаго князя соби-

рались въ тяжелыя складки, а изъ подъ бровей сверкали и сверлили Ингистова такіе взгляды, отъ которыхъ у безпечнаго и жизнерадостнаго Зубова, стоявшаго за спиной Ингистова, сжималось и оставалось сердце.

— Вы, ваше императорское высочество, — говорилъ между тѣмъ Ингистовъ, и пружиня грудь, смѣло глядѣлъ въ глаза великому князю, — можете все сдѣлать! Ваше содѣйствіе найдетъ откликъ у государя. Вѣдь только подумать, что нашъ дорогой генераль Дикъ, лично вамъ извѣстный, какъ доблестный офицеръ, начавшій службу въ гусарскомъ Александрійскомъ имени вашего императорскаго высочества полку, съ юнкера, никогда не снимавшій чернаго доломана, принужденъ теперь...

— Что теперь?! — рѣзко перебилъ великій князь.

Ингистовъ даже екнулъ, а у Зубова начался тикъ въ правомъ глазу.

— По вашему, генеральскій сюртукъ не стоитъ чернаго доломана?! — загремѣлъ великій князь и даже сдѣлалъ шагъ въ сторону офицеровъ.

— Или вы дураки (онъ въ сердцахъ даже сдѣлалъ на «дураки» удареніе) *) думаете, что я рѣшусь беспокоить монарха по вашей просьбѣ?! Чего вы хотите?! Дать Дикъ генеральскій доломанъ?! Гдѣ - жь это видано? И что за непорядки вамъ лѣзутъ въ головы? Или, быть можетъ, изъ - за вашего Дика сдѣлать Александрійцевъ гвардейскимъ полкомъ, въ которыхъ всегда командирами генералы?! Да вы

*) Эта подробность введена, какъ абсолютная историческая правда.

что у меня съ ума спятили? Генеральскій сюртукъ не стоитъ чернаго доломана?! А?!...

— Не стоитъ!! какъ - то отчаянно выкрикнулъ Ингистовъ. — Ей - Богу не стоитъ, ваше императорское высочество! — и самъ побѣлѣлъ.

— Да ты совсѣмъ дуракъ! — не ожидая такой дерзости и теряя свой тонъ, проговорилъ великій князь.

— Не стоитъ, ваше императорское высочество! — противъ воли и неожиданно для самого себя, выпалилъ за спиной Ингистова, Зубовъ.

— Эге - ге! — протянулъ великій князь! — Да вы, что же, это, бунтуете?

— Не стоитъ! Не стоитъ! — уже всѣ въ одинъ голосъ закричали гусары. И перебивая другъ друга и окруживъ своего шефа, возбужденные, со слезами на глазахъ, принялись они упрашивать всеильнаго человѣка.

— Вамъ этого легко добиться, ваше императорское высочество!

— Вы нашъ отецъ, нашъ шефъ, наша гордость; кого - же намъ и просить?!

— Дикъ былъ рѣдкій полковникъ; онъ коренной Александрійскій гусарь!

— Онъ всю жизнь не снималъ доломана!

— Арестуйте! Разжалуйте! Но не обижайте нашего бывшего командира!

— Заступитесь за своего офицера!

— Какая это награда для гусара, если у него отнять доломанъ?!

— Ого! — подхватилъ великій князь. Но дальше ему говорить не дали; всѣ, какъ одинъ звякнули

шпорами, вытянулись и опять загалдѣли на всѣ голоса. И надо отдать справедливость этимъ бравымъ головорѣзамъ, что галдѣли они такъ трогательно, такъ ласково, и съ такой подчиненной солдатской нѣжностью глядѣли въ глаза своему шефу, что стальное сердце полу-бога дрогнуло и онъ, обнявъ Ингистова, прижалъ его къ себѣ, продержалъ мгновение и слегка оттолкнувъ, тихо сказалъ:

— Спасибо гусарь! Спасибо мои дорогіе гусары! Такъ могутъ любить лишь воистину хорошія дѣти! Спасибо!! — и тотчасъ принявъ суровый видъ и усаживаясь за столъ, крикнулъ:

— Убирайтесь вонъ! Пошли, пошли всѣ! Пристали, какъ черти! Ладно, сегодня - же доложу государю. Убирайтесь, говорятъ вамъ! А завтра приходите за отвѣтомъ.

И, когда всѣ, звякнувъ шпорами, отошли къ двери, онъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— И не надѣйтесь! Навѣрное ничего не выйдетъ! Навѣрное ничего!...

А оставшись одинъ, задумался на минуту. Потомъ всталъ и, какъ - бы боясь передумать, рѣзко позвонилъ въ колокольчикъ.

— Отмѣнить пріемъ и немедленно подать экипажъ!

И уже черезъ пять минутъ выѣхалъ во дворецъ.

VI.

Не прошло и получаса съ посѣщенія его офицерами, какъ онъ стоялъ передъ императоромъ Александромъ Вторымъ и просилъ всемилостивѣйшаго соизволенія на ношеніе генераль - майоромъ Дикомъ

генеральскаго доломана Александрійскихъ гусаръ.

— Что тебя заставляетъ просить за этого Дика?
— сказалъ царь. — Вѣдь это, если хочешь, противозаконная просьба.

— Что заставляетъ? Дѣти! Дѣти пришли къ отцу и со слезами на глазахъ просили за старшаго брата.

— Какія дѣти?!

— Мои! Черные гусары! А что просьба противозаконная, то и ты готовъ нарушать законы, когда въ тебѣ заговорить сердце не царя, а просто человѣка. Вотъ былъ крѣпостной законъ, однако, ты его нарушилъ по человѣколюбію.

— Вѣрно!

— И вотъ, сдѣлайся на минуту простымъ человекомъ и снизойди на просьбы людей, тебѣ преданнѣйшихъ.

— Да что же это за легендарный Дикъ, ради котораго офицеры берутъ нахрапомъ великаго князя и инспектора кавалеріи, а тотъ беретъ нахрапомъ царя?

— Дикъ мой старый однополчанинъ и твой слуга. Онъ всю жизнь не снималъ чернаго доломана. Онъ съ чина юнкера въ Александрійскомъ полку. Можетъ быть, — не въ примѣръ прочимъ?

— Не знаю, какъ Дикъ, но гусары у тебя дикіе!
— засмѣялся царь и потянулся за перомъ.

— Быть по сему!...

VII.

Въ тотъ памятный для всѣхъ Александрійцевъ день, Бубликовъ (уже успѣвшій побывать у прѣхав-

шихъ изъ Петербурга офицеровъ), стоялъ въ своей комнаткѣ передъ генеральскимъ сюртукомъ и добродушно показывалъ ему кукиши.

— Что взялъ?! Ишь, какъ генераль поперекъ койки развалился! На - ко, выкуси...

А къ обѣду у Дика, совершенно неожиданно для него стали собираться его бывшіе офицеры. И по мѣрѣ того, какъ появлялись все новые гости, Дикъ приходилъ въ немалое изумленіе: «Съ чего - бы они? Навѣрное какую - нибудь шутку задумали, что - бы развеселить бывшего командира. Эхъ вы, гусары мои гусары!...» и спросилъ генеральшу:

— А что, Мурка, у тебя найдется чѣмъ накормить эту ораву?

— Найдется! — улыбнулась жена.

И ему стало ясно, что и генеральша въ какомъ - то веселомъ заговорѣ.

Наконецъ, когда собрались всѣ офицеры и генеральша позвала ихъ къ столу, дверь гостиной широко распахнулась и вошелъ Ингистовъ.

Онъ держалъ большой свертокъ и лицо его дышало восторгомъ. Въ то - же время изъ коридора просунулась въ дверь веселая физіономія Бубликова и тотчасъ исчезла.

Дикъ, ничего не понимая, глядѣлъ то на Ингистова, то на остальныхъ офицеровъ.

Ингистовъ откашлялся и подошелъ къ генералу. Всѣ поднялись, вытянулись и замерли.

— Ваше превосходительство! — дрогнувшимъ голосомъ началъ поручикъ. — Глубокоуважаемый нашъ Кузьма Егоровичъ! Разрѣшите поднести вамъ высочайшую милость!

Съ этими словами онъ развернулъ пакетъ и всѣ увидѣли блестящій серебромъ черный генеральскій доломанъ.

Дикъ вздрогнулъ, протянулъ руки, бросился къ Ингистову, обнялъ его и... заплакалъ.

— А это, — выступилъ впередъ Зубовъ и подалъ Дикѣ конвертъ, — это вашему превосходительству поручилъ передать (и онъ низко поклонился) свое поздравленіе и привѣтъ генераль - инспекторъ кавалеріи, его императорское высочество, великій князь Николай Николаевичъ, нашъ обожаемый шефъ!

— Урра! — грянули офицеры.

Дикъ почувствовалъ, что теряется, что нервы его не выдержатъ, и что - бы овладѣть собой онъ спросилъ:

— Но, какъ - же вамъ, господа, удалось достать мѣрку моего доломана?

— А тутъ, ваше превосходительство, — выступилъ впередъ ротмистръ Щербаковъ, — виновныхъ трое: ваша многоуважаемая супруга, корнетъ Урусовъ и вашъ вѣрный слуга Бубликовъ!

Въ это время въ дверяхъ появился Бубликовъ и, улыбаясь во весь ротъ, спросилъ генерала.

— А что теперь дѣлать съ сюртукомъ?

— А вотъ что! — и Дикъ, сбросивъ при всѣхъ сюртукъ на полъ, быстро надѣлъ доломанъ и началъ топтать ногами генеральскій сюртукъ *).

*) Эта подробность введена въ разсказъ со словъ стараго Александрійца Владиміра Емельяновича фонъ деръ Лауница, до чина полковника прослужившаго въ Александрійскомъ полку и разсказавшаго этотъ эпизодъ А. В. Яновскому.

Новое дружное ура перекинулось изъ гостинной въ столовую и, какъ - бы въ отвѣтъ ему, грянули подъ окнами Александрійскіе трубачи.

М Е Д В Ъ Д И Ц А .

Старая медвѣдица прекрасно знала отвратительный запахъ человѣческаго жилья. И когда, бывало, въ чашобу таежника донесется попутнымъ вѣтромъ (особенно среди ночи), этотъ острый и раздражающій запахъ, медвѣдица всегда ощерится, подыметъ морду и недружелюбно хрюкнетъ. Конечно, это — запахъ враговъ! Все существо подсказывало ей, что это еще неизвѣданные, но опасные и безпощадные враги.

Однажды, выйдя на лѣсной косогоръ, она увидѣла издали человѣческія берлоги, остро почувствовала запахъ дымка и, ворча, поспѣшила обратно въ чашобу.

Бывало и такъ, что прыгая и кувыряясь на упругомъ и скользкомъ черничникѣ она вдругъ, отскакивала въ сторону и, поднявъ дыбомъ шерсть на хребтѣ, фыркала и убѣгала безъ оглядки въ глубь лѣса; это она внезапно нападала на слѣдъ человѣка.

Особенно раздраженной и злобной сдѣлалась она, когда родились у ней два медвѣженка. Это были прелестные, мягкіе, неуклюже - шустрые затѣй-

ники, два пріятныхъ сосунка : темный и свѣтлый. Даже старый медвѣдь, ея закадычный другъ и товарищъ, не осмѣливался въ это время къ ней приближаться и всегда ходилъ слѣдомъ и держался на почтительномъ разстояніи. Онъ отлично помнилъ, какъ она съ медвѣжатами набрела на человѣскій слѣдъ. Это были страшныя минуты даже для него, огромнаго, темно - бураго силача. Бѣшенство овладѣло медвѣдицей. Тучи земли подняла она, терзая эти слѣды, ломала и съ корнемъ выворачивала молодые деревья и, набѣжавъ на своего мужа, въ страшной ярости, глубоко, по самую кость, вонзила въ него зубы.

И вотъ, какъ-то подъ утро, неожиданно и непонятно, одинъ изъ медвѣжатъ закричалъ, застоналъ и, уткнувшись въ мохъ, скорчился и не всталъ. Напрасно перепуганная медвѣдица, перевернувъ его на спину, долго, сопя и урча, лизала его мягкій, бѣлый животъ : малышъ не дышалъ, холодѣлъ и къ полдню заоченѣлъ окончательно. Два дня носила она его въ зубахъ, два дня не допускала къ себѣ близко медвѣдя и въ ночь на третій день сама зарыла его въ мохъ.

Съ особенной нѣжностью слѣдила она за оставшимся сыномъ, свѣтлымъ, какъ ея брюхо, карапузомъ.

Но вотъ, стала замѣчать медвѣдица, что медвѣжонокъ становился все неувѣреннѣе въ движеніяхъ, не игралъ, не кувыркался, натыкался на деревья, не смѣло бѣжалъ за ней, отставая безпомощно плакалъ, все рѣже и рѣже оставлялъ мать, а когда шелъ на ея зовъ, то шелъ не глядя на нее,

а только по чутью, не видя куда. И опять не поняла, но до боли почувствовала медвѣдица, что ея сынъ ослѣпъ. И когда усталый и безпомощный онъ прижимался къ ея ногѣ и съ жалобнымъ хрюканьемъ ложился и тутъ - же засыпалъ, она подолгу стояла надъ нимъ и тяжело вздыхала и оглядывалась на своего мужа, какъ - бы приглашая его быть свидѣтелемъ своего страшнаго горя.

Все чаще и чаще раздавался въ лѣсу ея раздраженный ревъ и тогда мелкіе звѣри торопились укрыться въ густыхъ кустарникахъ, въ темныя дупла, подъ корневища деревьевъ. А когда слѣпой медвѣжонокъ пробовалъ играть съ ней, она съ особенной нѣжностью, съ особенной трогательностью ложилась подлѣ него, облизывала ему черныя шершавыя ступни, жалобно повизгивала и печально глядѣла на мужа, который, отломивъ широкую, лапчатую вѣтку молодой елки, несъ ее въ зубахъ медвѣжонку.

Только тайга, да клочки голубого неба, да по ночамъ бѣлая луна, видѣли горе матери. Она подымала вверхъ морду, жалобно сопѣла, прищелкивала языкомъ и плакала. Слезы звѣря впитывалъ мохъ, сѣдой, какъ баки медвѣдя, мягкій, какъ шерстка на животѣ сосунка...

Было свѣжее и четкое утро, когда вышли они всей семьей на поляну и отъ неожиданности оба медвѣдя попятись: на полянѣ стояла человѣческая берлога, а передъ ней сидѣлъ человѣкъ.

Но, странно, запахъ этого жилья и даже запахъ самого человѣка, совсѣмъ не раздражалъ ихъ, а напротивъ, медвѣдица сразу почувствовала, что

здѣсь, вотъ именно здѣсь, около этого двуногого звѣря — ея спасеніе.

Еще старый медвѣдь задержался въ кустахъ, когда она, схвативъ за загривокъ медвѣжонка, смѣло подошла къ человѣку и положила свое дитя у его ногъ. Человѣкъ поглядѣлъ на медвѣдицу, наклонился надъ медвѣжонкомъ, осмотрѣлъ его и, поднявъ глаза къ небу, тихо сказалъ :

— Господи, Господи! Не по заслугамъ награждаешь раба своего. Но святится имя Твое и силой Твоей говорю я : прозри!

Медвѣжонокъ захрюкалъ, завизжалъ, лизнулъ въ бороду наклонившагося надъ нимъ человѣка и весело сталъ бѣгать и рѣзвиться около матери.

Страшная медвѣдица подошла къ отшельнику, потерлась мордой о его ногу и рысцой побѣжала къ кустамъ, гдѣ поджидалъ ее старый медвѣдь. Медвѣжонокъ бросился за матерью и скоро всѣ трое исчезли въ тайгѣ.

На слѣдующій день подъ вечеръ на полянѣ вновь показались медвѣди. Старикъ опять задержался въ кустахъ, а медвѣдица подошла къ человѣку и положила къ его ногамъ, еще теплую только что загрызанную, овцу. Медвѣжонокъ - же всталъ на дыбки и опять лизнулъ человѣка въ сѣдую бороду.

— Истинно, истинно говорю вамъ звѣри, — сказалъ отшельникъ, — что не далекъ день, когда люди сбросятъ съ себя звѣриную злобу и представнутъ передъ Господомъ благодарной медвѣдицей! и прибавилъ : — Именемъ Всемогущаго говорю овцѣ сей : встань и живи!

И овца поднялась на ноги и стала рѣзвиться съ медвѣжонкомъ. Медвѣдица легла у ногъ чело-
вѣка. Старый медвѣдь, съ тихимъ урчаніемъ, на-
блюдалъ за ними изъ кустовъ, а человекъ глядѣлъ
въ небо и плакалъ и говорилъ :

— Боже мой, Боже мой! За что такое мнѣ
счастье, такая радость, такая красота міра Твоего
въ мирѣ?!...

А надъ ними благодатью Господней теплилось
вечернее небо.

ЦВѢТОКЪ - ГІАЦИНТЬ.

Посвящаю Лешѣ Севастьянову.

Ахъ, господа, какъ быстро проходитъ молодость! Просто не вѣрится, что никогда, никогда не вернется время ласковой беззаботности, юношескаго восторга и наивной глупости. Цѣните юные годы, цѣните; текутъ они, какъ вода! И сколько, сколько ихъ за спиной! А между тѣмъ, такъ ясно стоитъ передъ глазами этотъ случай съ цвѣткомъ гіацинтомъ. И почему такіе случаи приходятъ на память?

*
**

— Ну вотъ, дѣти мои, будемъ рисовать цвѣтокъ гіацинть! и съ этими словами учитель рисованія, нашъ дорогой старичекъ Федоръ Лукичъ Морковка, поставилъ передъ классомъ на кафедру блѣдно - розовый гіацинть.

— Урра! закричали мы хоромъ, а Максимовъ съ задней парты добавилъ: — Ай да Морковка!

— Ну - ну! насупился Федоръ Лукичъ, котораго,

кстати сказать, фамилія была не Морковка, а Петровъ, а ужъ Морковкой мы его прозвали за длинный и красный носъ.

— Ну - ну! Я вотъ вамъ дамъ Морковку! Максимовъ, встань къ стѣнкѣ, а вы всѣ рисуйте цвѣтокъ гіацинтъ.

— Ура! снова прокричали мы, хлопнули крышками партъ и принялись за выполненіе гіацинта.

Одиночки, вродѣ Васьки Карпушина, еще нѣкоторое время пускали зубами, съ помощью натянутой резинки, бумажки въ затылки пріятелямъ, потомъ сквозь макаронину вздували пузырями чернила, но скоро и имъ надоѣло все это и они принялись рисовать гіацинтъ.

Боже, что это было за тридцать четыре гіацинта, выполненные тридцатью четьрьмя балбесами шестого класса! Если - бы всѣ рисунки выставить въ одну линію, это получился - бы дикій и фантастическій садъ кривыхъ, косыхъ, одностороннихъ и просто невѣроятныхъ цвѣтовъ! А потомъ... но все по порядку. Во первыхъ началось съ того, что Володька Сысоевъ нарисовалъ бумажный бантъ не съ правой стороны горшка, какъ ему было видно, а съ лѣвой. И нарисовавъ, всталъ и сказалъ :

— Федоръ Лукичъ, а Федоръ Лукичъ!

— Ну, что тебѣ, шалопай?

— Провѣрьте, пожалуйста, мой гіацинтъ.

Федоръ Лукичъ присѣлъ на парту Володьки, прищурился, глядя на его рисованіе и сказалъ :

— Что - жъ, хорошо! Очень хорошо! и взглянувъ на модель и свѣривъ съ Володькинымъ рисункомъ, закричалъ :

— Кто перевернулъ гіацинтъ?! Бантъ, бантъ не съ той стороны! Я тому шею переверну! Живо перевернуть гіацинтъ!

Володька Сысоевъ пулей бросился къ кафедрѣ и перевернулъ гіацинтъ.

— Такъ, Федоръ Лукичъ?

— Ну - да, такъ. Вотъ теперь будетъ правильно. И, что это за шалопаи мальчишки?!

Теперь гіацинтъ былъ перевернутъ такъ, какъ его нарисовалъ Володька Сысоевъ. Но бѣднаго Федора Лукича ожидало новое раздраженіе: наклонившись надъ рисункомъ Миши Бычкова и увидѣвъ на рисункѣ бантъ съ правой стороны, Федоръ Лукичъ вскипѣлъ:

— Кто опять перевернулъ гіацинтъ?! Я ему руки переверну! Назадъ, назадъ перевернуть! Бантъ справа. Ахъ, вы негодные шалопаи! Только отвернешься на мигъ, а они гіацинтъ поворачиваютъ.

Но каково было раздраженіе бѣднаго Федора Лукича, когда черезъ пять минутъ онъ вновь заглянулъ въ рисунокъ Сысоева. Онъ уже самъ побѣжалъ къ кафедрѣ, повернулъ гіацинтъ бантомъ на лѣво, схватилъ рисунокъ ближайшаго ученика и чуть не упалъ въ обморокъ: судя по рисунку, гіацинтъ успѣли перевернуть.

— Бантъ! Бантъ! — кричалъ Федоръ Лукичъ.
— Ша-ло-па-и-и!...

Пришлось еще разъ повернуть гіацинтъ. Къ счастью своему Федоръ Лукичъ больше не заглядывалъ въ рисунокъ Сысоева, а когда Володька хотѣлъ начать всю исторію снова, раздался звонокъ.

Всѣ вскочили и, окруживъ добраго Морковку, почти вырвали изъ его рукъ гіацинтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — запротестовалъ Федоръ Лукичъ — у меня урокъ въ пятомъ классѣ, отдайте мнѣ мой гіацинтъ.

— Ахъ, что вы, что вы, Федоръ Лукичъ, мы донесемъ его сами.

— Ну, спасибо! Спасибо! — и Федоръ Лукичъ засѣмнилъ въ учительскую.

Конечно, гіацинтъ мы оставили въ классѣ въ партѣ Авилова. Слѣдующій урокъ былъ нѣмецкаго языка. Преподавала его хорошенькая Маргарита Карловна Шацъ. Эту голубоглазую Маргариту Карловну мы любили за быструю сговорчивость и добрый характеръ и за то, что никто у нея не имѣлъ меньше трехъ.

И вотъ начался урокъ нѣмецкаго языка.

Маргарита Карловна, легкой и быстрой походкой впорхнула въ классъ.

— Гутенъ тагъ!

— Гутенъ моргенъ, гутенъ тагъ, гутенъ абентъ, гуте нахтъ! — пропѣлъ классъ и разомъ грузно опустился на скамьи.

Вдругъ, въ дверномъ оконцѣ показалась голова Федора Лукича. Взволнованный, красный онъ прильнулъ носомъ къ стеклу и дѣлалъ намъ какіе то таинственные знаки. Дежурный Бѣловъ поднялъ руку.

— Маргарита Карловна!

— Ну - съ?

— Разрѣшите? Эйнь минутъ.

— Пажалюста.

И не успѣлъ Бѣловъ высунуться изъ класса, какъ Федоръ Лукичъ зашипѣлъ :

— Мой гіацинтъ? У меня урокъ, гдѣ мой гіацинтъ?!

— Вашъ гіацинтъ? — сдѣлалъ изумленное лицо Бѣловъ. — Но мы - же его отнесли въ пятый классъ. Навѣрное они его спрятали.

— Что?! Ахъ, они мошенники! Я вотъ имъ пропишу! — и Федоръ Лукичъ заторопился въ свой пятый классъ. Бѣловъ подкрался къ дверямъ и прислушался.

Тамъ стоялъ гулъ голосовъ. Всѣ кричали, что гіацинта имъ не приносили, а Федоръ Лукичъ ругалъ ихъ шалопаями и грозился пойти къ директору. Наконецъ онъ крикнулъ :

— Молчать! Послѣ звонка разберемся, а пока, вмѣсто нѣжныхъ предметовъ, извольте рисовать стулъ! — и онъ водрузилъ на кафедру стулъ. Бѣловъ не сталъ ждать, что будетъ дальше и вернулся.

Весь урокъ нѣмецкаго языка прошелъ на сей разъ очень гладко. Садовскій не кричалъ съ Камчатки свое обычное : — Яволь!

Гришинъ не мяукалъ кошкой и не лаялъ и не мычалъ, а Синицынъ не стрѣлялъ изъ рогатки жеваной бумажкой по классной доскѣ. Вообще вели себя прекрасно. Передъ концомъ урока, Авиловъ вытащилъ гіацинтъ и подъ одобрительный гулъ направился къ кафедрѣ.

— Глубокоуважаемая Маргарита Карловна! началъ онъ, осторожно ставя передъ ней розовый гіацинтъ. — Мы всѣ ваши ученики, всѣ тридцать четыре такъ сказать фиръ ундъ дрейсихъ юнга шул-

лера, рѣшили въ знакъ нашего большого, деръ гроссе, уваженія къ вамъ, поднести вамъ, уважаемая Маргарита Карловна, этотъ чудесный цвѣтокъ, ди блуме, розовой окраски гіацинтъ. Ферштейнъ - зи?

— О, яволь, яволь! Данке зеръ!

— Битте зеръ! сказалъ Авиловъ.

— Битте! Битте! прокричали мы хоромъ, и въ это время раздался звонокъ.

Маргарита Карловна расплылась въ очаровательной улыбкѣ, прижала къ груди розовый гіацинтъ и восторженная и гордая выпорхнула изъ класса. Мы проводили ее до самой учительской и замерли у дверей. Нѣмка поставила гіацинтъ на столъ и только что отвернулась къ окну, какъ Федоръ Лукичъ, войдя въ другія двери и увидѣвъ цвѣтокъ, радостно вспляснулъ руками.

— Мой гіацинтъ!

— Ахъ, нейнъ! взвигнула нѣмка и метнулась на перерѣзъ Федору Лукичу. Но тотъ успѣлъ ухватиться и потянулъ его къ себѣ.

— Это мой гіацинтъ!

— Нейнъ, нейнъ! Это мой! Ахъ, это такой карошій, такой чудесни мальчики!

— Мой! уже зашипѣлъ Федоръ Лукичъ.

— Нейнъ, мой! кричала нѣмка.

— Вашъ?! Нѣтъ - съ, сударыня, мой - съ!

— Ахъ, что ви! Ви, Федоръ Лукичъ, путаль. Это ше мой мальчики дѣлалъ мнѣ презентъ. Ферштейнъ - зи?

— Вотъ такъ клюква! разсердился Федоръ Лукичъ. — Позвольте мой гіацинтъ.

— Нѣтъ, это мой.

— Отпустите руку, онъ мой.

— Нѣтъ мой.

Федоръ Лукичъ потянулъ сильнѣй. Горшокъ выскользнулъ изъ рукъ Маргариты, грохнулся объ полъ и разбился.

— Что вы надѣлалъ? въ гнѣвъ всплеснула руками нѣмка.

— Я?! побагровѣлъ Федоръ Лукичъ. — Да что вы, господа, изъ меня дурака строите!

И вдругъ, смѣшная сторона кончилась; Федоръ Лукичъ наклонился надъ грудой черепковъ, поднялъ за стебель цвѣтокъ, отряхнулъ съ него землю и печально посмотрѣлъ въ глаза нѣмкѣ.

— Это я сегодня купилъ его, что - бы отсюда отнести на могилку своей дочурки... да... вотъ... и занесъ сюда къ нимъ на уроки... да - съ... (голосъ его дрогнулъ и онъ полезъ за платкомъ)... и вотъ-с... Эти шалопаи... эти злые дѣти отняли отъ старика его подарокъ для дочки... вотъ - съ!...

Онъ вытеръ платкомъ глаза и все еще держа въ одной рукѣ платокъ, а въ другой розовый гіацинтъ съ луковицей безъ земли, отвернулся отъ нѣмки и продолжалъ :

— Да - съ... и не могу отнести къ дочкѣ... на могилку - то, безъ горшка...

Голосъ у него совсѣмъ сорвался. Онъ стоялъ къ намъ спиной, полусогбенный, съ опущенной головой. Плечи его вздрагивали. Мы не видѣли, но мы знали, что у старика по щекамъ катятся слезы.

И вотъ, безмолвные, испуганные, мы дрогнули. Мы дрогнули отъ сознанія своей жестокой глупости. И стыдъ и боль за несчастнаго старика охватили

насъ. И самые энергичные зашепетались и, захлебываясь торопливостью, стали убѣждать менѣ энергичныхъ. Звякнули мѣдяки, серебро. Трое сорвались съ мѣста, какъ сумасшедшіе выбѣжали на улицу и скрылись за угломъ.

Еще не прозвонилъ звонокъ этой большой перемѣны, какъ корзина въ десять розовыхъ гіацинтовъ была торжественно внесена нами въ учительскую.

— Федоръ Лукичъ! сказалъ, выступивъ впередъ, Володька Сысоевъ. — Простите насъ. Мы позволили глупую шутку. Но мы не знали... мы не предполагали, что... Эта могила... мы очень просимъ принять... эту...

Голосъ его дрогнулъ и всѣ увидѣли, какъ у Володьки покатались по щекамъ слезы. И всѣ мы полезли за носовыми платками и всѣмъ намъ было и стыдно и радостно до слезъ. Федоръ Лукичъ вначалѣ какъ - будто ничего не понималъ. Онъ растеренно оглядывалъ насъ, растеренно улыбался и вдругъ, все понявъ, бросился обнимать Сысоева :

— Спасибо вамъ, дѣти, спасибо! смѣясь и плача говорилъ онъ. — Я - же зналъ, что вы хорошіе шалопаи!...

Дрожащими руками онъ вынулъ изъ корзины лучшій цвѣтокъ и протянулъ его нѣмкѣ.

— Вы должны ихъ простить! сказалъ онъ. — Ферштейнъ - зи?

— О, да! О, да! заулыбалась Маргарита Карловна. — Данке зеръ!

— А это вамъ, шалопаи, въ классъ! сказала добрый Федоръ Лукичъ и протянулъ Володькѣ второй горшокъ. — На память. Этотъ гіацинтъ мы будемъ рисовать завтра.

— Ура! закричали мы хоромъ и помчались съ гіацинтомъ въ классъ.

Зазвонилъ звонокъ. Большая перемѣна кончилась.

*
**

Ахъ, если - бы вы знали, съ какимъ прилежаніемъ, смиреніемъ и восторгомъ рисовали на слѣдующій день тридцать четыре балбеса этотъ розовый гіацинтъ?!...

СТАРАЯ ЦЕРКОВКА.

*Посвящаю своему другу профессору
Петру Николаевичу Савицкому.*

По взгорью тянулся тихій орѣшникъ, старые, хмурые вязы, густые каштаны, столѣтнія прохладныя липы и кряжистые, могучіе дубы. Среди густой рощи, кой - гдѣ возвышались густыя ели, а на круто осыпающемся обрывѣ маячила старая золотая сосна, выпроставшая наружу корни, похожіе на окаменѣвшихъ змѣй. Среди этой густой зелени стояла ветхая деревянная церковка, съ рыжей проржавѣвшей крышей, съ чернымъ отъ времени крестомъ на облупившемся безцвѣтномъ куполѣ. Выглядѣла она согбеннымъ монахомъ въ скуфейкѣ, тихимъ печальникомъ, застывшемъ въ коленопреклоненной молитвѣ. Въ округѣ говорили, что церковкѣ этой больше двухсотъ лѣтъ. Да почти такъ и было: по церковнымъ книгамъ значилось, что заложена она во имя Михаила Архангела въ 1754 году, въ царствованіи императрицы Елизаветы Петровны.

Въ самой рощѣ, окружавшей эту церковку, рас-

кинулось древнее кладбище, съ могилами сплошь поросшими орѣшникомъ, бузиной, черемухой и кра-тегусомъ, среди которыхъ подымались старыя, могучія деревья.

Съ дороги церковка не была видна, ее закрывала роща, но со стороны обрыва, отъ поля и отъ рѣки и отъ предлѣснаго болота, она была хорошо видна. На ея старомъ кладбище, еще задолго до войны, никого не хоронили. Службъ въ этой церкви не упомнятъ даже старики. Ужъ очень давно, съ самой постройки въ селѣ каменнаго храма во имя Сергѣя Радонежскаго, который стоитъ уже больше семи-десяти лѣтъ, службъ въ деревянной церковкѣ не было.

Незадолго до революции, прїѣзжали на село господа, невѣдомая мужикамъ комиссія. Вызвали они батюшку, попросили открыть древнюю церковку и вошли въ нее молчаливо на цыпочкахъ.

Пробираясь сквозь дикую поросль, подошли къ ней мужики и бабы, дѣвки и парнишки и кой - кто вошелъ осторожно за господами.

Въ церкви было темно, пахло сыростью и старыми книгами. Сквозь грязныя окна, отдѣланныя разноцвѣтными стеклами, проникалъ въ нее сѣрый, красноватый, зеленоватый и мрачно - синій свѣтъ и отъ этого въ ней было таинственно и жутко. Алтарь совсѣмъ ушелъ въ сумракъ. Тускло поблескивало темное золото иконъ и стекла разноцвѣтныхъ лампадокъ. Живопись на иконахъ почернѣла, потрескалась и была покрыта слоемъ пыли. Каменный полъ мѣстами осѣлъ, а куполъ былъ черенъ отъ паутины и нѣсколько перепуганныхъ летучихъ мышей билось

подъ нимъ, цѣпляясь за бахраму истерзанной ткани, обвивавшей цѣпь, спускавшейся низко люстры. Тонкіе хрусталики люстры позванивали стеклянными колокольцами.

— Нда! тихо сказалъ одинъ изъ пріѣзжихъ, крестясь и глядя на летучихъ мышей. — Какая старина!

— Истинно! поддержалъ батюшка. — Елизаветинской стройки!

Потомъ господа на цыпочкахъ прошли за бабушкой въ алтарь, а народъ поддался въ церковку и люди жались другъ къ дружке и крестились.

— Царица Небесная!

— Ой, Господи!

— Дѣйствительно, старина!

— Ты - бы, парнишка, лобъ перекрестилъ. Олухъ!

— Я, дяденька, крестилъ.

— Еще крести. Хлюсть. Старь - то какая!

Когда пріѣзжіе съ бабушкой вышли изъ алтаря, народъ еще плотнѣй сжался у входа и всѣ слышали, какъ господинъ съ бородавкой на щекѣ, сказалъ господину, державшему у груди фуражку съ кокардой:

— Обязательно полную опись. Главное книги. Люстру надо зарисовать и произвести въ храмѣ снимки всѣхъ деталей. Если найдете интересную живопись, — отмѣтьте. А затѣмъ рѣшимъ, что изъять, что оставить.

Послѣ этого, всѣ двинулись къ выходу, народъ раздался и вышелъ за пріѣзжими.

Когда батюшка запиралъ церковку, господинъ съ кокардой спросилъ :

— А на колокольню подняться можно?

— Не совѣтую! сказалъ батюшка. — Ступени прогнили. Перила тоже. Боюсь, какъ - бы однажды не сорвался колоколь. Лѣтъ пять тому назадъ я подымался туда и долженъ замѣтить, что колоколь, какъ кружевной, весь въ надписяхъ и въ рисункахъ. Великолѣпіе стараго времени! Говорятъ тоже подарокъ царицы.

— И все - же я пришлю сдѣлать снимокъ и зарисовать! распорядился господинъ съ бородавкой и всѣ начали пробираться черезъ орѣшникъ и бузину.

Старая церковка осталась одна.

Больше ее уже никто не беспокоилъ. Въ революцію о ней какъ - то забыли, а когда, однажды, вспомнили въ совѣтъ, то рѣшили зря время не тратить потому, что это дѣло музейныхъ комиссій, пусть онѣ съ ней и возятся. И отписали въ центръ. Изъ центра получили бумагу, что церковь принята на учетъ и въ свое время будетъ осмотрѣна. Однако, шли годы, а церковь никто не осматривалъ. А сама она, спрятанная со стороны дороги густой рощей, не напоминала о себѣ.

Сельскую каменную церковь отвели подъ колхозный складъ. Бездѣтный батюшка, похоронивъ, умершую отъ тифа, жену, куда - то исчезъ. Скоро про него забыли.

Однажды, выйдя въ яркій солнечный день изъ лѣса, дѣвки увидѣли, что въ старой церковкѣ теплятся огоньки лампадъ и рассказали объ этомъ въ деревнѣ. Но учитель Павелъ Сергѣевичъ объяснилъ, что это не лампады, а солнечный свѣтъ,

видимый сквозь разноцвѣтныя стекла. Однако, многія бабы и дѣвки ходили смотрѣть на эти огоньки со стороны болота, крестились на старую церковку и увѣряли другъ дружку, что это — святые Угодники теплятъ лампы и молятся Господу за русскій народъ.

— А я, мать моя, видѣла, вотъ лопни глаза, видѣла, какъ Угодничекъ - то Микола возжегъ свѣтильникъ и ну обходить лампы! увѣряла свою сосѣдку Маланья Блошкина. На что ея сосѣдка Агрипина Мироновна, шепотомъ сообщила :

— А Наташка моя изъ Лужкова отъ Бѣлкиныхъ ночью - то шла, да такъ и обмерла. И ногъ, говорить, подъ собой не чувствую. Мѣсяцъ - то бѣлый - бѣлый, а церковка - то вся словно сіяніемъ облита. На макушкѣ - то крестикъ, что лампадочка зелененькій, а внутрѣ - то, внутрѣ все лампы, лампы, и все красненькія, зелененькія, синенькія, такъ и свѣтятся, такъ и горятъ! Вотъ, крестъ тебѣ, милая! И солнца нѣтъ, а лампы горятъ. Путаешь все учитель - то. Чудо Господне, отъ солнца отличить, дуракъ такой, не умѣетъ!...

Рождались люди и умирали люди. Голодали, поправлялись, отстраивались, работали и страдали, а старая церковка, забытая всѣми, горбилась на взгорьѣ за рощей и прислушивалась къ кладбищенскимъ крестикамъ, а крестики прислушивались къ церковкѣ.

Лѣтомъ тамъ буйно топорщилась зелень, цвѣли дикія травы и пѣли въ чащобѣ рощи съ утра до ночи, птицы.

Осенью плакало хмурое небо, низко бѣжали

тучи, листья падали съ деревь и кустовъ и шуршали и шумѣли у подножья покосившихся крестовъ, а по вечерамъ наползала на взгорье и рощу настуженная тьма и вздыхала у старой церковки и все спорила, шепталась гуторила въ оголявшихся вѣтвяхъ.

Зимой рощу заносили метели и блестяло взгорье, какъ сахарное въ солнечный день и, какъ голубая пасхальная боба, въ лунныя ночи. Старую церковку забивало снѣгомъ по самую крышу и тогда даже зайцы не взбирались на пушистое взгорье.

Весной смѣялось надъ ней голубое небо, улыбались ей зеленыя сумерки, съ веселымъ шумомъ сбѣгали со взгорья ручьи, налетали, на проснувшуюся молодой зеленью, рощу несмѣтныя стаи птицъ, звенѣлъ и трещалъ весь день ихъ несмолкаемый гомонъ и разноцвѣтными лампадками горѣли на солнце цвѣтныя стекла оконъ.

Тихія и умныя совы жили въ той рощѣ, съ вечера и до разсвѣта пролетали надъ старой церковкой, сидѣли на брусьяхъ могильныхъ крестовъ и прислушивались къ шуршанію ежей въ густой травѣ.

Словно къ чужому міру относился народъ къ тихому взгорью и много лѣтъ никто не переходилъ за ограду кладбища. Даже деревенскіе ребяташки пугливо обходили темную рощу.

И опять рождались и опять умирали люди, а старая церковка, забытая всѣми, тихо прислушивалась къ кладбищенскимъ крестикамъ, а крестики прислушивались къ церковкѣ.

И вдругъ, однажды, среди теплой лѣтней ночи, зазвонилъ на взгорьѣ колоколъ. Нѣжнымъ, нерѣшительнымъ, вкрадчивымъ и мягкимъ голосомъ

запѣлъ онъ надъ уснувшимъ селомъ и полями...

Первымъ его услышалъ Миронъ Жуковъ, спавшій на огородѣ. Взлохмоченный и испуганный, онъ привсталъ, прислушался и въ ужасѣ закрестился :

— Съ нами крестная сила! Да что - жъ это? Ой, батюшки! Царица Небесная! Боже ты мой!

— Бу-у-умъ! Ба-а-амъ! Бу-у-умъ! Ба-а-амъ! несло съ взгорья и ночная тьма отвѣчала за далекимъ лѣсомъ :

— Бумъ! Бамъ! Бумъ! Бамъ!....

Черезъ десять минутъ все село высыпало на улицу. Плакали и жались къ материнскимъ юбкамъ ребята, крестились въ страхѣ бабы, въ недоумѣніи и со страхомъ переглядывались мужики.

— Да кто - жъ это? А?

— Поди, знай кто.

— И что ты скажешь, ночью - то, а?

— Господь вѣдаетъ.

Старикъ Кобелюшкинъ, стоя на колѣняхъ посреди дороги, крестился и громко читалъ «Отче Нашъ».

Предсѣдатель Емельяновъ крикнулъ въ толпу :

— Эй, кто здѣсь безбожники?! Шестовъ, Куро-слѣдовъ, Петька Глухарь, — выходите! Пойдемъ щупать святыхъ.

— Ты - бы, Иродъ, лобъ - бы перекрестилъ. Анафема! не подымаясь съ колѣнъ, сказалъ Кобелюшкинъ.

— Молчи, дѣдъ, пока цѣль. Чего народъ - то смущаешь? Встань вотъ, да иди дрыхать.

— Не передъ тобой, гадомъ, стою, передъ чудомъ Господнимъ!

— Передъ чудомъ? Гайда, ребята, чудо ощупывать!

— Онъ ты ощупаетъ! спокойно сказалъ Кобелюшкинъ. — Сунься!

— Идемъ, ребята!

— Самъ, чортъ, иди! раздалось въ толпѣ.

— Струсили?! закричалъ Емельяновъ.

— Чего струсили? огрызнулся Глухарь.

— Это ты два Егорія и звѣзду получилъ, ну и иди.

— А ты что?

— Да посмотрю, какъ ты пойдешь, потомъ и я

— Идемъ вмѣстѣ.

Глухарь почесалъ затылокъ, сплюнулъ и какъ былъ въ однихъ исподнихъ, вышелъ на середину улицы.

Емельяновъ съ наганомъ въ рукѣ, а Петька съ огромной жердью, уже двигались ко взгорью, какъ вдругъ, благовѣстъ оборвался. И сдѣлалось такъ тихо, такъ страшно, что бабы съ визгомъ бросились къ избамъ, а мужики шарахнулись къ плетнямъ и многіе стали креститься. Одинъ Кобелюшкинъ, какъ былъ, оставался посреди дороги. Только онъ поднялся съ колѣнъ и растерянно глядѣлъ на мужиковъ. Емельяновъ и Петька остановились. Глухарь поддался назадъ и сказалъ :

— Стихло какъ будто. Завтра - бы, Егоръ Ивановичъ, идти. Ночью - то тамъ темъ. Мало - ль тамъ што!

Емельяновъ нехотя повернулъ къ избамъ и крикнулъ :

— Расходись! Колоколовъ не слыжали? Завтра

все разберемъ.

— А что - жъ не сегодня? насмѣшливо спросили отъ плетней. — Шель - бы!

— Аника - воинъ!

— Ты - бы, Иванычъ, пушку - бы прихватилъ!.

Народъ расходился неохотно, не сразу. Вмѣстѣ было не такъ жутко, какъ по избамъ и всѣмъ казалось, что еще вотъ - вотъ и вновь поплывутъ звуки страшнаго колокола. Но скоро опять опустѣло село. По прежнему все было тихо, только кой - гдѣ въ избахъ затеплились огоньки; это и вѣрующіе и пугливые люди жгли лампы, поджидая разсвѣта.

Утромъ стало еще страшнѣй: ночью скоропостижно умеръ Емельяновъ. Люди пугливо глядѣли на взгорье. И Шестовъ и Курослѣдовъ и Петька Глухарь отказались идти туда. Да и день былъ пасмурный и все время шелъ дождь.

Засумеречило рано. Въ этотъ вечеръ долго горѣли по избамъ огни. Федька - дуракъ, вернувшись изъ сосѣдняго колхоза затемно, божился и крестился, что видѣлъ въ старой церкви свѣтъ, а около нея ходилъ священникъ въ ризѣ и кадилъ. Страшная вѣсть поплыла по селу. Колхозники переходили изъ избы въ избу и обсуждали сообщеніе Федьки. Наконецъ собралось тридцать человѣкъ храбрецовъ и двинулись къ болоту, что - бы съ этой стороны посмотреть на церковку и провѣрить слова дурака - Федьки.

Шли молча, сосредоточенные, настороженные. На болотѣ сбились въ кучу и со страхомъ глядѣли на взгорье. Тамъ было темно и тихо.

Возвращались плотной толпой. У всѣхъ были

натянуты нервы, всѣ чего - то ждали. Вдругъ, Санька Коровинъ не выдержалъ и бросился бѣгомъ къ деревнѣ. За нимъ бросились всѣ тяжелой панической массой, какъ стадо быковъ. Въ деревнѣ, завидя ихъ, кинулись къ избамъ. Бабы заголосили, ребята закричали на всѣ голоса. У самой деревни, бѣжавшіе, задержались, сконфуженные остановились и вошли въ деревню запыхавшись, устыженные, но еще смутные отъ страха.

— Съ чего вы? строго спросилъ старикъ Кобешкинъ и дрожащей рукой сталъ креститься.

— Да все тихо, дѣдъ.

— Это насъ, сволочь Санька сбилъ.

— Во во спокойствіи! отвѣтили изъ толпы мужиковъ.

— Та - акъ, та - акъ! проговорилъ, все еще крестясь, дѣдъ. — Блаженному Федькѣ сподобилось видѣть, а вамъ, псамъ грѣшнымъ, несподобилось.

— Не ври, дѣдъ! Ничего такого тамъ нѣтъ.

— Нѣту? Такъ, такъ. А кто - жъ вчера намъ благоувѣстилъ? А? Можетъ тоже ничего такого не было? Вотъ, Емельянова - то прибрало и васъ, безбожниковъ, приберетъ.

— Брось, дѣдъ. Завтрева все разберемъ.

— Такъ, такъ. Завтрева? А, если завтрева свѣтопредставленіе и міру конецъ, тогда кто - же разберетъ?...

Молча расходились по избамъ. Долго жгли огни и только много за полночь уснуло село.

И вдругъ, среди ночи, вновь явственно медлительно зазвонилъ колоколъ старой церковки:

— Бу-у-умъ! Ба-а-амъ! Бу-у-умъ! Ба-а-амъ!...

Опять вспыхнули въ окнахъ огни. Кое - кто выскочилъ на улицу, но въ страхѣ тотчасъ - же убрался въ избу. Улица осталась пуста. Было страшно выходить наружу. Только дѣдъ Кобелюшкинъ ходилъ отъ окна къ окну, скребъ кривымъ пальцемъ по стекламъ и говорилъ :

— Выходи, православные! Благовѣствуетъ. Начинается дѣтушки, судъ Божій...

Но запуганные мужики жались отъ оконъ, бабы плакали и молились, и голосили ребята. А медленный звонъ плылъ надъ селомъ, надъ полями и отдавался въ лѣсахъ за болотомъ :

— Бу-у-умъ! Ба-а-амъ! Бу-у-умъ! Ба-а-амъ!...

Теперь уже жгли свѣтъ въ окнахъ до самого утра.

Утромъ похоронили Емельянова. И опять никто не рѣшился подняться на взгорье. Колхозная работа шла съ перебоями. Въ одиночку никто не ходилъ; молчаливо жались по - двое, по - трое. Глухарь къ вечеру напился, взялъ жердь, грозился пойти одинъ на взгорье, но отойдя отъ села на полсотни шаговъ, вернулся бѣгомъ.

Ночью за полночь опять полился благовѣстъ. На этотъ разъ звонило не долго. Ждали его всѣ, ждали съ напряженнымъ вниманіемъ по всѣмъ избамъ. Но все было тихо и сонно. И вдругъ, люди увидѣли, что на дворѣ стало свѣтлѣй. Бросились къ окнамъ, на улицу и застыли въ жуткомъ сметеніи. Далеко разбрасывая зарево въ темныя поля, горѣла на взгорьѣ старая церковка.

Все село высыпало на улицу. Отъ яркаго пожара было свѣтло, какъ днемъ. Люди стояли подавленные, тихіе и молча глядѣли на бѣшенное

пламя, лизавшее ближайшія къ церкви деревья. Но вотъ, столбъ искръ и огня взвился къ небу и тотчасъ глухой мѣдью загудѣла багряная ночь.

— Колоколъ сорвался! сказали въ толпѣ. И всѣмъ на одинъ мигъ показалось, какъ на фонѣ огня ярко вырисовалась фигура священника съ поднятыми къ небу руками.

Потомъ пламя стало спадать, отсвѣтъ въ небѣ тускнѣлъ, кругомъ начала сгущаться тьма и скоро однѣ красныя головешки раскаленной грудой, свѣтились во тьмѣ сырой ночи.

А Т У Е В Ъ .

Въ этотъ день въ тихомъ готическомъ городкѣ, куда я попалъ на одни сутки проѣздомъ, было душно и знойно. Жизнь замерла. На окнахъ опустились жалюзи, кой-гдѣ закрыли ставни. Въ раскаленномъ и блѣдномъ небѣ лѣниво пролетали стрижи. Отъ зноя и духоты тянуло въ прохладную тѣнь. Я завернулъ за уголъ большой и безлюдной улицы и, тѣнистымъ сырымъ переулкомъ, прошелъ въ самый конецъ, спустился широкими и поросшими травой каменными ступенями въ темный подвалъ и, пройдя еще нѣсколько шаговъ, вышелъ на широкій дворъ, закрытый со всѣхъ сторонъ буйной зеленью тучныхъ каштановъ. Это былъ пріютный небольшой ресторанъ.

Сѣвъ въ тѣни за плетеный столикъ, я заказалъ пива!

— Вы по русски говорите? спросилъ я обера.

— Такъ точно - съ! Мы всѣ русскіе. И хозяинъ русскій...

Кромѣ меня здѣсь не было посѣтителей. Какъ

бѣлогрудые пингвины замерли, прислонясь къ деревьямъ, сонные кельнера. Старый буфетчикъ, словно затасканный марабу, плѣшивый и розовый, дремалъ, покачиваясь за стойкой.

А въ сѣромъ раскаленномъ небѣ надъ тѣнистымъ дворомъ таяло, не имѣя силъ тронуться съ мѣста, одинокое бѣлое облако.

Въ этомъ тихомъ, полузаброшенномъ мѣстѣ я и познакомился съ Виссаріономъ Атуевымъ. Хотѣлось - ли ему говорить съ новымъ для него человекомъ, было - ли ему, какъ и мнѣ сиротливо и одиноко или просто заговорила въ немъ профессиональная безпардонность и тайная жажда къ чужому столу, чужому прибору, къ чужой бутылкѣ пива, которую можно распить за чужой счетъ, — не знаю, но съ лѣнливой небрежностью поправляя золотое пенснѣ, онъ остановился у моего столика.

— Позвольте представиться: потомственный почетный эмигрантъ. Осколокъ прежней Россіи. Виссаріонъ Атуевъ. Актеръ.

Сонный буфетчикъ пріоткрылъ одинъ глазъ, лѣнливо и жалобно посмотрѣлъ на его фигуру и, досадливо сплюнувъ, задремалъ снова.

«Атуевъ... Атуевъ...», конечно я не зналъ никакого Атуева. И лицъ такихъ я не помню. А, если и встрѣчалъ, то они принадлежали или молодымъ кишиневскимъ любовникамъ, или ходатаямъ по мелкимъ дѣламъ. Я отлично понималъ, что этотъ человекъ не могъ быть интереснымъ собесѣдникомъ, но было такъ скучно, жарко, безвольно и одиноко и, разморенный жаромъ, Атуевъ казался такимъ усталымъ и жалкимъ, что я не

нашелъ мужества отказать ему и указалъ на стулъ. И опять небрежнымъ движеніемъ руки онъ поправилъ пенснэ и взялъ со стола меню.

Теперь я видѣлъ его въ профиль. Нѣтъ, положительно нигдѣ не встрѣчалъ я его, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чѣмъ-то общимъ, ужъ очень знакомымъ, ужъ очень характернымъ явленіемъ. Какой-то синтетическій типъ : провинціальный актеръ подъ эмигрантскаго «бывшаго человѣка».

— Ну, что-жъ они сегодня придумали? сказалъ онъ, просматривая меню. — Ну, конечно, и какъ всегда, поражающая безграмотность! Ахъ, эти русскіе рестораны по заграницамъ, съ бравыми унтерами въ роли официантовъ! Послушайте! и онъ прочелъ :

Разсоленикъ.

Свинячья котлета.

Блинки съ земляниковымъ вареньемъ.

— Вы поняли что нибудь? Оберъ, стаканъ!

Привычнымъ и ловкимъ движеніемъ, вспорхнувшій пингвинъ поставилъ передъ нимъ стаканъ и, метнувшись въ сторону, прислонился къ ближайшему дереву и задремалъ.

Дремалъ и я.

— Навѣрное слышали? поймалъ я сквозь дрему голосъ Атуева. — Трагикъ Атуевъ! Другъ покойнаго Леонида Андреева. Ваше здоровье!

Онъ жадно выпилъ холодное пиво, безцеременно налилъ второй стаканъ и потянулся къ моему портсигару.

— Меня здѣсь знаетъ любая собака! сказалъ онъ, щурясь и близоруко разглядывая мою папиросу.

— Да, если - бы только не я, театръ давно - бы закрыли. Спросите хоть обера.

Я взглянулъ на Атуева. Лицо его сдѣлалось каменно - строгимъ и, выпятивъ нижнюю губу, онъ крикнулъ всторону сонной птицы :

— Антонъ!

Сонная птица вспорхнула и подлетѣла къ столу.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, могъ - бы существовать безъ меня нашъ театръ?

Птица Антонъ виновато взглянула на говорившаго и быстро выхвативъ изъ - подъ крыла блокъ - нотъ, изогнулась къ Атуеву.

— Вчера - съ изволили выпить графинъ и шесть пива. Скушали - съ раки, а тиатеръ по вашей запискѣ ничего не платилъ. Прикажете получить?

Я сдѣлалъ видъ, что дремлю и не слышу, а когда открылъ глаза, птица была на своемъ мѣстѣ, а растерянный собесѣдникъ жадными глотками допивалъ пиво.

— Не люблю некультурныхъ! сказалъ Атуевъ.
— Чтеніе прежде всего! Простите, — перегнулся онъ ко мнѣ, — а вы - то сами читаете? Мало? Напрасно! Надо читать. Книга подымаетъ душу, возвышаетъ нашъ стиль и окрыляетъ фантазію. Оберъ! Водки и свинячихъ котлетъ.

— Въжливая птица вспорхнула и принесла ему графинъ и жаркое.

— Такъ вотъ, я и говорю..., когда Леонидъ Андреевъ работалъ надъ своимъ Преступленіемъ и Наказаніемъ, онъ всегда заявлялъ : «Съ тебя Виссаріонъ, я пишу князя Нехлюдова. Ты гордъ. Ты прекрасенъ. Ты, какъ орелъ поднялся надъ рутиною

хамовъ!»... Если - бы въ Россіи умѣли цѣнить таланты, я никогда не ушелъ - бы въ эмиграцію. Какіе были просторы! Какія возможности! Я помню свою дружбу съ братьями Карамазовыми. Что это были за люди! Не даромъ Толстой описалъ ихъ въ своемъ Воскресеніи! Но теперь не любятъ читать серьезныхъ романовъ. Народъ измелъчалъ. Когда я выступалъ на сценѣ Александринки, публика сходила съ ума. Вспомнишь и больно. Хочется плакать. Хочется кричать на весь міръ : «Я Виссаріонъ Атуевъ! Знаменитый Атуевъ! Плевать я хочу на васъ всѣхъ!»... Вы водку - то пьете?

Я отказался. Отказался не потому, что не пью, а потому, что было жарко и противно было глядѣть на графинъ и еще противнѣе на Атуева, жадными глотками хлебавшаго водку, быстро пьянѣвшаго и становившагося все наглѣй и болтливѣй.

— Да, конечно, театръ не по плечамъ моему антрепренеру! бубнилъ онъ и навѣвалъ на меня сладкую дрему. — Всѣ эти актеришки подбираютъ крохи моего титаническаго таланта. Они этимъ довольны, но положительно трудно жить въ глупомъ и малообразованномъ обществѣ! И что они ставятъ? Галиматью! Ничего демоническаго. Я хотѣлъ было написать имъ пьесу : «Драма на днѣ океана». При участіи морскихъ чудовищъ и въ главной роли подводная лодка. Актеръ въ роли подводной лодки! Однако, дуракамъ такихъ пьесъ не играть. Какая тоска! Жарища, теплая водка, липкія мухи ползаютъ по тарелкамъ. На дачу - бы! Въ гамакъ - бы! Вверху — небо, внизу — земля и кругомъ ни одного кредитора! Культурную - бы бабенку и книжку. Ну,

хотя бы Любовь Царевича или какого -нибудь графа Монтекристо! А вѣдь кто - то на дачѣ, въ лодкѣ, въ бесѣдкѣ, кто - то поетъ «Глядя на лучъ пурпурнаго заката», кто - то легко и весело насвистываетъ «Марфушу», кто - то хлещетъ сотернъ со льдомъ подъ черемухой!...

Онъ пилъ, хмелѣлъ и чавкалъ надъ свиной котлетой и теплое сало стекало по его небритому подбородку. Пахло водкой и откуда - то потянуло нагрѣтымъ асфальтомъ. Птицы по прежнему дремали, подъ деревьями и попрежнему за стойкой покачивался сонный марабу.

Меня тоже клонило ко сну. Я дремалъ и сквозь знойную дрему слышалъ, какъ бубнилъ Атуевъ :

— А какъ меня любили въ Россіи! Господи, какъ меня тамъ любили! Ваше здоровье! Вы дремлете? Ничего, это отъ жары. Вы мнѣ понравились. Только жаль, что вы мало читаете. Читать надо. Чтеніе окрыляетъ фантазію, даетъ горизонты. Ваше здоровье!...

Потомъ голосъ его ушелъ куда - то далеко и я, видимо, вздремнулъ плотно. Еще отрывки фразъ, словно изъ подъ земли, доходили до моего слуха.

— Виссаріонъ Атуевъ... прапорщикъ Атуевъ... герой великой войны... пожалуйста, не путайте съ поручиками и полковниками... да - съ... сейчасъ всѣ эмигранты поручики или полковники... да - съ, а ковырнешь его, высчитаешь, а ему въ войну трехъ мѣсяцевъ не было... читаете мало... чтеніе возвышаетъ...

И вдругъ, страшное :

— Смирно!! пробудило меня. Я открылъ глаза

и увидѣлъ, что и буфетчикъ и птицы подѣ деревьями тоже открыли глаза и недоумѣвающе смотрятъ на Атуева.

— Развѣ они понимаютъ! бросилъ въ мою сторону красный и потный Атуевъ. — Тупицы! Хамы! Ослы! Такихъ я дралъ розгами и у нихъ на спинѣ распускались азалии. Меня знали въ главной квартирѣ. Когда послѣ раненія меня проносили по фронту, всѣ плакали. Генераль расцѣловалъ меня и заявилъ всему корпусу: «Съ уходомъ Виссаріона Атуева наше дѣло проиграно!...» И дѣйствительно, послѣ моего отъѣзда корпусъ сталъ отступать!

Я опять закрылъ глаза и опять сталъ дремать. Въ накаленномъ воздухѣ было такъ тихо, что временами слышался свистъ, чертившихъ надъ нами стрижей.

Навѣрное я уснулъ потому, что мнѣ видѣлась большая поляна со множествомъ вокругъ нея деревьевъ и подѣ каждымъ изъ нихъ стояли, вперемѣжку, и пингвины и марабу, молчаливые и задумчивые, словно эти птицы прилетѣли на исповѣдь, и черезъ золотые пенснэ, глядѣли на меня прищуренными глазами Атуева. И каждая изъ птицъ держала въ клювѣ свиную котлету. И вотъ, кто-то крикнулъ: «Молчать!» и всѣ птицы съ шумомъ поднялись надъ поляной и тревожно захлопали крыльями. Отъ шума я открылъ глаза.

Дюжина официантовъ окружала Атуева, а самъ онъ размахивалъ графиномъ и кричалъ:

— Молчать! На колѣни!

— Позвольте, что это? вмѣшался я.

Атуевъ поглядѣлъ на меня пьяными и мут-

ными глазами, потомъ поставилъ на столъ графинъ, икнулъ и сказалъ :

— Читать надо! Стыдно довольно.

Официанты ушли подъ деревья и превратились въ пингвиновъ. Буфетчикъ всталъ за стойку и сдѣлался марабу.

— Какъ вамъ не стыдно?! сказалъ я Атуеву.

Онъ перегнулся ко мнѣ черезъ столъ, красный и потный и вдругъ, какъ - то потухъ, словно забылъ, что хотѣлъ сказать. Некстати и глупо онъ улыбнулся и проворчалъ :

— А вы вотъ, на лошади не умѣете... ѣздить. Убѣжденъ, не умѣете...

Я подозвалъ птицу Антона, расплатился и вышелъ.

Солнце палило попрежнему и въ городѣ по прежнему было безлюдно.

А вечеромъ я уѣхалъ изъ этого городка и въ вагонѣ мнѣ снился небольшой готическій городокъ, раскаленное небо и Атуевъ, летящій на затасканномъ марабу.

Ч О Р Т Ъ .

Послѣ охоты на зайцевъ, я и лѣсникъ Василій заночевали въ сторожкѣ Пахома. Вскипятили чайку, закусили и я завалился на лежанку. Въ сторожкѣ было темно. Василій сидѣлъ на корточкахъ передъ полыхающей топкой, покуривалъ и сладко щурился отъ жара, а хозяинъ сторожки, мужикъ Пахомъ, сидѣлъ на полу рядомъ съ Василюмъ и, протянувъ къ огню большія корявыя разутыя ноги, похожія на грязныя клешни варенаго рака, клалъ заплату на истерзанный валенокъ. Между нами, свернувшись кольцомъ, спалъ гончакъ Азаматка.

— А ты, Василій, чертей видалъ? спросилъ Пахомъ.

— Видалъ.

— Настоящихъ чертей?

— Настоящихъ.

— Да ну? Гдѣ?

— Когда съ Игнашкой на тока ходили, тогда и видалъ.

— Чудеса! Къ ночи бы оно и нехорошо, да гораздъ любопытенъ я. Неушто видалъ?

— Вотъ чудакъ! Вру, что - ли?

— А развѣ онъ есть?

— Стало быть есть, если видалъ.

— Александра Кузьмичъ, учительши мужъ, говоритъ, что тоже его видалъ, а Нина Ильинишна говоритъ, что онъ такъ, зря и, что ихъ не бываетъ.

— Можетъ учительшинъ мужъ и навралъ, а мнѣ - то какая корысть?

— Ему тоже корысти не было, а навралъ.

— Ну, значить и я вру.

— Расскажи.

— Къ ночи - то? Самъ побоишься за дверь идти.

— Хм.. оно точно. А только хоть и боишься, а гораздъ любопытно. Съ рогами?

— Все, какъ и полагается : рога, хвостъ и рыло свиное.

— Врешь?

— А вру, не спрашивай.

— Неужто и хвостъ? У нашего барина въ Рассеи на старой мельницѣ домовою жилъ. Только у того говорили, спины нѣтъ, а одна ноздря.

Помолчали. На стѣнѣ отъ полыхавшей топки шевелились большія и страшныя тѣни Василя и Пахома, а сами они красные при отсвѣтѣ пламени, казались какими - то сказочными разбойниками.

— Расскажи! попросилъ Пахомъ. — Страсть люблю про страшное слушать.

— Такъ вѣдь ты не даешь говорить, чучело! Разсказъ обрывать нельзя, а ты, что малый, терпѣнія нѣтъ.

— А ты не тани, а говори прямо : Видаль? Гдѣ видаль?

— Говорю же тебѣ, съ Игнашкой по веснѣ за Барановку въ лѣсъ ходили. А самъ знаешь, какіе это лѣса : тайга сибирская, а не лѣса! Такихъ лѣсовъ, какъ за Барановской нигдѣ здѣсь и нѣтъ! А рано. Еще въ лѣсу, особенно по низинамъ, снѣгу непролазное множество. Къ тому - же вода, зыбь. Въ иныхъ мѣстахъ крюку по двѣ версты давали. А глухарь самъ знаешь любитъ таежное мѣсто, такое, что и приступу къ нему нѣтъ. Вышли мы съ Игнашкой до темноты, а пришли за Барановку — смеркаться стало. На пустыряхъ еще кой какъ, а вошли въ лѣсъ и совсѣмъ темно. Ну, шли какъ могли. Знаю я эти мѣста. А потомъ и шабашъ, темно. Ельнику наломали, костеръ зажгли, да валежнику посбирали и давай просушиваться и грѣться. Ну и чайку вскипятили. И вдругъ нехорошо мнѣ стало. Вотъ просто нехорошо. Словно кто - то мѣшаетъ, слѣдитъ за нами, поглядываетъ. Знаешь, бываетъ такъ : сидишь дома вечерами, чай пьешь, за окномъ темъ, какъ сейчасъ и вдругъ, кажется тебѣ, что кто - то подъ окнами ходитъ и въ комнату заглядываетъ. Выйдешь на крыльцо, окликнешь, собаку науськакаешь, — никого. Такъ и тутъ было. Вотъ ходитъ и ходитъ. Я Игнашкѣ ни слова, чего мальчика пугать, а самъ присматриваюсь, не было - бы чего. И чудится, чудится мнѣ, что по лѣсу, въ потемкахъ - то, ходитъ.

— Господи! Боже мой! шепчетъ Пахомъ и боязливо озирается на темное окно.

— И ходитъ онъ все вокругъ костра. То хрус-

нетъ, то мелькнетъ промежду деревьевъ и опять никого. Что, думаю, за ерунда такая? Чайку напились. Поужинали. Игнашка прилегъ, укрылся пальтишкомъ, а я сижу, огонь поддерживаю и все нѣтъ нѣтъ, да въ темноту и смотрю.

— А нешто Азаматки съ тобой не было? перебиваетъ Пахомъ.

— Вотъ - то дуракъ! Да кто - же на глухаря съ собакой идетъ? Право дуракъ! А все отъ того, что ты не охотникъ, а мужикъ. Второй годъ въ сторожахъ, а не знаешь, какъ на глухаря ходятъ!

— А чего мнѣ знать? огрызнулся Пахомъ. — Я ни звѣря, ни птицу не трону. Пусть живутъ съ Богомъ. У нихъ тоже жизнь: и гнѣздо и семья и горе свое. Звѣриное, то есть. Оттого тебѣ и черти видятся, что кровь льешь, а я, милый, отродясь крови не проливалъ потому чертей не видалъ.

— А ты, слышь, лучше не перебивалъ - бы, а то говорить не буду.

— Ладна, ладно, вали. Чего ужъ...

— Право, дуракъ! Ну, слушай: и опять, значить, чудится мнѣ, что пошелъ. А, кто пошелъ, понять не могу. Если - бы звѣрь или человѣкъ, то опять - таки валежникомъ - бы сильно хрустѣлъ, да и по шагамъ я - бы узналъ. А то, нѣтъ шаговъ. Понимаешь, шаговъ нѣту. Что тѣнь. Мелькнетъ, словно перебѣжитъ съ мѣста на мѣсто и опять замретъ. Ждешь. И вотъ чувствуешь, какъ онъ крадется за деревьями и глядитъ въ спину. И нѣтъ хуже этого чувства, когда ночью тебѣ глядятъ въ спину. Замеръ я. И вдругъ, — «пи-и-и-и... охо-хо-хо!... Даже морозъ по кожѣ.

— Можетъ, то филинъ? срывающимся голосомъ спросилъ Пахомъ.

— Учи! Неужели я филина, или сову, или выпь не узналъ - бы? Баранья твоя голова. Слушай. Перекрестился я и опять тихо. И только думаю ушелъ, а онъ, какъ заголосить : «Ай-яй-яй-яй-яй!...» Гляжу : рыло, рога, хвостъ.

— Господи Иисусе! вздрогнулъ и перекрестился Пахомъ и отставилъ въ сторону валенокъ.

— Я на ноги, да къ нему!

— О, Господи! опять закрестился Пахомъ.

— Ну, думаю, я тебѣ голову размозжу! Такая меня злость взяла. И только подбѣжалъ, глядь, а это коряга. Что за дьявольщина? Минуту назадъ этой коряги не было. Вернулся къ костру. Слушаю. Стихъ. Не быть охотѣ, обязательно мѣшать будетъ! И часъ тихо и два ни гу - гу!

— Игнашку бужу, пора и вставать. Размялись. Опять чайкомъ подзаправились, костеръ потушили и въ путь. Подмороживаетъ. Ледокъ хруститъ подъ ногой. Завернулъ я за Горѣлую Балку и стали мы подыматься къ сосняку.

— А ты бы въ карягу пальнулъ - бы! неожиданно вставилъ Пахомъ.

— Не перебивай, вотъ. Тутъ они и пѣть - бы должны. А уже свѣтатъ стало. Идемъ мы, что воры, своего шага не слышимъ. Я впереди, Игнашка чуть позади. Малецъ онъ дошлый; останавлиюсь я и онъ, какъ вкопанный. Слышу — чешетъ глухарь и совсѣмъ близко. Началъ высматривать. И вотъ, вижу сидитъ. Небо чуть зелено и по небу блѣдно - алые облака, словно ситецъ линялый.

— А глухарь, какъ вырѣзанный. Сидить на здоровенной соснѣ, на самомъ голомъ суку, вытянуль шею и поетъ. А надъ нимъ звѣзда таетъ. Обернулся я къ Игнашкѣ: смотри, будь на чеку! и крадусь. На глухаря не гляжу, только слушаю. Перестанетъ пѣть и я съ Игнашкой, что вкопанные. Начнетъ пѣть и мы опять ходу. Гляжу подъ ноги, что - бы ни сучка, ни льдинки: сохрани Богъ, если онъ смолкнетъ, а ты въ это время хрустнешь, — бѣда! За пять верстъ улетитъ, поминай, какъ звали. Пробѣжали мы шаговъ пятьдесятъ. Ну, думаю, наша птица! А птица и замолчи. Стоимъ мы, не движемся, остыли. Слышно, какъ утренній вѣтерокъ сосновой кожурой по стволу шелеститъ. Тихо. Дыханіе сперло. И вдругъ, какъ хрястнетъ по лѣсу, словно сосну подломило. Тра-а-ах! Игнашка даже присѣлъ отъ испуга, а глухарь фрррр!... и звали Митькой. Улетѣлъ. Стою я, какъ дуракъ и вижу: за кустами, пригнувшись, только одни рога и видать, удираетъ онъ вдоль сосняка. И, какъ заголоситъ по лѣсу: «Охо-хо-хо-хо!...» Игнашку трясти стало. «Дяденька, что это?» Да должно, говорю, дерево гдѣ - то упало и филинъ ишь, всполошился. «Да нѣтъ, за кустами - то, кто это пробѣгъ?» Экую, говорю, чушь несешь. Съ испуга тебѣ не вѣсть, что мерещится. Успокоилъ мальчика. Свернулъ я за Гнилой Станъ, дали немного крюку, стали выходить къ старому ельнику. Мѣста мнѣ знакомыя. Вонъ и бугорокъ и поляна съ которой я прошлымъ годомъ чернышей билъ. Иду по тропкѣ, хлопъ — по поясъ въ водѣ! Что за оказія? Откуда бы здѣсь ямъ быть? А по лѣсу опять пошло: «Охо-хо-хо-хо!... Игнашка

ко мнѣ : «Дяденька, это не филинъ!» Филинъ, говорю. А у самого морозъ по спинѣ. И только поднялся на горушку, слышу, — глухарь поетъ. Гляжу, чернѣетъ на верхушкѣ сухой ели. Чуткая, хитрая птица. Опять стали мы перебѣгать. И осталось шаговъ тридцать. Остановились. Вскинулъ я ружье. Цѣлюсь. Тихо. Бабахнулъ. Вспыхнулъ лѣсъ и потухъ. Слышу : съ самого верха трещить, сучья ломаются, падаетъ. Хлопъ! упалъ. Скинулись мы и туда. Прибѣжали, гляжу : лежитъ подъ елкой собака дохлая и зубы оскалены. Вонюхи отъ падали, ужасъ. Игнашка трясется. А по лѣсу опять пошло : «Охо-хо-хо!...»

— Господи, Боже! крестится Пахомъ. — Пальнулъ - бы ты, Василий, въ эту собаку.

— Да ты не перебивай - же, а слушай. И говорю я Игнашкѣ : молчи! Зарядилъ ружье, перекрестилъ его трижды и давай забирать къ Орѣховой Балкѣ. Знаю, что тамъ глухариные тока первый сортъ. Заповѣдные. Игнашка плачетъ, трясется, да я на него еще разъ прикрикнулъ. И дали мы опять крюку. Вышли къ таежному сосняку. Самъ знаешь, здѣсь и мужикъ не бывалъ и бабы по грибы не ходили; мѣста бѣсовскія. Говорятъ, что тамъ годовъ десять назадъ, шибко гулялъ онъ, приступу не было. А вотъ, зло меня разобрало. Я же тебя перекрещенной дробью хвачу! Пришли. И только загнули краешкомъ лѣса, слышу — поетъ. А заря скоро. Смотрю, здоровый глухарь, фунтовъ на двадцать, старикъ. А къ утру, говорю, самый токъ! Земля стала сизой, лѣсъ зашумѣлъ. Холодкомъ освѣжаетъ. Гдѣ - то желна закричала. Подошли мы шаговъ за пятьдесятъ и вотъ...

Василій не успѣлъ договорить, какъ вдругъ, у самой моей лежанки, кто - то постучалъ въ окно.

Пахома отъ страха даже передернуло. Онъ побѣлѣлъ, какъ бумага и поднялъ голову. Стукъ повторился. Азаматка заворчалъ и приподнялъ ухо.

— Чего трусишь? Открой! сказалъ Василій — Ты хозяинъ.

— Самъ - бы открылъ! испуганно отвѣтилъ Пахомъ. — Вишь я босой.

— Чертей испугался?

— Я то? Да Господь съ тобой! съ тайной дрожью въ голосѣ запротестовалъ Пахомъ. — Вотъ только валенокъ куда - то засунулся...

Власъ поднялся, прошелъ въ сѣни и, открывъ наружную дверь, крикнулъ :

— Кто тамъ?

— Эта, что - ли дорога на Вытягу? спросилъ голосъ снаружи и вслѣдъ за этимъ фыркнула, встряхнулась и заржала лошадь.

— Ну, эта. А ты кто? Ишь, по ночамъ черти носятъ!

— Да мнѣ, милой, до попа надо - ть. Старуха помираетъ, а ближе Вытяги и попа нѣтъ. Сбился я. Пахомова эта сторожка, али Никиты?

— Пахомова. Вѣрно ѣдешь.

— Слава Богу! А то плуталъ кругъ Горѣлаго Мѣста. Темь. А безъ попа нельзя. Просить больно старуха. Эги не видать. Вьюжить.

— А ты заходи обогрѣться.

— Да я не смерзъ, только сбился.

— Ну, прощай, а то изъ - за тебя избу настудишь.

— Прощай, милой! Прощай! — донеслось снаружи, двери хлопнули и Василий вошелъ въ избу.

— Когда человѣкъ Бога ищетъ, всегда черти мѣшаютъ! сказалъ онъ. — Это глуховскій мужикъ, я его знаю.

Онъ снова присѣлъ на корточки передъ топкой и подбросилъ полено въ огонь. На нѣсколько мгновений въ комнатѣ стало темнѣй, но вотъ огонь вспыхнулъ съ еще большей силой и тѣни на стѣнахъ стали рѣзче.

— Ну, дальше! нетерпѣливо попросилъ Пахомъ.

— Чего дальше? передразнилъ Василий. — А валенокъ - то досталь?

— Тутъ онъ... куды ему дѣться!

— Ишь ты, храбрецъ - удалецъ, а душа въ пятки. Какъ - же ты лѣсъ караулишь?

— Я, милый, караулю не отъ чертей, а отъ людей. Это дѣло иное.

— Чертей трусишь?

— Боязно, Василь Фомичъ. А только я отошелъ. Говори дальше, не томи.

— А дальше, братъ, хуже. Приложился я, хлопнулъ. Нашъ. Подбѣжали съ Игнашкой, смотримъ : лежить.

— Глухарь?

— Зачѣмъ глухарь, чортъ!

— Ай, Господи! Да быть того не могло.

— Значить, могло. Рога, рыло, хвостъ. Что поросенокъ маленький. Дробью весь бокъ сорвалъ. А по лѣсу уже понеслось : «О хо-хо-хо-хо-хо!...» Наклонился я надъ нечистымъ и думаю : Вотъ они, какіе черти бываютъ! А Игнашка меня трясеть :

«Вставай, дяденька! Вставай!» Открылъ я глаза, а костеръ уже еле теплится. Свѣтаетъ. Стоитъ Игнашка надо мной и торопить: «Запоздаемъ, дяденька. Проспалъ ты!»

— Такъ это - жь во снѣ! разочарованно протянулъ Пахомъ.

— А развѣ я говорилъ, что наяву его видѣлъ?

— А я - то, дуракъ слушаю. Вотъ дуракъ, право дуракъ!

— Тебѣ лучше знать! усмѣхнулся Василій — А я, братъ, что видѣлъ о томъ и говорю.

— Такъ это - же во снѣ! Этакъ я третьяго дня Ягу видѣлъ. Поднаперъ на рѣпу съ капустою, она ночью и приснилась.

— И то дѣло! Рецептъ на Бабу - Ягу знаешь.

— Ишь, ты. Врешь, значить? А только на старой мельницѣ взаправду домашнего видѣли. Одна ноздря, а спины нѣтъ.

— Вѣришь?

— А какъ - же не вѣрить?

— Ну и мнѣ вѣрь. Я пошутилъ что во снѣ. На яву это было.

— Да ну?! обрадовался Пахомъ. — А куда - жь ты его дѣвалъ?

— Чорта - то? Да на зиму посолилъ и на Рождество подъ водку и съѣлъ.

— Тьфу! И какъ это ты, Василій, врать можешь? Только тебѣ человекъ повѣрилъ, только дивиться сталъ, а ты рразъ — и навралъ все.

— А тебѣ хочется, что - бы онъ былъ?

Пахомъ поглядѣлъ на темное окно, передернулъ плечами и простодушно отвѣтилъ:

-- Не. Шутъ съ нимъ. Зря только боишься!
и почесалъ въ бородѣ.

А въ окно стала бить снѣжная вьюга и гдѣ
то далеко въ лѣсу протяжной фистулой завывала
кикимора.

О З Е Р О .

Писатель Игнашинъ съ женой и любимой собакой, очень похожей на лаверака съ подрубленными ногами, — выѣхали въ гости на отдыхъ къ священнику Василию Быстроходову въ Погузы. Отъ города они всю ночь протащились на поѣздѣ до разъѣзда съ кривымъ полустанкомъ, пересѣли на узкоколейку, бѣгущую сквозь топкіе, почти дѣвственные лѣса съ козами, лосями, рысями съ глухарями, тетеревами и рябчиками, со множествомъ совъ и филиновъ и съ такими отдаленными другъ отъ друга станціями, гдѣ никто не живетъ, кромѣ начальника и стрѣлочника, ютящихся въ старомъ товарномъ вагонѣ безъ колесъ, поставленномъ среди свѣже нарѣзанныхъ и сладко пахучихъ еловыхъ бревень, — и только къ полудню пріѣхали въ посадъ Бѣлый.

Хотя на картѣ граница Эстоніи стоитъ много восточнѣе полустанка, но уже съ узкоколейныхъ вагоновъ пассажиръ погружается въ русскую рѣчь и она не отходя виситъ въ воздухѣ до Бѣлаго и

дальше и дальше, черезъ всѣ деревни, посадки и хутора, гдѣ мѣстное населеніе, безгранично уважая родителей, склоняетъ святое материнское имя во всѣхъ падежахъ.

Въ Бѣломѣ ихъ ждала, присланная отцомъ Быстроходовымъ, подвода; ласковый возница — рыбакъ съ Чудского озера, бородатый и пахнущій пирогомъ съ рыбо - лукомъ, его лошаденка крѣпкая, и гнѣдая кобыла, телѣга, набитая сѣномъ, а поперекъ телѣги было положено широкое и длинное сидѣнье отъ брички.

Устроились удобно и двинулись шагкомъ черезъ посадскій базаръ, отгоняя назойливыхъ цыганокъ, хватавшихся за телѣгу, за сбрую, за идущаго рядомъ съ телѣгой возницу, за руки Игнашина и его жены. Молодая и хорошенькая цыганка тянулась къ Игнашину, а старая, сухая и жилистая, съ большими золотыми серьгами въ маленькихъ шафранныхъ ушахъ, заискивающе ловила взглядъ Игнашиной. Молодая улыбалась, скаля большіе, бѣлые зубы и подмигивая, просила :

— Ну дай молодой бландинъ красавецъ ручку сгадаю дамочку сердца твоего нагадаю спишь видишь кручина сердца замучила гроши мнѣ платишь!...

А старая, заправляя волосы за красно - пеструю косынку, одностонно выкрикивала :

— А дай мнѣ бариня погадаю брюнета любишь къ блондину тянешь сердце не камень въ душѣ красавецъ любишь - не - любишь кому како дѣло а онъ не спитъ дамочку сердца зоветъ дай мнѣ колечко али платочекъ сгадаю брюнета любимаго!...

И стоило большого труда удержать пса, поры-

вавшего вѣпиться въ звонкія и смуглыя руки цыганокъ, унизанныя мѣдными и серебрянными браслетами.

И пока ѣхали черезъ посадъ ихъ провожалъ рой какой-то особенно крупной и надоедливой мошкеры.

— Къ теплу, баринъ, къ теплу! говорилъ возница, указывая кнутовищемъ на мошкору. — Несушѣнное множество!

— А какъ васъ зовутъ? спросилъ Игнашинъ.

— Меня - то? Меня, баринъ, зовутъ Андрей Ивановичъ, а фамиль моя — Краузе. Это потому, баринъ, такая фамиль, что настоящая - то у меня Петровыхъ, а Петровыхъ въ деревнѣ восемь дворовъ. Такъ вотъ, власть и рѣшила переименовать насъ и дадена мнѣ фамиль Краузе. Вродѣ, какъ иностранецъ, а я самый русскій рыбакъ.

Когда они выбрались изъ посада, Краузе подпрыгнулъ и плюхнулся въ телѣгу, а кобылка побѣжала веселѣй и въ телѣгѣ всѣхъ закидало и затрясло на широкихъ, какихъ-то мостодонтныхъ, булыжникахъ.

— Здѣсь завсегда такъ! пояснилъ возница. — Вотъ черезъ полъ километра дорога пойдетъ гладкая.

И дѣйствительно, черезъ полъ километра дорога пошла гладкая, широкая и мягкая отъ обилія пыли.

Вотъ и посадская мельница и старая, каменная, какъ крѣпость, корчма, остались позади, а вдоль всей дороги, насколько хваталъ глазъ, по правую руку раскинулось безбрежное и такое голубое озеро, словно оно было взято съ переводной картинки и

на его пологомъ, песчаномъ берегу со множествомъ камней, разбросанныхъ далеко по мелководью, то тамъ, то сямъ, чернѣли просмоленные рыбачьи лодки, словно это были отдыхающіе подъ солнцемъ огромные тюлени. А по лѣвую руку бѣжали зеленые луга съ кой-гдѣ пасущимися коровами; желтѣли хлѣба, голубѣлъ ленъ, сѣрѣли овсы и за горизонтъ уходили темные, словно сказочные лѣса, а надъ ними, черными точками, кружили вороны.

— Хорошо, какъ у васъ! сказалъ Игнашинъ.
— Благодать!

— Да, мѣста не плохія, а только жизнь насъ, баринъ, не балуетъ.

— Трудно?

— Трудно, баринъ. Ой, какъ трудно! Заботы о насъ мало.

— А чего-же спятъ ваши депутаты?

— А што ему? Нешто онъ насъ знаетъ? Мы у него скрозь рѣшето просыпаемся. Господа ничего себѣ, словъ нѣтъ, — ученость, а мужикъ у него промешъ пальцевъ проскользываетъ. Хватъ, гдѣ мужикъ? Въ рѣшетѣ только ученость, да соръ, а нашъ братъ опять безъ портокъ. Знаемъ мы ихъ. Въ деревню такой пріѣзжалъ. Я, говоритъ, за вашъ антиресъ постою! А вышелъ въ полѣ и спрашиваетъ: «Кака это трава съ голубыми цвѣточками?» Поми-луйте, говоримъ, нешто это трава? Это ленъ. Ленъ нашъ ленокъ, кормилецъ нашъ. Такъ-то они и всѣ о мужицкомъ антиресѣ за травку съ голубыми цвѣточками!...

— А далеко-ли до Погузъ? спросилъ Игнашинъ.

— Не, не гораздъ. Четырнадцать километровъ,

а зимой наискосокъ черезъ озеро не больше десяти. У насъ въ Погузахъ, баринъ, хорошо! Озерной и рѣчной пляжъ и красиво, какъ, Господи!

— Въ рѣкѣ рыба есть?

— Есть. Во всякой рѣкѣ есть. Дѣтишки, тѣ больше въ рѣкѣ ловятъ, а рыбаки на озерѣ. Сурьезное наше озеро.

— Большая деревня?

— Большая, баринъ, большая. Больше полу-сотни дворовъ.

— И все одни Петровыхъ? засмѣялся Игнашинъ.

— Смѣхъ - то оно, дѣйствительно, смѣхъ! улы-бнулся возница. — А только и баловства много. По началу - то власть всѣмъ разрѣшила мѣнять фамилъ, ну, а у насъ и перемудрили. Тарасъ Аки-мовичъ много глупостей натворилъ. Онъ у насъ по ученому дѣлу собаку съѣлъ, вотъ и говоритъ мужи-камъ :

— Давайте, братцы, выбирать самую знаменитую фамилъ! По примѣру большихъ людей.

— А нашимъ - то наплевать, все равно, хошь и знаменитую. Глядь, а на деревнѣ уже пошли и Суворовы и Кутузовы и Пушкины и Лермонтовы. Ей - Богу! Тутъ у насъ шестеро дворовъ было Касаткиныхъ, а теперь Илья Касаткинъ взялъ себѣ фамилъ Мерхлюдъ.

— Мейерхольдъ? подсказалъ Игнашинъ.

— Вотъ, эта и есть! Съ пьяна, баринъ, съ пьяна! Ему и самому не выговорить. Спросятъ его : «Илья, а какая - жъ твоя фамилъ?» «А Мерхлюдъ, какой - то. Чортъ ее и разберетъ!» А все это Тарасъ Акимычъ подстроилъ. А дальше, баринъ, и совсѣмъ

смѣхъ : перепьется молодежь и ну въ драку, а тамъ и протоколъ и мирошка. Въ чемъ дѣло? А вотъ Суворовъ Кутузова бутылкой по головѣ, а Пушкинъ Тургеневу ухо оторвалъ. И все въ такомъ родѣ. А тамъ, глядишь, и Скобелеву рыло свернули и Чехову глазъ выбыли. А Васька Касаткинъ взялъ себѣ фамилъ Нахимовъ : «Мы говоритъ, рыбаки, намъ къ лицу адмиральскій фамилъ! Такого - же воднаго учрежденія»... А братея его Максимъ называется теперь Менделѣевъ. А это, говорятъ, ученый надъ всѣми учеными былъ! Вотъ какой сволошной народъ пошелъ нонѣ. Все на російскій ладъ нарываютъ, а того, дураки, не понимаютъ, что нешто здѣсь Рассея? Она - то, Рассея, баринъ, что Азія, конца краю ей нѣтъ. Одно слово : Русь православная! Мать надъ всѣми народами! Вотъ она, какая наша Рассея - то! Ежели въ ней мужики лапти сложать, то будетъ гора, съ которой весь міръ видать можно, а тулупами всю Европу покроютъ! Правда - ль это, не знаю, а только такъ старики говорятъ.

И долго еще возница рассказывалъ о деревенскомъ житѣе - бытѣе, а кобылка, какъ заведенная, бѣжала версту за верстой и вотъ, Игнашинъ увидѣлъ вдали за рѣкой розовую церковь села Погузы.

— А это домъ батюшки! указалъ Краузе кнутовищемъ на большую, красную двухэтажную дачу.

Батюшка Быстроходовъ встрѣтилъ гостей на высокомъ крыльцѣ. И видомъ батюшка былъ, какъ Левъ Толстой, двѣ капли воды, и ростъ и сложеніе и широкій носъ и узкіе глазки въ морщинкахъ и борода и высокій выпуклый лобъ.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! при-

вѣтливо говорилъ онъ. — Вотъ и гости городскіе пріѣхали впервой въ наши Палестины. Милости просимъ!

За батюшкой выбѣжали его внуки подростки, подхватили чемоданы и за поводокъ пса и побѣжали наверхъ.

— Ваша комната здѣсь! Ваша комната на верху! закричали они.

Игнашинъ съ женой, съ трудомъ передвигая отекишія ноги, поднялись наверхъ.

— Какъ хорошо въ деревнѣ! сказалъ Игнашинъ, глядя въ окно. — Вонъ, смотри : какъ бѣлая лента дорога по которой мы пріѣхали, а вонъ вдали бѣлый мостъ съ бѣлыми столбиками, а вонъ правѣй, буйная, темная роща и въ ней деревенское кладбище. Какъ хорошо!

— Да, хорошо! согласилась жена.

А уже батюшкины внуки гремѣли по лѣстницѣ внизъ и за ними спѣшилъ веселый песъ.

— Эхъ, дѣтство, дѣтство! вздохнувши, сказалъ Игнашинъ. — Многое я далъ бы, что - бы загремѣть съ ними по лѣстницѣ!...

Въ первый - же день Игнашинъ одинъ ушелъ въ рощу на кладбище. Онъ никогда не видѣлъ такой буйной, такой тѣнистой и такой запущенной рощи. Корявые каштаны росли вперемежку съ березой, рябиной, дубами, черемухой и густой, раскидистой липой. Кой - гдѣ стояли темныя, густохвойныя ели со стволами, покрытыми лишаями. Почва, то подымалась холмами, то опадала внизъ и сотни безымянныхъ могилъ прятались въ кустахъ орѣха и бузины. Невысокая ограда, сложенная изъ плит-

няка, поросла крапивой и чертополохомъ, а роща кончалась плѣшивымъ холмомъ, на которомъ стояла древняя, сгорбившаяся, деревянная церковка безъ фундамента. И надписи на крестахъ были простыя, безхитростныя, какъ тѣ покойники, что лежали подъ ними. И было видно, что кладбище это насчитываетъ не одну сотню лѣтъ и покоились здѣсь еще современники петровскихъ старовѣровъ, а можетъ быть и еще ранніе бѣглыцы въ эти мѣста.

За кладбищемъ почва сразу опадала и переходила въ заливные луга.

А вправо и влѣво тянулись крестьянскіе огороды съ огурцами, цикоріемъ и капустой и на нихъ море мака краснаго, лиловаго, бѣлаго и розоваго, пестрымъ ковромъ горѣло на солнце.

— Боже! Боже! Какъ здѣсь хорошо! шепталъ Игнашинъ, идя вдоль кладбищенской ограды и увидѣлъ крестьянъ, починающихъ ветхій мостъ и среди свѣже отесанныхъ бревенъ, на яркихъ и душистыхъ щепакъ, стоялъ съ топоромъ въ рукѣ сегодняшній возница Андрей Ивановичъ Краузе.

— Какъ? Вы уже за работой? спросилъ Игнашинъ.

— А, какъ - же, баринъ? Когда - же нашъ братъ безъ работы? Мы завсегда такъ: одно кончаемъ, за другое принимаемся.

Игнашину стало не ловко, что вотъ онъ болтается зря и ничего не дѣлаетъ, а вотъ такіе - же люди не успѣваютъ кончить одну работу, какъ принимаются за другую.

Онъ опустилъ голову и молча пошелъ къ деревнѣ. На деревнѣ, кромѣ дѣтей и старухъ, никого не

было. Видимо всѣ ушли на работы въ огородъ, въ лѣсъ, на покось въ полѣ. Все еще чувствуя какую - то неловкость, Игнашинъ торопливо прошелъ деревню и вышелъ къ рѣкѣ. Широкая и блестящая, со множествомъ рыбацкихъ лодокъ, она извивалась далеко въ поля и съ высокаго холма на краю деревни, Игнашинъ далеко видѣлъ ее, мѣстами окаймленную густымъ тростникомъ. Вонъ мостъ съ бѣлыми столбиками, а еще дальше — лѣсъ.

— Но, гдѣ же она впадаетъ въ озеро?

Игнашинъ прошелъ вдоль крайней избы и взглянулъ влѣво. Онъ остановился и чуть не вскрикнулъ отъ поразившей его красоты. Огромное, необъятное, безбрежное, гладкое и голубое - голубое, пожалуй такое - же голубое, какъ небо, озеро раскинулось передъ нимъ. Вправо и влѣво шли берега, песчаные, золотые и тонули въ лиловой дымкѣ, а впереди, насколько хваталъ глазъ, голубѣло и манило къ себѣ, поистинѣ сказочное, Чудское озеро!

Онъ никогда не думалъ, что озеро можетъ быть такъ прекрасно. Съ высокаго холмистаго берега, вдоль котораго тянулась деревня, оно было просто неотразимо. Вотъ, вспомнились воды голубыхъ швейцарскихъ озеръ, и съ замками и безъ замковъ, и такія красивыя, словно ихъ только что нарисовали художники, но все это было очень ничтожно передъ необъятнымъ просторомъ безбрежныхъ голубыхъ, хрустально чистыхъ водъ Чудского озера!

Теперь стало понятно, почему по берегу тянулась деревня. Вотъ такъ - же, какъ Игнашинъ, когда - то сотни лѣтъ тому назадъ, бѣглые каторжники, старовѣры и люди всякаго званія входили на

этотъ гребень и, очарованные голубой водой, не шли искать лучшаго, а строили по берегу избы и становились осѣдло...

И, странно, чѣмъ дальше глядѣлъ Игнашинъ на озеро, тѣмъ сильнѣй оно притягивало къ себѣ. Казалось, часами можно было любоваться его красотой. Густое бѣлое облако, очень похожее на вздыбившагося коня, медленно плыло на огромной высотѣ и отражалось въ озерѣ конемъ вверхъ ногами...

Какой ненужной, скучной и безтолковой становилась вся прошлая жизнь, все городское, все когда-то насущное. И зачѣмъ нужны эти мелочи городской жизни, когда существуетъ такое голубое озеро, съ такимъ бѣлымъ, вздыбившимся конемъ? Да и нуженъ-ли городъ съ душной квартирой, съ надоевшими обоями и письменнымъ столомъ, надъ которымъ приходится вымучивать никому ненужные и такіе блѣдные, анемичные рассказы о ненужной, блѣдной и анемичной городской жизни? Не проще-ли переѣхать сюда и научиться забрасывать сѣти, вскапывать огородъ, косить овесъ и жать хлѣбъ?

— Ахъ, если-бы бросить городъ, если-бы навсегда переѣхать сюда! говорилъ себѣ Игнашинъ.

— И, какъ я могъ жить до сихъ поръ вдали отъ чистой природы? Рѣшено: я уговорю жену и мы переѣдемъ въ деревню. Да здѣсь и писать лучше! Обязательно сегодня-же покажу женѣ озеро! рѣшилъ Игнашинъ и уже собрался было домой, какъ вдругъ, его окликнули:

— Эй, господинъ!

Игнашинъ обернулся. Съ холма, въ купальномъ

костюмѣ, по щеколодку увязая въ песокъ, шель какой-то человекъ и махаль ему рукой.

— Подождите! Пожалуйста, подождите! и поднявшись на гребень къ Игнашину, спросилъ: — Вы Игнашинъ?

— Да, Игнашинъ. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Неизвѣстный протянулъ руку:

— Художникъ Лисицынъ. Недѣлю, какъ здѣсь на этюдахъ, а сегодня узналъ, что пріѣхаль сюда писатель Игнашинъ.

— Господи, да откуда извѣстно?!

— Э, здѣсь, что городской телеграфъ и даже лучше: не успѣешь чихнуть, какъ говорятъ будьте здоровы.

— Какое замѣчательное озеро! сказалъ Игнашинъ.

— А вы, набираться впечатлѣній?

— Нѣтъ, отдыхать.

— Тогда, это здѣсь можно. А вотъ, если насчетъ матеріаловъ, то, кромѣ тоски, ничего. Художнику, какъ мнѣ, лучшаго, и не надо, а писатель здѣсь ничего не найдетъ. Вотъ и этюдъ! сказалъ вполголоса Лисицынъ и указалъ глазами на проходившую мимо дѣвушку.

Къ озерному пляжу спускалась рыбачка поразительной красоты. Такого лица, въ рамкѣ бѣлокурыхъ кудрей и такой стройной фигуры, Игнашинъ еще никогда не встрѣчалъ.

— Какъ она хороша! невольно вырвалось у него.

— Да, хороша Маша, да не наша! засмѣялся Лисицынъ.

— А кто она?

— Это дочь рыбака Краузе. Хорошая дѣвушка!
«Старые знакомые!» подумалъ Игнашинъ.

— Ну, будемъ друзьями! просто сказалъ Лисицынъ. — Приходите купаться. Вода, что нектаръ! Я уже шестой разъ сегодня. Съ пяти утра! и Лисицынъ большими прыжками спустился къ озеру. Игнашинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Широкоплечій, мускулистый, большой, стройный, крѣпкій и красивый, какъ олимпійскій богъ, золотой подъ яркимъ горячимъ солнцемъ, онъ со звонкимъ смѣхомъ, разбрасывая брызги, побѣждалъ по мелководью, пока не вошелъ по грудь и, тогда, откинувшись на спину, поплылъ. Рыбачка стояла внизу и махала Лисицыну платкомъ. Противъ солнца ея легкая ткань просвѣчивала и обрисовывались стройныя и прямые ноги.

— Какая прекрасная пара! сказалъ Игнашинъ и подумалъ: Боже, Боже! И я живу въ городѣ, когда здѣсь и солнце и озеро и лѣса и поля и добрые Краузе и счастливые Лисицыны и красавицы дѣвушки! Нѣтъ, надо выбраться изъ города!

И онъ заторопился домой.

Дома его всѣ ждали обѣдать и, когда всѣ уселись за столъ, его жена сказала:

— А мы къ вамъ, батюшка, если позволите, на недѣлку.

— И Господь съ вами, хоть на все лѣто!

— Ахъ, что вы, что вы!

— А я съ удовольствіемъ - бы остался! сказалъ Игнашинъ.

— Этого - бы еще не доставало! разсердилась жена. — И вѣчно ты какую - нибудь чушь выдумашь!

— А и правда, оставайтесь - ка на лѣто! обрадовался батюшка.

— А мы, признаться, соскучились по городскимъ людямъ! сказала дочь батюшки, разливая дѣтямъ супъ.

— Оставайтесь! Оставайтесь! закричали дѣтишки.

— Спасибо, батюшка. Я лично останусь! рѣшилъ Игнашинъ.

— А я? спросила его жена.

— А ты можешь черезъ недѣлю ѣхать! засмѣялся онъ.

Послѣ обѣда всѣ вышли въ садъ и въ саду пили чай.

— А попугая вы нашего видѣли? спросилъ батюшка.

— Нѣтъ!

— Идемте, идемте! закричали внуки и повели Игнашина въ домъ. Попугай жилъ въ комнатѣ батюшки и былъ большой, сѣрый, сидѣлъ на суку прибитомъ къ стѣнѣ и при входѣ Игнашина щелкнулъ клювомъ и повернулся къ нему спиной.

— Онъ при чужихъ никогда не разговариваетъ! пояснили внуки и Игнашинъ опять вышелъ въ садъ.

Чай допивали лѣнливо. Солнце пекло. На пустырьѣ кричала коза. Потомъ батюшка пошелъ отдыхать, внуки забрали пса и убѣждали на рѣчку, а жена Игнашина, сославшись на усталость, легла въ гамакъ.

— Но ты только посмотри, что это за озеро! убѣждалъ ее Игнашинъ.

— Ахъ, Ваня, успѣю! Не сегодня - же ты убѣждаешь? Самъ - же хотѣлъ остаться на лѣто.

— И останусь!

— И оставайся.

— Я даже думаю вообще сюда переѣхать.

— Это, какъ вообще?

— И на зиму!

— Ну это, милый, живи ужъ ты, а мнѣ и дома не плохо.

— А сейчасъ - то мы сходимъ на озеро?

— Нѣтъ, не пойду. Я такъ устала съ дороги!

Только вечеромъ, передъ ужиномъ, Игнашинъ уговорилъ жену сходить къ озеру. Отправились всѣ : батюшка, его дочь, ея дѣти и впереди всѣхъ песъ подъ ловерака. Игнашинъ привелъ ихъ на тоже мѣсто, но озеро уже было другимъ. Зеленовато-синее съ лиловыми полосами и съ розоватыми бликами отъ огромной, какъ воздушный шаръ, розовой луны, — оно было немного зловѣщимъ, но попрежнему величественнымъ и жуткимъ въ своей безбрежности. И уже надъ нимъ не было бѣлаго облака, а по зеленоватому горизонту, какъ огромная горбатая ящерица ползла вздувшаяся чернильная туча. А въ верстѣ отъ берега, чернымъ силуэтомъ уходила лодка и можно было разглядѣть, что въ лодкѣ было двое, — мужчина и женщина. И почему - то Игнашину захотѣлось быть молодымъ и до боли, почти до слезъ захотѣлось полюбить порывисто, по юношески и онъ, сжавъ руку жены, сказалъ ей на ухо :

— Какъ хорошо!...

Подростки сбѣжали къ берегу и стали бросать въ воду камешки, а Игнашину хотѣлось крикнуть :

— Не надо! Что вы дѣлаете? Давайте вста-

немте на колѣни и будемъ молится!

Но онъ этого не крикнулъ и не сказалъ, а только снялъ шляпу и провелъ ладонью по волосамъ и подставилъ лицо легкому, прохладному и чуть влажному, набѣжавшему съ озера, вѣтерку. И отъ набѣжавшаго вѣтерка озеро стало морщиться, а батюшка сказалъ :

— Къ непогодѣ, а можетъ и нѣтъ. Ну, теперь и ужинать пора и чайку не вредно.

— Какъ хорошо здѣсь у васъ! сказалъ Игнашинъ. — Я, кромѣ шутокъ, останусь на лѣто.

— Вотъ и хорошо! весело согласился батюшка. И всѣ двинулись къ дому.

Когда входили въ деревню, Игнашинъ обернулся къ озеру и прошепталъ :

— Спокойной ночи. Спи съ Господомъ!

И ему показалось, что въ томъ мѣстѣ гдѣ на озерѣ легла тѣнь отъ чернильной тучи, по водѣ шелъ Спаситель и благославлялъ воды. А вдали уже точкой чернѣла лодка.

Послѣ ужина всѣ вышли на крыльцо, и батюшка спросилъ Игнашина :

— Слышите?

— Что?

— Озеро шумить.

Игнашинъ прислушался. Дѣйствительно, какой-то упорный шумъ, похожій на шелестъ по верхушкамъ лѣса, доносился со стороны озера.

— Слышу.

— Не хорошо! Завтра будетъ плохая погода.

И Игнашину вспомнилась чернильная туча надъ озеромъ въ видѣ горбатой ящерицы.

Луна поднялась надъ огородами и сдѣлалась блѣдно - лимонной. На сыромъ лугу, противъ крыльца, заржалъ стреноженный конь, тряхнулъ головой и зазвенѣлъ бубенцами. И вдругъ, изъ комнаты батюшки донесся крикъ попугая :

— Попочка! Попочка! А, какъ лаеъ собачка? Ку - ка - ре - ку! Ахъ - ха - ха - ха!...

Утромъ, приподнявшись въ постели, Игнашинъ увидѣлъ мокрыя стекла, а когда подошелъ къ окну, все было затянуто тучами, шелъ дождь и, вѣтеръ, налетая на придорожныя березы, шумѣлъ и размахивалъ мокрыми вѣтвями. Жена Игнашина, не вставая съ постели, спросила :

— Никакъ дождь?

— Дождь! печально отвѣтилъ Игнашинъ.

— Вотъ, всегда такъ. Въ кои вѣки разъ выберешь изъ города и — сиди въ четырехъ стѣнахъ!

— А я схожу къ озеру! рѣшилъ Игнашинъ Онъ одѣлся и вышелъ.

Холодный вѣтеръ хлесталъ дождемъ и гдѣ - то далеко грохотало и выло какое - то чудовище. Огромная лужа корчилась подъ порывами вѣтра и дождь билъ въ лицо. Деревья, какъ живыя размахивали корявыми руками, пригибались вершинами и шумѣли, шумѣли, шумѣли, все кому - то жалуясь сердито и порывисто. Въ кустахъ повизгивали настуженные голоса и, шедшій позади Игнашина, песъ остановился, печально посмотрѣлъ ему въ спину и вернулся домой.

Въ деревнѣ Игнашинъ встрѣтился съ перебѣгавшимъ улицу рыбакомъ.

— А! Батюшкинъ гость! Куда - же это вы, баринъ?

— Да вотъ, хочу посмотрѣть на озеро.

— Тоже дѣло! улыбнулся рыбакъ. — А мы вотъ, въ лавочку за табачкомъ сбѣгали. Ишь, погода - то разгулялась. Буря.

— Ну, что - жъ, и вамъ отдыхъ. Не вѣчно работать! серьезно сказалъ Игнашинъ.

— Э, что вы, господинъ! Мы по этой погодѣ дома сѣти чинимъ. До отдыха - ли?...

Игнашинъ опять смутился и, глядя въ спину рыбака, подумалъ: «Что - жъ, переѣду въ деревню и буду тоже работать, какъ рыбаки».

На гребнѣ холма за домами было сравнительно тихо, но какъ только Игнашинъ вышелъ за крайнюю избу, рѣзкій и холодный порывъ вѣтра заставилъ его остановиться. Придерживая шляпу и пригнувшись подъ хлеставшимъ въ лицо дождемъ, Игнашинъ взглянулъ на озеро. Озера не было. А внизу, затопивъ пріозерный пляжъ, ревѣло, выло и грохотало море. Черно - свинцовыя волны съ бѣлыми шипящими гребнями, какъ живые сатанинскіе звѣри, налетали одна на другую и захлестывали у противницъ бѣлыя головы и топили ихъ подъ себя и снова мчались по ревущей пучинѣ. Вода стонала, гремѣла, кружилась, вскидывалась, какъ бѣшеная и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе грозныя валы налетали и топили другъ друга. Это была какофонія звуковъ и формъ, нѣчто адское, неестественное и непонятное. Казалось, что на вчерашнее голубое озеро набросилось откуда - то примчавшееся бурное море и бѣсится по его гладкой поверхности, а на три, на четыре аршина подъ нимъ притаились вчерашнія голубыя воды.

И стало понятно почему деревня раскинулась по высокому гребню: вотъ такъ - же, какъ Игнашинъ, когда - то, сотни лѣтъ тому назадъ, каторжники, старовѣры и люди всякаго званія входили на этотъ гребень и уstraшенные налетѣвшимъ на озеро моремъ, пользовались недоступной ему высотой и строили въ безопасности свои избы.

Уже не было горизонта, а на полъ версты отъ берега, этотъ ревущій адъ обрывался сѣрой стѣной дождя и въ безднѣ холоднаго мрака пропадалъ горизонтъ...

Весь день хлесталъ дождь, всю ночь выла буря и слѣдующій день шелъ дождь и отъ окна нестерпимо дуло. Въ комнатѣ было холодно, неуютно, и Игнашину вспомнилась его городская квартира, такая уютная, теплая и спокойная. Вспомнился его письменный столъ и разбросанныя по столу рукописи и стаканъ чаю съ лимономъ и его песъ подъ лаверака, свернувшійся у ногъ и подымающій ухо при каждомъ движеніи хозяина.

За обѣдомъ батюшка сказалъ:

— А у насъ нехорошія вѣсти.

— А что? спросилъ Игнашинъ и почему - то почувствовалъ, что это нехорошее должно относиться къ нему.

— Да тутъ у насъ на этюды пріѣхалъ изъ города художникъ Лисицынъ, милый такой господинъ, видный и характера добраго.

— Какъ - же, я съ нимъ познакомился на пляжѣ! вставилъ Игнашинъ.

— Ахъ, вотъ, какъ! удивился батюшка.

— И что?! опять насторожено переспросилъ Игнашинъ.

— Да вотъ, какъ уѣхалъ третьяго дня съ дочкой Краузе на лодкѣ кататься, такъ до сихъ поръ и нѣтъ. А ночью - то буря поднялась. Думали, что они къ селу Горкамъ пристанутъ, да оттуда лавочникъ пріѣхалъ кружнымъ путемъ и говоритъ, что ихъ не было. Должно утонули.

— Да не можетъ быть!! ужаснулся Игнашинъ.

— Сколько угодно! сказалъ батюшка. — Здѣсь частенько тонутъ...

Игнашинъ весь день ходилъ самъ не свой, а вечеромъ къ батюшкѣ пришелъ встревоженный Краузе и, плача и теребя бороду, сообщилъ, что спасательный кругъ изъ его лодки выброшенъ на берегъ.

— Доченька... Господи... доченька - то моя... ахъ, Ты Иисусе Христе!... что - жъ это, батюшка? А?..

Батюшка ушелъ къ Краузе, а Игнашинъ вышелъ въ садъ и неожиданно для самого себя, расплакался. Плакалъ онъ, какъ мальчикъ, закусывая губы и всхлипывая и все прятался за кусты смородины и долго не входилъ въ домъ.

— Странно! шепталъ онъ. — Вѣдь они для меня совсѣмъ чужіе люди, а такъ жалко, такъ жалко!..

И Игнашину представилась бурная ночь, бѣшеное, громыхающее озеро - море и среди пѣнящихся гребней два человѣка борющихся съ водой. И такъ ясно почувствовалъ онъ сильнаго Лисицына рядомъ съ тонущей дѣвушкой, что настоящій, холодный ужасъ охватилъ Игнашина.

— Зачѣмъ?! Зачѣмъ?! Зачѣмъ?! говорилъ онъ, хватаясь за голову. — Зачѣмъ онъ со мной познакомился? Зачѣмъ я видѣлъ ее? Зачѣмъ эта

страшная смерть? Зачѣмъ этотъ ужасъ?...

И онъ зналъ, что уже никогда не пойдетъ на берегъ голубого, прекраснаго озера и никогда и ни за что не останется въ этихъ мѣстахъ.

А изъ комнаты батюшки доносился крикъ попугая :

— Попочка! Попочка! А, какъ кричить пѣтушокъ? Гавъ! Гавъ! Гавъ! Ахъ - ха - ха - ха!..

И, когда еще слѣдующій день проснулся сырымъ и дождливымъ, Игнашинъ, стоя у окна и глядя на почернѣвшую въ лужахъ дорогу и на кладбище за сѣрой вуалью дождя, сказалъ женѣ :

— Скучно. Не знаешь, куда себя дѣть. Не вернуться - ли въ городъ? Такая тоска!...

К И Х Ъ.

— Эхъ, Сибирь, Сибирь, страна несказанная! И въ Сибири люди живутъ. Жизнь вездѣ ключемъ бьетъ и вездѣ она распрекрасна и вездѣ она хороша! Въ Сибири и по сейчасъ во многихъ мѣстахъ домовыхъ уважаютъ. У насъ, напримѣръ, домовому въ Великій Четвергъ специальный каравай пекутъ. Не вѣрите? Честное слово! Какъ это, домовыхъ не бываетъ? А вы развѣ приглядывались къ этой сторонѣ жизни? Нѣтъ? Вотъ, то - то! Не вѣрить вы можете, а оспаривать не имѣете права. Въ жизни есть и злыя и добрыя силы, а какая и какъ себя проявляетъ, про то больше знаетъ простой народъ. Почему? Да потому, что онъ тѣсно связанъ съ природой, а у васъ: въ дѣтствѣ — школа, въ юности — школа, въ зрѣлости — школа, служба, театръ, кино, клубъ, гости, интриги. Вотъ, домовыхъ - то и проглядѣли. За природой подмѣчать нѣкогда. Откуда? Что, собственно, откуда? Ахъ, домовые. А ужъ и не знаю откуда, но думаю, что человѣческая мысль ихъ породила. Да что мнѣ

вамъ разсказывать о творествѣ человѣческой мысли; сами лучше меня знаете. Ужъ и не знаю, какъ это по модному называется : матеріализація мысли, что ли? Вѣковые гипнозы, разряды творческихъ силъ и еще тысяча научныхъ терминовъ. А мы просто жили. Не мудруествуя, но и не критикуя. Брали жизнь за рога такой, какая она была вокругъ насъ. Эхъ, Сибирь, Сибирь, — страна будущаго! Да - съ, въ Сибири домовыхъ уважають. Помню, я по первому году отцу помогалъ. Былъ у отца я одинъ и держалъ онъ еще двухъ работниковъ и трехъ дѣвокъ работницъ, а мать моя больна была, къ постели шесть лѣтъ прикована и въ тотъ годъ доживала послѣдніе дни. Любилъ я ее, а еще больше, можетъ и не больше, а какъ - то выпуклѣе, любилъ отца. За силу, за мужество, за правоту, за простоту, богобоязнь и за храбрость, когда онъ съ шестомъ на льдинѣ четырнадцать верстъ отмахалъ и только для того, чтобы успѣть въ городъ въ судъ, своими показаніями спасти отъ тюрьмы бродягу - татарина. Когда нужно — въ его рукахъ ремни рвались и мускулы напрягались до крови. И не разъ онъ говорилъ мнѣ : — Самъ себя сломай, но не давай никому сломить! — вотъ они, сибиряки - то наши! А въ домовыхъ вѣрилъ. Ей - Богу! Да, признаться, я и самъ какъ будто бы вѣрю. Во всякомъ случаѣ, — домового видалъ. Не вѣрите? Вотъ - то чудакъ. А помню, вернувшись изъ ученія, сунулъ было, только заикнулъ о суевѣріи, какъ кубаремъ перелетѣлъ дворъ и запутался въ горохъ. А послѣ такой потасовки, отецъ сказалъ : — Въ Бога вѣрь, а объ этомъ не разсуж-

дай, а къ старикамъ присматривайся, А то такъ выходитъ, что до появленія на свѣтъ тебя поро-сенка, всѣ дѣды и прадѣды болванами были, а ты зоть хрюкнулъ и просвѣтилъ всѣхъ!...

— Да - съ. Хрюкають теперь всѣ, кому не лѣнь, и со школьной скамьи полагають себя просвѣщенными людьми. Иной двухъ словъ связать не умѣетъ, а о Богѣ и о суевѣріи разсуждаетъ и дѣлаетъ изъ Бога суевѣріе, а изъ суевѣрія — Бога. Видѣлъ я, знаете - ли, и профессоровъ мало просвѣщенныхъ, просто болвановъ и фанфароновъ и видѣлъ полу-грамотныхъ стариковъ просвѣщенныхъ и мудрыхъ! Въ ученіе - то меня отвезли десяти лѣтъ, сюда къ отцовскому брату, къ дядѣ, а когда я кончилъ четырехклассное и хотѣлъ дальше учиться, то отецъ отписалъ : — «Довольно изучалъ грамоту, пріѣзжай изучать землю...» И опечалился я и обрадовался. И учиться хотѣлось и домой потянуло до боли. Не люблю я города; блудъ и соблазнъ. Помню и встрѣтили меня малыша въ школѣ не весело. Какъ - то въ перемѣну разговорился я среди сверстниковъ про Сибирь и разсказалъ, какъ у насъ опару для домашнего готовили и, какъ изъ той квашни уже не замѣшивали для себя. А меня на смѣхъ подняли, страшно сконфузили и такъ до самого окончанія школы домовымъ дразнили. И сейчасъ я знаю одного изъ гѣхъ сверстниковъ, богатый человѣкъ, автомобиль собственный, надъ суевѣріемъ посмѣивается, а въ авто, подъ окошкомъ амулетъ - талисманъ болтается. Да - съ! А тогда только не задолго передъ окончаніемъ учитель поинтересовался, почему меня домашнимъ кличуть и сталъ спрашивать моихъ одно-

классниковъ, а тѣ и рассказали про квашню и опару. Я готовъ былъ сквозь землю провалиться. А учитель выслушалъ, опустилъ голову, снялъ пенснэ и протирая ихъ сказалъ: — Не смѣйтесь, ребята, надъ тѣмъ, чего вы не знаете. Вѣрить не вѣрьте, но смѣяться — значить — показывать свою глупость!...

— Однако, я затянулъ предисловіе. Перейду къ дѣлу. Приѣхалъ я къ отцу. Мать отъ радости плачетъ и все отъ своей постели не отпускаетъ. А мнѣ бы на дворъ, за плетень, въ родныя мѣста, но и отъ матушки отойти не хочется. Побѣгаю я по оврагу и — къ ней, похожу по лѣсу и опять къ ней, за рѣку, въ огородъ - ли и — опять къ матушкѣ. Двѣ недѣли далъ мнѣ родитель проводить, какъ я хотѣлъ, а на третью къ дѣлу приставилъ. И сталъ я въ хозяйство входить и на первыхъ порахъ съ суевѣріемъ и столкнулся. А дѣло - то все было въ коровахъ. На коровахъ измучился отецъ. Держалъ онъ ихъ двѣ, ради дома, а навозу много не требовалось; полоса - то у насъ черноземная. Да все какъ то не кленлось въ хозяйствѣ съ коровами. Любилъ отецъ держать рыжихъ коровъ, а корова что ни годъ — дохнетъ. Что за оказія? И корма провѣряли и хлѣвъ перестроили, ничего не помогаетъ. И работники и работницы въ смущеніи и уже отказываются отъ мѣста, да отецъ не пустилъ.

— Развѣ, говоритъ, я могу думать на человѣка? Нѣтъ, здѣсь, что - то не то!...

— Лѣто прошло, осень пришла, а тамъ и первый снѣжокъ замелькалъ. Стало стягивать землю, потемнѣла вода. Вотъ, какъ - то подъ вечеръ, уже лампу зажгли, пришелъ отецъ къ матери, а я у нея

сидѣлъ, и говорить : — Рыжка подохла! Даже не мучилась, упала на переднія ноги, завалилась на бокъ — и дубъ! Заплакала мать, отецъ говоритъ : — Надо бы «старичка» послушать...

— А «старичекъ» это домовый. Я даже похолодѣлъ весь. Какъ, спрашиваю, можно старичка слушать? — А вотъ я тебя научу, — отвѣчаетъ отецъ, — ты и послушай! — Страшно. — Дуракъ! Да развѣ можно его бояться. Его надо уважать и слушаться. Вѣдь онъ нашъ, для нашего дома, а ты и самъ скоро хозяиномъ будешь, привыкай! А я думаю : Ладно, буду хозяиномъ, наплюю на всю эту нечисть. Ну - съ, съ отцомъ спорить нельзя, и страшно и любопытно, а мнѣ всего шестнадцатый годъ, ребенокъ. Ослушаться отца и въ умѣ не было, да и стыдно передъ всѣмъ домомъ; городской, просвѣщенный, а труса празднуетъ. Позоръ. Мать было заступилась за меня, да отецъ сказалъ : — Не сахарный, не растаетъ! вотъ мнѣ и рассказала мать, какъ старичка слушаютъ. Въ Великій Четвергъ, когда ему спекутъ каравай и отнесутъ въ амбаръ, а каравай онъ всегда ѣстъ въ амбарѣ, то надо по дорогѣ къ амбару сѣсть съ вечера спиной въ уголъ забора, а передъ собой борону съ осиновыми зубьями выставить, такъ, что бы борона въ заборы упиралась, а зубья наружу. И сидѣть. И ждать. А когда стемнѣетъ, онъ и поидетъ изъ дома въ амбаръ каравай ѣсть. Тутъ сиди и слушай, обязательно что - нубудь скажетъ...

— Прошла зима. Пасха поздняя. Весной чуть запахло. Вотъ и Страстная. И Великій Четвергъ. Съ утра пекутъ старичку каравай. Снуетъ по квартирѣ, что сѣрая мышь, старуха какая - то, всезнайка, спе-

циально для этого дѣла приглашенная. То фитили въ лампадкахъ поправить, то вязальной спицей каравай проткнуть; пробуетъ, — достаточно - ль спекся. И все крестится и все чего - то причитываетъ. День къ вечеру. Солнце къ закату. Вотъ и закатъ догораетъ. Надъ темнымъ оврагомъ галки кружатся, и стаи ихъ потянули на ночлегъ къ лѣсу. Отецъ позвалъ, а мать плачетъ, а я ей и говорю : — Эво, ерунда какая! а у самого поджилки ходуномъ ходятъ. И отецъ уже распоряжается, чтобы борону къ забору, къ углу принесли. Въ амбаръ то черезъ огородъ прямая дорога. А каравай въ амбаръ уже днемъ снесенъ. — Ну, съ Богомъ! сказалъ отецъ. Перекрестилъ меня, а старушка — всезнайка тутъ - же вертится : Богородицу читай, Богородицу! и вышла я. Вечеръ сиреневый. Что за день подтаяло — къ вечеру ледкомъ прихватило и хруститъ онъ подъ ногами, что сахарный. Стороной надъ пахотью гуси летятъ. — Къ добру! говоритъ отецъ. Изъ дѣвичьей дѣвки глядятъ на меня, крестятся. Прошелъ я съ отцомъ къ огороду, работникъ Илья борону придерживаетъ, — залѣзай, мошь. Притулился я въ уголокъ, мѣшки подъ меня заправили, борону привалили къ забору и ушли. Тихо. Гдѣ - то, ворона закаркала. Въ щели забора видно, какъ на огородѣ заяцъ мерзлую морковь выкапываетъ. Выкопалъ, прогрызъ, прыгъ - прыгъ и нѣтъ никого. Одинъ я. Страшно. Попробовалъ было борону приподнять, да не тутъ - то было, тяжелая. Сижу, читаю про себя Богородицу. Легкій холодокъ щеки пощипываетъ, въ сторонѣ шуршитъ сухая прошлогодняя трава. Уже на дворѣ такъ сумрачно, что старая бочка свиньей

кажется. Наконецъ, совсѣмъ смерклося. Пригрѣлся я и отъ волненія - ли за день или просто отъ свѣжаго воздуха, дремать сталъ. А время тянется, тянется, какъ будто не минуты, а годы текутъ. А глаза слипаются и слипаются и только вздремнуль я, какъ меня словно кто подъ бокъ локтемъ. Открыль глаза и ни живъ, ни мертвъ; вижу — идетъ маленькій старичекъ и голубой огонекъ несетъ. Совсѣмъ близко и слышу бубнить: — Хоть плохенькую, да пѣгенькую! и нѣтъ его. Сколько я просидѣлъ, не знаю, трясло всего. Только вдругъ, опять идетъ. Поглядѣлъ, — несетъ огонекъ голубой и борода въ крошкахъ; каравай ѣлъ. — Хоть - бы плохонькую, говорить, да пѣгенькую! и опять исчезъ. А тамъ и солнце взошло и отецъ съ Ильей борону отвалили. — Видѣлъ? — спрашиваетъ отецъ. — И видалъ и слыхаль! — Ну, то - то! а самъ улыбается. И продалъ послѣ этого отецъ послѣднюю рыжую и купилъ двухъ пѣгихъ коровъ. Съ тѣхъ поръ и въ поминѣ не было, чтобы коровы дохли; пришлись ко двору. А я и видѣлъ и пережилъ и все какъ - то не вѣрю. Это, думаю, съ перепугу или просто пригрезилось. И уже забывать сталъ, да еще нѣтъ - нѣтъ и посмѣюсь въ душѣ надъ разказами о нечисти. Вотъ за это и проученъ былъ...

— И опять лѣто прошло. Осень подмораживать стала, снова снѣгъ выпалъ и ударили наши сибирскіе холода; зима встала. Забѣлѣло все на десятки верстъ, воздухъ словно хрустальный, вотъ - вотъ зазвенить. Дни у насъ короткіе, разъ - два темнѣетъ, а тамъ луна побѣжить по небу, волки къ жилью подходятъ и у самыхъ воротъ, воютъ. Въ ноябрѣ мать умерла, похо-

ронили ее въ яркій солнечный день въ мерзлой землѣ, приуныли, примолкли. И всегда - то у насъ было тихо, а тутъ словно сонное царство. Отецъ днями не разговаривалъ. И опять появилась старушка - всезнайка и безшумно, какъ мышь снуетъ по дому. Живемъ мы отъ всего міра отрѣзаны. Еще днемъ туда - сюда, и лошадей запрягутъ и въ городъ смахаютъ и въ лѣсъ за дровами и просто по хозяйству хлопчатъ, а чуть потемнѣетъ и всѣ въ домъ. Дѣвки прядутъ, шьютъ, починяютъ. Отецъ у себя запрется и сидитъ часами. А ночью у насъ никто и двора не перебѣжитъ, а чтобы подальше или подольше, то и ни - ни; Кихъ ходитъ. Какой Кихъ? Да никто его точно не знаетъ и никогда не видалъ. Разговору у всѣхъ безъ конца: Кихъ! Кихъ! а кто Кихъ, не извѣстно. Знаютъ только одно, что ночью вокругъ жилья Кихъ ходитъ. Ну, а меня это взорвало. Ахъ, думаю, дикари вы всѣ, дикари! Однако, отцу ни слова, а старушенція всезнайка твердитъ: — Бѣда надъ нимъ посмѣются, надъ Кихомъ - то. Не призведи Богъ! — А что? — Не хорошо будетъ. Не любить онъ когда надъ нимъ посмѣются! и шмыгъ въ темь. Тоска. Вотъ, какъ - то баню для дѣвокъ стопили. Да провозились, запоздали чего - то. А ужъ десять часовъ. Дѣвки и идти боятся. — Чего вы, дуры? — Какъ чего, а Кихъ? — Ладно, ладно! говоритъ старуха - всезнайка. — Я васъ и въ баню и изъ бани проведу, вотъ только пойду на дорогѣ крестики напишу. — А зачѣмъ? спрашиваю. — Голгофа милый. Голгофа! Чтобы Кихъ въ баню не сунулся. Въ дому - то иконы, а въ баню ему не заказано... Проводила она дѣвокъ, вернулась. Слышу,

отецъ меня кличетъ. — Сходи ты въ конюшню, никакъ я тамъ кисеть оставилъ! Надѣлъ я тулупъ, валенки, напялилъ треухъ и — къ конюшнѣ. А морсзъ такой, что скулы сводить, небо звѣздами заткано и дрожить и колышется и подъ яркой луной снѣгъ голубыми брилльянтами свѣтится. Боже, какъ хорошо!... Въ концѣ двора огонекъ — въ банѣ. Окошечко съ кулачокъ и ледяной коркой покрыто. Изъ трубы гарь съ искрами сыпется. — Ага! думаю. — Я же вамъ пропишу! и скорѣй въ конюшню, нашарилъ кисеть и — къ банѣ. Подкрался и ну царапать по стеклу. Держись дѣвки, самъ Кихъ пришелъ! Вдругъ, слышу дикій крикъ, дверь распахнулась и всѣ дѣвки съ визгомъ, голышомъ промчались черезъ дворъ къ дому. — Кихъ! Кихъ! Кихъ!...

— Паръ повалилъ изъ бани, окуталъ меня бѣлымъ облакомъ и вдругъ, словно тѣнь косматая и большая метнулась отъ конюшни къ крыльцу. Чувствую я, что заледенѣла во мнѣ кровь. Хотѣлъ напугать и самъ испугался и отъ ужаса двинуться не могу. И вижу, вижу что - то огромное и страшное за клубами пара. И огонекъ въ окошкѣ, словно щелка и вдругъ, кто - то хихикнулъ позади, за спиной. Оглянулся я, а предо мной Кихъ съ лошадиной головой стоитъ и смѣется. Закричалъ я и упалъ безъ памяти. Почти три недѣли пролежалъ въ горячкѣ, а когда поправился, рассказали работники, какъ выбѣжали на крикъ и нашли меня на снѣгу. Что - съ? Почему Кихъ съ лошадиной головой? Этого я, простите, не знаю. Говорили, что въ ту ночь онъ на чердакѣ всѣ окна раскрылъ, колодезный канатъ перегрызъ

и дверь въ конюшню открылъ и лошадей повывелъ.

— Съ тѣхъ поръ успокоился и не шалилъ больше. А старушенція всезнайка словно отгадала : — Это его кто нибудь подразнилъ, а зря онъ никогда не балуетъ. У домового дѣло — домъ внутри хронить, а Кихъ — снаружи оберегаетъ. Онъ добрый, зла въ немъ нѣтъ, а вотъ насмѣшки не стерпитъ! Это она - то всезнайка. А я уже пересталъ смѣяться надъ нечистью. Хрюкать не собираюсь. Что - съ? Суевѣріе? А вы, вотъ въ Сибири поживите. Да, что въ Сибири, вы вотъ одинъ ночью въ лѣсъ пройдите или на кладбище, а то у насъ всѣ со смѣшками, хи - хи, да хи - хи, а, простите, до уборной въ темнотѣ боятся пойти. То - то!...

КУВЫРЛО.

Ресторанъ дремалъ послѣобѣденной дремой. Давно разошлись посѣтители и только во второй комнатѣ, въ самомъ углу передъ смятой скатертью, сидѣлъ безымянный типъ и пилъ пиво. Гдѣ-то на липкой бумагѣ звенѣла іюльская муха и изъ кухни тянуло подгорѣлой рыбой. Какъ сонные бродили по залу бѣлозобые кельнера.

Кувырло стоялъ прислонясь къ печкѣ и мечталъ. Глаза его были полузакрыты и на бритомъ лицѣ застыло подобострастное выраженіе. Время тянулось убійственно медленно. До вечера, когда спадетъ жара и лѣтняя скука загонитъ народъ въ кабаки, оставалось много часовъ.

Кувырло мечталъ о томъ, что вотъ онъ не кельнеръ, не человѣкъ созданный для постоянныхъ услугъ и въ потѣ услугъ добывающій пропитаніе, а тотъ изумительный посѣтитель, что вчера сидѣлъ за его столомъ съ двумя красивыми женщинами и небрежно вынималъ изъ бумажника деньги. Бумажникъ у посѣтителя былъ такъ туго набитъ

деньгами, что его трудно было складывать и онъ настойчиво и упруго раскрывалъ свои створки, слово онъ были на пружинахъ.

— Ты что? — спросилъ Куврылу проходившій мимо хозяинъ. Куврыло открылъ глаза, быстро положилъ правую руку на полотенце подъ лѣвой и сказалъ :

— Ничего - съ!

Хозяинъ съ дѣловымъ видомъ заглянулъ во всѣ углы кабака, многозначительно и строго поглядѣлъ на стойку съ закуской, за которой стояла его чахоточная свояченица и съ видомъ человѣка все видящаго и все знающаго, важно отправился въ кухню. Въ кухнѣ онъ съ минуту о чемъ-то поспорилъ съ поваромъ и загадочно проговорилъ въ дверяхъ :

— Знаю, знаю! Меня обманывать нечего! и, ничего не зная, ушелъ.

Собственно говоря, Куврыло носилъ доброе христіанское имя. Его звали Петромъ Николаевичемъ Вешкинымъ, а Куврыло было безжалостной, грубой наклейкой, прилипчивой и противной, но оставшейся за милымъ Петромъ Николаевичемъ какъ каторжное клеймо. Какой-то пьяный дуракъ, отъ скуки и отъ бездумья ломавшійся передъ кельнерами, назвалъ Вешкина Куврылой и съ тѣхъ поръ за нимъ въ шутку и въ злобу сохранилось это прозваніе. А такъ, какъ человѣкъ по глупости привитой ему самомнѣніемъ, либо балаганить, либо злобится, но никогда не хочетъ быть самимъ собой, то и прозвище «Куврыло» осталось неизмѣнно и прочно за безобиднымъ Петромъ Николаевичемъ.

Посѣтитель въ задней комнатѣ постучалъ о бутылку стаканомъ и всѣ кельнеры, и тѣ, что ходили и тѣ, что сидѣли, — насторожились, какъ гончіе, а одинъ изъ нихъ сорвался съ мѣста и съ такимъ видомъ понесся на зовъ, словно въ сосѣдней комнатѣ погибало любимое существо. И опять медленно, медленно потянулись минуты. Кувырло вновь прислонился къ печкѣ и снова закрылъ глаза.

Тяжело и противно было на душѣ Петра Николаевича. Вотъ и вчера совсѣмъ незаслуженно обидѣлъ его подвыпившій актеръ Сойкинъ.

— Развѣ вы люди? — говорилъ ему Сойкинъ. Вы парша! Вы цѣните человѣка по его бумажнику, вы — общественное зло, вы — отбросы человечества! Ваше дѣло напоить, заставить человѣка растрачиться, а потомъ гнать его въ шею. Вы — грязная вонь, отрепье, лакеи въ самомъ отвратительномъ понятіи этого слова! Вашимъ богомъ является кабатчикъ, ваше причастіе, — чаевые! Отъ васъ пахнетъ трупомъ и руки у васъ липкіе, какъ у мелкихъ мошенниковъ!...

«Подлая жизнь!» тоскливо подумалъ Петръ Николаевичъ и вспомнилъ вчерашняго посѣтителя.

«А, что, — думалъ онъ — если я и вправду сдѣлался - бы такимъ посѣтителемъ?» И сразу представилъ себя въ обществѣ двухъ красивыхъ дамъ и даже почувствовалъ, какъ у него въ карманѣ оттопыривается бумажникъ.

Вотъ онъ сидитъ передъ свѣжей скатертью, а на столѣ бокалы, бутылка вина и недоѣденный кремъ съ черносливками. Передъ нимъ стоитъ хозяинъ и старается заглянуть не въ глаза, а въ самую душу.

— Что прикажете? — спрашиваетъ хозяинъ.

Но въ эту минуту видѣнія обрываются и Кувырло открываетъ глаза.

Ни одного посѣтителя. Даже тотъ, въ задней комнатѣ, расплатился и ушелъ. И муха перестала звенѣть. Дремлетъ даже хозяйская свояченица за стойкой. Тихо. Душно. Сонливо. Такъ и клонить голову на плечо. И кажется Кувырлѣ, что задремалъ и окорокъ ветчины съ бумажнымъ фистономъ и — окорокъ телятины съ розовой прослойкой по бѣлому сръзу и — судакъ въ заливномъ, полукрывъ глаза и вытянувъ хвостъ съ сидящими на немъ мухами. Дремлютъ и огурцы въ банкахъ и пузатый графинъ съ отбитой ноздрей и — золотой сигъ и ярко мѣдныя копчушки на растрескавшемся блюдѣ. Даже оконныя кисейныя занавѣски, у раскрытыхъ въ сонный дворъ ставень, дремлютъ, не колышатся, замерли. Кажется, что и часы медленнѣй тикаютъ и вотъ-вотъ остановятся. Все погрузилось въ дремное царство, все готово уснуть.

Кувырло взялъ стулъ, осторожно на цыпочкахъ повернулся на мѣстѣ, поставилъ его у печки и сѣлъ. И вдругъ передъ нимъ выросъ посѣтитель. Кувырло даже не всталъ, а только сонно посмотрѣлъ на него изъ-подъ прищуренныхъ тяжелыхъ вѣкъ и спросилъ :

— Вамъ чего - съ?

— Хочешь быть посѣтителемъ?

— Хочу - съ! — сонно отвѣтилъ Кувырло. И въ тотъ-же мигъ они оба оказались на улицѣ. Было много за полдень и яркое июльское солнце раскалило тротуары и мостовую.

Кувырло уже не былъ Кувырломъ, онъ сдѣлался Сергѣемъ Ивановичемъ Крутицкимъ, подающимъ надѣжды молодымъ инженеромъ, но только душа и доброта въ немъ оказались все тѣми же.

Незнакомецъ вынулъ часы и подозвалъ такси.

— Куда? — спросилъ Сергѣй Ивановичъ. Дверцы захлопнулись и мимо оконъ безшумно поплыла улица.

— Мы сдѣлали очень выгодную покупку! — сказалъ неизвѣстный, — Вамъ предстоитъ разобратъ старый домъ и построить особнякъ для виднаго богача. Мы заработаемъ на этомъ дѣлѣ хорошія деньги.

А улицы плыли и плыли и рядъ домовъ проносился мимо оконъ безшумнаго такси. Вотъ мелькнулъ пригородъ съ дубовой аллеей, вотъ повернулась и расширилась знакомая улица, вотъ проползъ мимо досчатый заборъ и машина остановилась. Они вышли и оказались лицомъ къ лицу съ домомъ Кувырло. Что-то болѣзненно сжалось въ груди инженера Крутицкаго, но почему это произошло, онъ не могъ объяснить.

Незнакомецъ повелъ его въ домъ. Они шли узкими, грязными коридорами насквозь пропахнувшими чадомъ изъ кухонь и дешевымъ затхлымъ житьемъ бѣдности. Изъ всѣхъ дверей высыпали въ коридоръ любопытныя бабы и наперебой судачили, стараясь отгадать, чѣмъ вызванъ этотъ визитъ.

Незнакомецъ водилъ Крутицкаго по грязнымъ лабиринтамъ и заглядывалъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнаты дешевыхъ жильцовъ.

— На сломъ! На сломъ! — говорилъ онъ Кру-

тицкому. — Немедленно разобрать домъ!

Вотъ они вошли въ узкую полутемную комнату съ обвалившейся штукатуркой, съ плитой, отъ которой шелъ чадъ какого-то рыбнаго варева и, гдѣ какъ пахло сыростью и грязной раковиной. Блѣдная женщина возилась у плиты и два хилыхъ мальчугана строили на полу изъ лучинокъ какой-то замѣчательный домъ, въ которомъ по ихъ мнѣнію должны проживать важные господа въ роскошныхъ одеждахъ и куда въ торжественные дни съѣзжаются короли, королевы и рыцари, что-бы драться мечами и прокалывать (обязательно) другъ друга насквозь.

И опять новый ударъ подъ сердцемъ почувствовалъ молодой инженеръ. И на этотъ разъ онъ не могъ догадаться, что въ этой комнатѣ у плиты стояла его жена, а на полу беззаботно возились его дорогіе кувырлышки. Въ корридорѣ Крутицкій спросилъ незнакомца :

— А что дѣлать съ жильцами? Куда пойдутъ эти бѣдняки?

— Это дѣло не наше! Мы не должны заниматься благотворительностью. Наше дѣло выстроить особнякъ, а всю эту дрянъ выселять въ теченіе мѣсяца.

Крутицкій даже не задумался; онъ спокойно повернулъ къ незнакомцу лицо и твердо отвѣтилъ :

— На это дѣло я не пойду! Это грязное дѣло и денегъ отъ него мнѣ не нужно!

— Вы сумасшедшій! — вскричалъ незнакомецъ.

— Вы не понимаете, что говорите!

— Нѣтъ, я васъ понялъ. Я не пойду на это

грязное дѣло. Вы лучше скажите, что у васъ еще имѣется на виду?

— Еще? — незнакомецъ задумался. — Хорошо, ѣдемъ!

И опять они сидятъ въ лимузинѣ и опять мимо оконъ ползутъ улицы и мелькаютъ дома. Все дальше и дальше на окраины города забираетъ машина. Все рѣже дома, все чаще заборы. Вотъ потянулись приземистыя постройки заводскихъ сараевъ, вынырнули и проплыли мимо оконъ высокія кирпичныя трубы, еще два поворота и они остановились у заводской конторы.

Въ обширномъ, съ двухъяруснымъ свѣтомъ кабинетѣ ихъ ждалъ плотный, упитанный сюртукъ съ усами и плѣшью.

— Вотъ и прекрасно! — сказалъ онъ завидѣвъ незнакомца съ Крутицкимъ. — Сейчасъ намъ принесутъ чертежи.

Сюртукъ позвонилъ и въ кабинетъ внесли огромную папку бумагъ. Всѣ разсѣлись и упитанный сюртукъ развернулъ передъ Крутицкимъ рядъ замысловатыхъ чертежей и немедленно приступилъ къ дѣлу:

— Вотъ здѣсь, — началъ онъ, указывая на листы, — таится секретъ идеальной машины. Надъ ней работалъ мой инженеръ, но онъ умеръ, а недоконченная работа осталась случайно у меня. Къ счастью жена покойнаго не знаетъ объ этой машинѣ и мнѣ даже не приходится тратить деньги на откупъ бумагъ. Да кстати и она уѣхала куда-то въ провинцію и занялась ремесломъ.

— Но какъ это можно? сказалъ Крутицкій. — Вѣдь она имѣетъ на нихъ права.

— Вѣрно. И мы не поступили съ ней плохо; я назначилъ ей небольшую пенсію и, если она не будетъ лѣнтяйкой и займется трудомъ, она всегда сумѣетъ прокормить семью!

«Если займется трудомъ!» подумалъ Крутицкій и заглянулъ въ чертежи. Достаточно было одного бѣглаго взгляда специалиста, что - бы оцѣнить изумительную модель. Это былъ огромный нечеловѣчскій трудъ и работа была почти закончена. Для Крутицкаго было легко довести ее до конца.

— Помилуйте! — вскрикнулъ онъ. — Но вѣдь эта машина могла бы дать изобрѣтателю колоссальный доходъ!

— Вотъ именно! — заторопился директоръ. — Онъ хотѣлъ войти ко мнѣ компаньономъ и скрывалъ отъ жены, что - бы сдѣлать сюрпризъ. Но слава Богу все разрѣшилось благополучно; онъ мертвъ и вдова далеко отсюда! Что вы возьмете за окончаніе этой модели?

— Но это же мерзость! — вскричалъ Крутицкій и вопросительно посмотрѣлъ на незнакомца. Тотъ сидѣлъ развалясь въ удобномъ кожаномъ креслѣ и улыбался.

— Какой вы чудакъ! — сказалъ онъ Крутицкому. — Вамъ дадутъ хорошія деньги за ерундовую работу, а вы разводите ненужную мораль. Ваше ли дѣло думать о какой - то вдовѣ, когда передъ вами возможность сдѣлать прекрасное дѣло?!

И опять новый толчокъ вывелъ Крутицкаго изъ нерѣшимости.

— Нѣтъ, я на это не пойду! — твердо сказалъ онъ и взялся за дверную ручку. — Это отвратительное дѣло!

— У васъ есть еще что - нибудь? — спросилъ онъ незнакомца, выходя изъ вестибюля конторы.

— Пожалуй да, но это будетъ послѣднее. Ыдемте!

Теперь навстрѣчу машинѣ побѣждалъ городъ. Опять замелькали дома, переулки, площади, скверы. Вотъ и главная улица, вотъ домъ съ зеркальными окнами, еще поворотъ и машина остановилась.

Мягко ступая по ковру мраморной лѣстницы, они поднялись въ обширную залу.

— Это нашъ банкъ! — сказалъ незнакомецъ. — Идемте, насъ ждутъ на срочное засѣданіе. Помните, что вы членъ правленія, что вы участникъ съ хорошимъ паемъ. И ради Бога не будьте упрямы.

Въ кабинетѣ сидѣло двое нервныхъ людей и при входѣ незнакомца съ Крутицкимъ, поднялись имъ навстрѣчу.

— Господинъ Крутицкій! — сказалъ худощавый старикъ съ огромнымъ жемчугомъ въ галстухѣ. — Все сдѣлано. Вотъ ваши бумаги и не позже вечера выѣзжайте за границу.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Крутицкій у незнакомца.

— Какъ въ чемъ? Мы перевели за границу въ вѣрныя руки всѣ суммы, мы завтра обогатимся, мы удесатеримъ свои пай и завтра банкъ лопнетъ.

— Лопнетъ? — переспросилъ Крутицкій. — Но это - же явная подлость! А вкладчики?!

Незнакомецъ нагнулся къ самому уху Крутицкаго и тихо сказалъ :

— Вы сущій болванъ! Если вы не согласитесь на это послѣднее дѣло, вы черезъ мигъ превратитесь въ Кувырло! Въ жалкаго кельнера съ подобостра-

стной фізіономіей! Въ слугу для любого хама! Въ чортъ знаетъ во что! Соглашайтесь! Неужели Кувырлой быть лучше, чѣмъ инженеромъ Крутицкимъ?

— Лучше!

— Соглашайтесь, я говорю и капиталъ въ вашихъ рукахъ!

— Нѣтъ, ни за что!

— Сумасшедшій! Ты возьмешь капиталы! Толстый бумажникъ! Ты будешь приказывать, а не подчиняться. Будешь у всѣхъ на виду. Будешь пользоваться преклоненіемъ, властью, будешь независимымъ!

— Нѣтъ! Твердо выговорилъ Крутицкій. — Не хочу! И въ тотъ-же мигъ незнакомецъ сжалъ его за плечо и крикнулъ:

— Кувырло!...

Кувырло открылъ глаза. Онъ сидѣлъ на томъ-же стулѣ у печки, а надъ нимъ стоялъ хозяинъ и трясъ его за плечо:

— Дрыхнешь не во время!

Кувырло вскочилъ и увидѣлъ у своего столика вчерашняго посѣтителя.

— Пожалуйста, карту! — спросилъ посѣтитель. А подавая карту, Кувырло сказалъ:

— Простите, господинъ, а какъ ваша фамилія?

— Моя? Инженеръ Крутицкій!

Кувырло облегченно вздохнулъ и почтительно отошелъ въ сторону.

В О Л О Д Ъ К А .

Въ чистенькой голубой рубашкѣ и въ темно-синихъ штанишкахъ, вышелъ Володька въ садъ. Сегодня онъ именинникъ. Володькѣ пять лѣтъ, но онъ уже умѣетъ считать до восьми, заколачивать въ заборъ гвозди, по нюху узнавать, гдѣ варенье, — въ буфетѣ или въ чуланѣ и — совсѣмъ не боится рыжого сосѣдскаго пѣтуха.

Утро солнечное и яркое. Сегодня пятнадцатое іюля, разгаръ лѣта. За огородомъ скосили траву и отсюда пахнетъ кислымъ и теплымъ запахомъ сырого сѣна.

— Сегодня я именинникъ! говоритъ Володька дворовому псу Салтану, который сидитъ передъ нимъ и любезно помахиваетъ хвостомъ - помеломъ и глядитъ въ руку Володькѣ въ которой зажать размокшій и липкій кусокъ шоколада.

-- На! разжимаетъ Володька ладонь. Въ одинъ мигъ ладонь и пальцы Володьки облизаны до чиста и Салтанъ еще любезнѣе помахиваетъ хвостомъ, еще просительнѣй глядитъ на Володьку карими круг-

лыми глазами изъ - подъ взъерошенныхъ бровей и, слегка повизгивая, почтительно подымается на ноги.

Но Володька уже забылъ о Салтанѣ. Въ садъ пролѣзъ черезъ дыру въ заборѣ сосѣдскій рыжій пѣтухъ и Володька храбро подступаетъ къ нему.

— Сегодня я именинникъ! Слышишь, дуракъ? Я именинникъ!...

Пѣтухъ недовѣрчиво косится, словно не совсѣмъ вѣригъ Володькѣ, бокомъ - бокомъ начинаетъ кружить и чиркаетъ по песку шпорой и клювомъ. И Володька, во избѣжаніе грѣха, торопится прочь.

«Кому - бы еще рассказать, что я именинникъ?» думаетъ онъ. «Ахъ, да, — сосѣдской прислугѣ Акулинѣ!»...

Акулина выносить помои и проходить мимо садовой рѣшетки.

— Акулина! кричитъ Володька. — Я сегодня именинникъ!

Босая и длинноносая Акулина въ задранной до колѣнъ юбкѣ, пріостанавливается и, расплескивая на ноги помои, тупо спрашиваетъ:

— Куды?

— Сегодня я именинникъ!

На зломъ лицѣ Акулины разливается досада и недоумѣніе. Она отплевывается и сердито говоритъ:

— Тьфу!... ну и песъ съ тобой!

— Ты дура!

— Самъ дуракъ! Глисть. Сопли - то подъ носомъ утри!

Раздосадованный и обиженный Володька, потупясь выходитъ на улицу и утираетъ рукавомъ носъ. Вреть Акулина, носъ чистый.

Справа и слѣва стоятъ въ садахъ дачи. На улицѣ пустынно и тихо. Отъ яркаго солнечнаго свѣта, — черная кружевная тѣнь деревьевъ покрываетъ всю улицу. Гдѣ-то высоко въ листьѣ насвистываетъ пичуга. Надъ зеленой крышей большой коричневой дачи стоитъ въ голубомъ небѣ, не то крохотное прозрачное облако, не то — это — мѣсяцъ. Вотъ, идетъ почтальонъ.

— Дяденька! кричитъ Володька — Я сегодня именинникъ!

Но почтальонъ даже не повернулъ головы и вошелъ въ чужую калитку. А такъ хочется рассказать всѣмъ, всему міру о своихъ именинахъ. Володька задумался. Володькѣ кажется страннымъ, что никто не обращаетъ вниманія на торжественность дня. Вѣдь и небо, и зелень, и дома, и ворота, и все, что его окружаетъ, какое-то особенное, небывало свѣтлое и чистое.

Вчера, когда Володька ложился спать, мать сказала :

— Завтра твой Ангелъ! Спи съ Богомъ...

И проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ въ окно, какъ по голубому небу пролеталъ бѣлый ангелъ.

Володька прислонился къ воротамъ и задумчиво глядѣлъ на дорогу. На его добромъ дѣтскомъ лицѣ застыли и обида и недоумѣніе. Съ утра ему казалось, что и Салтанъ, и пѣтухъ, и Акулина, и почтальонъ, будутъ пріятно поражены, будутъ весело поздравлять его и радоваться, что вотъ, онъ, Володька, сегодня именинникъ. Странно! Утро, конечно, испорчено и, лучше всего, идти домой къ мамѣ, которая навѣрное позволитъ взять еще нѣсколько конфетъ изъ боль-

шой коробки, подаренной ему утромъ отцомъ, уѣхавшимъ въ городъ, и можно будетъ на балконѣ стрѣлять изъ подареннаго пистолета. А можетъ быть разрѣшатъ взять пистолетъ въ садъ и тогда онъ будетъ палить и въ Акулину, и въ пѣтуха, и даже въ почтальона. Володька рѣшительно идетъ къ дому.

— А ну, повернись, повернись! говоритъ мать.

-- Господи, да на что у тебя штаны похожи?!

Дѣйствительно, со штанами не хорошо. Это, стоя у воротъ, онъ вымазалъ ихъ свѣжимъ дегтемъ. Но развѣ въ этомъ Володька виноватъ? Это дворникъ чинилъ ворота и вымазалъ низъ черной смолой.

-- Боже мой и это уже съ утра! ужасается мать.

Пришлось одѣть другіе штаны. Конфетъ не дали. Изъ пистолета стрѣлять не позволили.

Володька забивается въ тѣнь сада и унылый бродитъ среди высокихъ дудокъ, надъ бѣлыми и душистыми шапками которыхъ, кружатся золотыя пчелы.

— Пчелки, пчелки, я сегодня именинникъ! говорить имъ Володька. Но пчелы попрежнему равнодушны къ нему и не обращаютъ на него никакого вниманія. Ага, вотъ слабая доска въ заборѣ, которую стоитъ подвинуть, какъ можно пролѣзть на пустырь. Но голубая рубашка за что-то зацѣпилась, трещитъ и рвется. Вотъ зацѣпился одинъ чулокъ, другой. Гвоздь!

— Ахъ, ничего! съ досадой рѣшаетъ Володька.
— Не буду поворачиваться къ мамѣ спиной.

На пустырь глухо и тоскливо. Быть можетъ потому и тоскливо, что никто не радуется его именинамъ?

Волной душистаго сѣна обдаеть Володьку на пустырь. Володька съ разбѣга плюхается въ колкое сѣно, визжитъ, болтаеть ногами, потомъ откидывается на спину и, щурясь, глядитъ въ голубое небо. Но оно уже не голубое, а сквозь щелки глазъ кажется лучисто оранжевымъ. Вотъ, въ кустахъ за канавой чиликаеть дроздъ, сверху серебряннымъ колокольчикомъ заливается жаворонокъ и гдѣ-то дружелюбно мычитъ корова. Ахъ, если-бы сюда коробку съ конфетами и пистолеть! Лежалъ и стрѣлялъ-бы въ небо и жевалъ-бы конфеты! Но глаза уже не раскрываются, солнце печеть лицо. Володька спросонья еще бубнить: — Солнце, солнце, я именинникъ! и — засыпаетъ. И снится ему, что изъ города пріѣхала тетка Агаша и привезла ему саблю, барабанъ и большой ящикъ съ красками. Володька уже собрался раскрасить перо на маминой шляпѣ, какъ кто-то сталъ мыть ему лицо губкой. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собой Салтана. Салтанъ облизывалъ Володькѣ лицо и весело размахивалъ хвостомъ...

Надо идти домой.

Если съ покоса пройти огородомъ, то можно незамѣтно (черезъ черный ходъ) прошмыгнуть въ домъ и тогда юркнуть въ спальную и переодѣться. И черезъ десять минутъ, Володька возится передъ нижнимъ ящикомъ комода.

— Ты, что-жъ это дѣлаешь? спрашиваетъ неожиданно вошедшая мать.

— Рубашка разорвалась...

— Покажи. Господи! Владиміръ! Подлецъ ты, негодникъ! Ну, что я съ тобой буду дѣлать?...

— И чулки вотъ, сами...

— Сами? Какъ сами? Боже мой, и чулки разорваль! Гдѣ тебя угораздило?

— Не... не знаю. Гвозди какіе - то въ заборѣ...

— Гвозди?! Ахъ ты паршивецъ, паршивецъ!...

— Мать плачетъ, плача деретъ Володьку и переодѣваетъ его въ розовую рубашку и крѣпкіе чулки.

Ревѣть долго стыдно; во первыхъ — виноватъ самъ, во вторыхъ — именинникъ...

Къ обѣду набѣжали тучи и полилъ дождь. Дождь шелъ до семи вечера. Было тоскливо, безотраднo и одиноко. Въ саду расплзлись лужи, кусты и деревья стали мокрыми, въ желобкѣ у балкона вздувалась и пѣнилась вода...

Только къ вечеру разгулялась погода. Приѣхалъ отецъ и тетка Агаша. Барабана и сабли не оказалось и, вмѣсто большого ящика съ красками, тетка привезла коробку цвѣтныхъ карандашей. Отецъ привезъ орѣховъ, арбузъ, закуски и двоюродную сестренку Володьки, Дуньку съ ячменемъ на глазу.

— Пусть погостить! сказалъ отецъ.

У Дуньки весной умерла мать, Володькина тетя Зина. И тогда всѣ плакали. Володька все это запомнилъ хорошо. И, когда Дунька вышла на веранду, Володькѣ вспомнилась тетя Зина и большой бѣлый гробъ. И отъ этого стало еще скучнѣй.

Орѣхи щелкали между дверей и Володька придавилъ палецъ до крови. И почему такія неудачи бываютъ на именинахъ?

Наплакавшись, съ забинтованнымъ пальцемъ, Володька принялся за карандаши. Конечно, нужно

сдѣлать пріятное тетѣ Агашѣ; вѣдь это она подарила карандаши. Володька вытаскиваетъ изъ альбома теткину карточку и краснымъ разрисовываетъ ей щеки, синимъ — глаза и зеленымъ — бантъ на шляпѣ.

— Хорошо я тетю нарисовалъ? показываетъ онъ матери свое искусство.

— Боже! Боже! ужасается мать.

— Господи! всплескиваетъ руками тетка.

— Ну что ты за дуракъ у меня? негодуетъ отецъ.

Отбираютъ карандаши, отбираютъ только что отрѣзанный ломоть арбуза и — Володька стоитъ въ углу. При Дунькѣ - то? Нѣтъ, это ужасно!...

Взрослые перешли на веранду и увели съ собой Дуньку. Володька прошмыгиваетъ въ садъ и печально бродить по сырымъ сумеречнымъ аллеямъ. Володьку душатъ слезы. Володька всхлипываетъ и кусаетъ губы.

Кто подойдетъ и заглянетъ въ душу ребенка? Кто утѣшитъ его, кто пойметъ, кто пожалѣетъ?

— Вотъ умру, тогда будете знать! безсильно грозить онъ освѣщеннымъ окнамъ веранды, всхлипываетъ еще сильнѣй и сквозь слезы глядитъ въ засмуглѣвшее небо, по которому не то плыветъ узкое и рваное облако, не то улетаетъ Володькинъ Ангелъ...

ПРЕДСТАТЕЛИ.

„Я видѣлъ сонъ.

„ Не все въ немъ было сномъ“...

Байронъ.

Чистой и справедливой жизни былъ митрополитъ московскій Филаретъ. Въ міръ онъ пришелъ простымъ Васи́лемъ Михайловичемъ Дроздовымъ, а жизнь закончилъ знаменитымъ іерархомъ. Его духовная и всесторонняя образованность была украшеніемъ конца девятнадцатаго вѣка въ Россіи. Послѣдовательно онъ былъ: ректоромъ санктъ - петербургской духовной академіи, викаріемъ той - же епархіи, архіепископомъ ярославскимъ и членомъ святѣйшаго синода и, наконецъ, митрополитомъ московскимъ. На его блестящихъ книгахъ по вопросу вѣры, останавливали свое вниманіе Наумовъ, Бѣликовъ и Корсунскій и, надо полагать, останятся и въ будущемъ многіе русскіе ученые и философы. Но лучшимъ трудомъ, среди всѣхъ трудовъ этого незауряднаго человека, было «Изложеніе разности между

восточной и западной церковью въ ученіи вѣры», гдѣ онъ, со свойственнымъ ему тактомъ и неумолимостью, раскрылъ перлы нашего православія. Это его редакціи принадлежали первые слова манифеста 19 февраля 1861 года: «Осѣни себя крестнымъ знаменемъ православный русскій народъ»...

О митрополитѣ московскомъ Филаретѣ оставлено намъ не мало сказаній и вотъ, на одномъ изъ нихъ я останавливаю вниманіе моего читателя.

Былъ митрополитъ Филаретъ человѣкомъ строгимъ и даже суровымъ, когда дѣло касалось защиты и чистоты православной церкви. Былъ онъ требователенъ и строгъ къ себѣ и къ своему окруженію. Неумоимо работая и восторженно горя любовью къ своему дѣлу, онъ требовалъ того - же отъ подчиненныхъ ему священнослужителей. Не разъ за самыя незначительныя провинности, онъ отстранялъ ихъ отъ дѣлъ и ставилъ на мѣсто слабыхъ и мало достойныхъ, подлинныхъ подвижниковъ.

И вотъ, однажды, узнаетъ онъ, что настоятель одной небольшой подмосковной церкви, протоіерей отецъ Іоаннъ, или — какъ его попросту звали въ бѣдномъ и многолюдномъ приходѣ — отецъ Иванъ, пьетъ и даже въ нетрезвомъ видѣ явился въ храмъ. Страшнымъ гнѣвомъ распалился митрополитъ Филаретъ. Мѣста найти не могъ. Всегда сдержанный, онъ вдругъ, впалъ въ гнѣвъ и въ уныніе. Не то его возмутило, что человѣкъ, носящій священный санъ, предается непотребству («Что - жъ, говорилъ онъ себѣ, слабость можетъ проявиться въ любомъ человѣкѣ!...»), но не могъ онъ понять и простить виновному такую страшную дерзость, какъ появленіе

въ храмѣ въ нетрезвомъ видѣ. И нервными шагами ходя по кабинету, онѣ хрустѣлъ пальцами, закусывалъ губы, прижималъ ладони къ вискамъ и возбужденно говорилъ самъ съ собой :

— Не можетъ этотъ человѣкъ быть человѣкомъ сердца! Его сердце закрылось передъ лицомъ храма! И видѣть его не хочу, и знать его не хочу!...

А былъ поздній вечеръ. Въ синихъ сумеркахъ утихла Москва. Молодой оранжевый мѣсяцъ поднялся надъ оскаломъ кремлевскихъ стѣнъ и розовымъ золотомъ окрасилъ сумерки вечера, и розовымъ золотомъ прыснуло по крышамъ домовъ, по куполамъ храмовъ, и золотыми свѣчками загорѣлись на храмахъ кресты.

На митрополичьемъ дворѣ было тихо и сонно, и только кой - гдѣ устало ворковали голуби, засыпая на темныхъ карнизахъ.

Долго сидѣлъ за столомъ у окна владыка, все силился сосредоточиться надъ очередной работой, собиралъ рукописи, просматривалъ ихъ, начиналъ писать и снова откладывалъ перо. Работа не клеилась, Металась и бушевала въ немъ скорбь, сердце словно стонало въ груди и мысли, какъ молотомъ выстукивали одни и тѣ же слова :

— Грѣхъ - то какой!... грѣхъ - то какой!... грѣхъ - то какой!...

Было уже много за полночь. Мѣсяцъ давно поблѣднѣлъ и сдѣлался серебряннымъ рогомъ и высоко замаячилъ надъ стоголавой Москвой. Крыши залоснились синѣющимъ серебромъ, кресты зажглись голубыми свѣчками, пушистыя звѣзды задумались надъ русской землей.

Еще разъ перечелъ митрополить докладъ о недостойномъ отцѣ Иванѣ, тяжело вздохнулъ, потянулся за перомъ и быстро, какъ бы обжигаясь отъ прикосновенія къ страшному документу, написалъ на поляхъ : *Уволить.*

И вскорѣ увидѣлъ ночной сторожъ, что стоялъ у внутреннихъ воротъ митрополичьяго двора, какъ потухъ огонекъ въ окнѣ за бѣлой шторой митрополичьяго кабинета и загорѣлся за голубыми шторами его спальни. Но скоро и тамъ стало темно.

Спитъ Москва. Вымерли улицы. Только летучія мыши чертятъ пролеты между домами, да кой-гдѣ на постахъ маячатъ городовые. Бьютъ въ желѣзныя и мѣдныя доски ночные сторожа и рѣдко-рѣдко, то одинокій обыватель своими шагами, то запоздавшій извозчикъ цоканьемъ лошадиныхъ подковъ, нарушать тишину ночи.

Тихо и на Москва-рѣкѣ, тихо и на смутныхъ Воробьевыхъ горахъ. Тихо въ поляхъ надъ Москвой, тихо въ лѣсахъ подъ Москвой, тихо и у бездоннаго горизонта въ сторону Твери, въ сторону Орла и въ сторону сѣвера. Спитъ съ Москвой вся русская ширь, уставшая за день житейской кутерьмы.

Спитъ и митрополить Филаретъ. Красными, голубыми и зелеными огоньками теплятся лампы передъ многоцвѣтными ризами въ темной опочивальнѣ. Голубой свѣтъ луны фосфорическими квадратами оконъ застылъ на голубыхъ шторахъ. Ровно и мѣрно дыханіе спящаго владыки.

И вдругъ, чудится ему сквозь сонъ, шумы и крики подъ его окнами. Приподнялъ онъ голову съ подушки и прислушался. Шумятъ. Словно толпа

собралась во дворѣ и гуторить и волнуется подъ окнами.

Поднялся Владыка съ постели, подошелъ къ окну и чуть приподнялъ край голубой шторы. Сомнѣній не было : весь широкій митрополичій дворъ волнуется отъ множества людей. Люди показываютъ пальцами на его окна и громко называютъ его.

— Господи, да что - жъ это? Бунтъ? Ночью?

Быстро прошелъ онъ на другую половину квартиры и взглянулъ на улицу. Нѣтъ, тиха Москва. Безлюдно на ея улицахъ. Вонъ, на перекресткѣ стоитъ городской, зевааетъ и крестить ротъ. Опять бросается къ окнамъ опочивальни владыка, опять приподымаетъ штору. Толпа все растеть и растеть. Нѣтъ, это не бунтъ. Вонъ, сѣрая шинель околodочнаго, вонъ синіе воротники двухъ жандармовъ, вонъ женщина съ ребенкомъ на рукахъ, солдаты, рабочіе, офицеры, старики и старухи. А вотъ, гимназистъ, студентъ, сапожникъ въ зеленомъ фартукѣ и рядомъ съ нимъ какой - то не то монахъ, не то неизвѣстный странникъ.

Распахнулъ владыка окно. Знобной сыростью ворвалась ночная прохлада. Съ посырѣвшаго карниза слетѣлъ испуганный голубь.

— Чего вамъ надо? громко спросилъ владыка.

И разомъ стихли и говоръ и крики. Толпа замерла и подняла къ нему головы. И вдругъ, словно прибой, ринулась къ его окнамъ.

— Оставь Ивана!

— Не гони нашего батюшку!

— Отца Ивана оставь!

— Оставь, оставь нашего молитвенника, владыка!

— Не обижай насъ!

— Просимъ, всѣ просимъ!

— За отца Ивана пришли просить!

Захлопнуль владыка окно, опустилъ штору и пошелъ, и легъ. И не успѣлъ уснуть, какъ тѣ же крики пробудили его опять :

— Отца Ивана оставь!

— Не гони нашего молитвенника! Оставь намъ отца Ивана!

И вновь подошелъ къ окну митрополитъ Филаретъ, и вновь распахнуль его. Кричитъ и просить народъ за отца Ивана.

— Ладно! говорить владыка. — Утромъ все разберу...

Уже солнечно было, когда онъ опять открылъ глаза.

— Явь? Или сонъ? Или видѣнiе? спросилъ онъ себя.

Но допрошенный сторожъ сказалъ, что всю ночь онъ не отходилъ отъ воротъ и всю ночь во дворѣ было тихо и спокойно.

И приказалъ тогда митрополитъ Филаретъ привести къ себѣ отца Иоанна. И, когда тотъ предсталъ передъ нимъ, владыко долго глядѣлъ на его потертую рясу, на изнуренное осунувшееся лицо, на просѣды въ волосахъ опущенной на грудь головы.

— Знаешь, зачѣмъ я позвалъ тебя? спросилъ онъ его.

— Знаю, ваше высокопреосвященство! тихо отвѣтилъ отецъ Иванъ и медленно, тяжело опустился на колѣни. — Нѣтъ мнѣ прощенiя и не можетъ быть милости къ паршивой овцѣ.

И тогда поднялъ его митрополить Филореть и сказалъ :

— Передъ Господомъ и ангельскими чинами, а не передъ пастыремъ своимъ преклоняй колѣни. Грѣхъ твой великъ и рѣшеніе мое положено на докладъ о тебѣ. Но не дано человѣку знать сердце человѣческое, а потому скажи мнѣ, кто можетъ быть заступникомъ за тебя? Какими добрыми дѣлами можешь перевѣсить чашу грѣховъ своего паденія?

— Владыка! тихо и печально отвѣтилъ несчастный. — Не знаю за собой добрыхъ дѣлъ и не вижу, кто можетъ предстательствовать за меня. Грѣшный и нехорошій я человѣкъ и ничего особеннаго не совершилъ въ жизни. Но вотъ только...

— Ну, ну, говори.

— Со страхомъ чувствуя свой человѣческій конецъ, я всегда, съ особенной внимательностью, смиреніемъ и любовью молю Господа нашего объ упокоеніи тѣхъ рабовъ Его, о которыхъ мнѣ подають за службой записки. На себѣ знаю, владыка, слабости человѣческія и скорблю душой за тѣхъ несчастныхъ, что съ ворохомъ грѣховъ должны предстать передъ Господомъ Богомъ. И тогда молюсь я со всей силой своего ничтожнаго сердца о прощеніи имъ грѣховъ и дарованіи жизни вѣчной. Но развѣ мертвые могутъ предстательствовать передъ живыми? Нѣтъ, владыка, нѣтъ у меня заступниковъ и никакого указать мнѣ...

И тогда поднялся съ креселъ митрополить, привлекъ къ себѣ заблудшаго отца Ивана, крѣпко прижалъ его къ себѣ и цѣлуя въ голову, повѣдалъ ему о видѣніи :

— Приходили, сынъ мой! Приходили и просили за тебя подъ этими окнами. Отдай, говорили, намъ молитвенника нашего отца Ивана. И такъ — дважды. Иди съ миромъ, и пусть Господь вразумить тебя и благословить дни твои, а я благословляю и прощаю, и буду молиться за тебя...

Затрясся, зарыдалъ отецъ Иванъ, припалъ къ митрополиту, какъ заблудшій сынъ къ родному отцу и отъ волненія не находилъ словъ. А когда нѣсколько успокоился, принялъ смиренно благословеніе и тихо вышелъ.

И съ тѣхъ поръ, говоритъ молва, до самой своей кончины не пилъ отецъ Иванъ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ТАЛИСМАНЪ.

(Б ы л ь).

Милостивый Государь!

Вотъ я пишу Вамъ письмо, а Вы его исправьте, отшлифуйте и тисните въ Вашу книжицу. Авось, прочтя мою правду, кой - кто будетъ признательнѣй къ своей судьбѣ.

Въ любую эпоху и любой историкъ можетъ начать свою книгу словами : «Въ наше время многіе жалуются, что пришла тяжелая пора, что жить трудно и не весело!»... И это будетъ правильно; у каждой эпохи свое горе и свои неприятели. Вотъ почему я не буду вдаваться въ подробности событій тяжкаго и героическаго періода на Руси, когда, начиная съ 1917 года, народъ приступилъ къ перестройкѣ государства и шагнулъ въ море крови, насилій и подлости. Я не стану задерживаться на характерѣ времени и не буду впадать въ слѣпой и лживый тонъ оцѣнки политическихъ событій, тѣмъ болѣе, что эти событія приведутъ къ совершенно иному результату, чѣмъ любой изъ тѣхъ, которые

намъ пророчутъ знаменитые публицисты и геніальные дипломаты. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что сейчасъ съ прискорбіемъ можно сознаться: слишкомъ мало думаютъ о Россіи и дѣлаютъ для нея тѣ, кто обязанъ ей своей грамотностью и именемъ! Слова эти не мои и не помню чьи, но это — такъ.хлопочать о томъ, о чемъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ и подумать - то было - бы стыдно, а о Россіи забыли...

Скажу только одно, что мы часто бываемъ неблагодарны и не внимательны къ нашей судьбѣ. Мы всѣ жалуемся на свою горькую долю, хотя въ этой горечи мы сами виноваты на девяносто девять процентовъ! А происходитъ это потому, что большинство придерживается подлой поговорки: «Всякъ кузнецъ своего счастья», да не закончили ее словами: «Да не всякъ кузнецъ счастьемъ ближняго». Будьте увѣрены, что это такъ. Вообще, къ сожалѣнію, у насъ много такихъ подлыхъ поговорокъ: «Своя рубаха...», «моя хата...» «Изъ чести шубы...» и такъ безъ конца, вплоть до мерзвѣйшаго окончанія нашихъ сказокъ: «И стали они жить да поживать, да добра наживать». Съ такимъ багажомъ далеко не уѣдешь!

И надъ нашимъ временемъ будутъ еще смѣяться люди. И о насъ скажутъ: «Вотъ они несутъ справедливости, а путались въ ерундовыхъ вопросахъ!...». И что кажется намъ естественнымъ и простымъ, вызоветъ въ будущемъ удивленіе, сожалѣніе и даже негодованіе. Вѣдь было - же время, когда людей продавали и покупали и это насъ возмущаетъ, а между тѣмъ, этимъ, никто изъ подавляющаго боль-

шинства не возмущался; и тѣ, что продавали и тѣ — кому продавали, и тѣ — кого продавали. Простите, мой другъ, но я глубоко убѣжденъ, что будущее человѣчество, быть можетъ чрезвычайно дальное, конечно, будетъ безгранично свѣтлымъ, чистымъ и, если хотите, — святымъ. Было время, когда національности узнавались по костюму, теперь только — по языку. Да еще опытный глазъ узнаетъ по типу лица или по манерѣ носить платье. Придетъ время и содружество людей уничтожить и эти границы и даже самъ языкъ станетъ общимъ. Быть можетъ еще по психическимъ наклонностямъ можно будетъ установить національное начало въ человѣкѣ, но и это съ годами стущается. Я уже вижу Вашу саркастическую улыбку. Вы тертый и упрямый націоналистъ и, пожалуй, эту часть моего письма просто выбросите и не тиснете въ книжицу. Но почему - же мнѣ не высказать своего мнѣнія тѣмъ болѣе, что оно относится не къ завтрашнему дню, къ столѣтіямъ впередъ? И тогда, увѣряю Васъ, что на смѣну разъединенности, придетъ общественное и психологическое единеніе и — утвердится одна нація, одна раса и имя ей будетъ: Люди! Это будетъ пора мира и моральнаго совершенства, — рай на землѣ. Героизмъ уступить мѣсто сознательному творчеству и настанетъ время высшаго духовнаго достиженія. Здравый смыслъ восторжествуетъ. А иначе, какой - же онъ здравый смыслъ?

Но я опять сбиваюсь съ основной темы. Вы ужъ простите меня, такой я говорунъ, что только стоитъ уцѣпиться за чтонибудь, какъ и удержу нѣтъ, — что мельница. Бывало еще въ моей моло-

дости, отецъ слушаетъ меня, да и скажетъ : — «Ну, замолоть нашъ Емеля!»...

Однако, къ дѣлу. Хотя и тяжело сейчасъ чело-
вѣчеству, но, слава Богу, бездорожье уже позади.
И не далеко то время, когда челоѡкъ съ ужасомъ
обернется къ двадцатому вѣку. «Какъ?! скажетъ
онъ. — Они ѣли мясо?! Убивали животныхъ (своихъ
меньшихъ братьевъ), рубили ихъ на части, выѣвши-
вали ихъ истерзанные трупы въ лавкахъ, дѣлали
изъ этихъ труповъ наваръ и называли его супомъ,
а мясо грызли, какъ звѣри, набивали себя трупами
и еще говорили о милосердіи?! Они сдирали мѣха
съ убитыхъ животныхъ, отдѣлывали ими костюмы
и брали на себя наглость судить дикарей, которые
только тѣмъ и отличались отъ цивилизованныхъ
братьевъ, что не умѣли править автомобилемъ и
говорить по телефону. Ужасный, страшный вѣкъ
былъ въ то время и неудивительно, что наглотаившись
труповъ, они объявляли войны и убивали другъ
друга!»...

Такъ будетъ потому, что, повторяю, мы не
внимательны и неблагодарны къ судьбѣ. Да вотъ,
вамъ примѣръ вашъ покорный слуга.

Мой отецъ былъ ординарцемъ Бѣлаго Генерала,
Михаила Димитріевича Скобелева, героя турецкой
кампаніи и сына того Димитрія Ивановича Скобелева,
который закончилъ жизнь флигель - адъютантомъ
и былъ прямымъ отпрыскомъ знаменитаго Одно-
рукаго коменданта, Ивана Никитича Кобелева. О
немъ - то и написанъ писателемъ Купринымъ пре-
лестный разсказъ со словъ моего отца, которому въ
свою очередь много разсказывалъ о Кобелевѣ самъ

Бѣлый Генералъ. Былъ этотъ Кобелевъ ветераномъ войны 1812 года и записками его увлекались еще современники отца. Самъ Кобелевъ любилъ, грѣшнымъ дѣломъ, литературу и къ нему въ свое время заглядывали интересные люди. Бывалъ у него и поэтъ - партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ и молодой поэтъ Кольцовъ, и Александръ Тургеневъ и, даже самъ великій сердцевѣдъ, — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Любили они всѣ старика генерала, который, къ слову сказать, былъ уже Скобелевымъ. Особенно трогательно относился къ Ивану Никитичу поэтъ Кольцовъ, всегда застѣнчивый и выразительный въ своемъ огромномъ галстукѣ бабочкой изъ синяго шелка съ бѣлымъ горошкомъ. Бывало, изъ своего уголка онъ вдругъ, и скажетъ : «Какъ красиво, ваше превосходительство, сказано у васъ въ этомъ мѣстѣ : И окинулъ онъ окомъ орлинымъ полчища варваровъ. А солнце уже катилось въ низину»... «Кхе, кхе», отвѣтитъ Иванъ Никитичъ. «Это вы вѣрно... того... этаго самого... да - съ, по мѣрѣ силъ, господинъ Кольцовъ, помогаемъ отеческимъ Пенатамъ».

Любилъ лучший Санктъ - Петербургъ послушать словоохотливаго вояку. А воякѣ было что рассказать. Частенько бесѣда затягивалась за полночь и тогда бѣдный поэтъ Кольцовъ, все той - же неизмѣнной для него пѣхтурой, тащился въ свою холодную, неуютную комнатку черезъ весь городъ. Впрочемъ, однажды, ему улыбнулось счастье и его почти до самого дома подвезъ Александръ Тургеневъ. Конечно, на запяткахъ, на лакейской площадкѣ позади саней, ибо — Кольцовъ былъ мѣщанинъ и неловко

было потомственному дворянину ѣхать при людяхъ подъ одной полостью съ податнымъ сословіемъ. Таковъ былъ вѣкъ и по своему онъ не былъ хуже нашего, гдѣ потомственный и даже не потомственный капиталистъ ѣдетъ въ автомобилѣ, а его сотрудникъ, рабочій, ходитъ въ прорванныхъ сапогахъ.

Однако, дѣло не въ нихъ и ужъ, дѣйствительно, довольно мнѣ сбиваться съ основной темы разсказа. А разсказъ мой не вымыселъ, а чистѣйшая, хотя и печальная, правда. Но эта печаль, къ счастью, была кратковременной и — храни меня Богъ — я никогда не повторю своей печальной ошибки!

Однажды, съ разѣздомъ забубенныхъ головушекъ, мой отецъ набрелъ на раненаго турка. Въ то то время (будемъ говорить откровенно) за вырѣзанные болгарскіе языки и отрубленные женскія груди, наши молодцы не церемонились съ плѣнными. Да это и понятно, — тогда Россію обуяла жажда борьбы за угнетенныхъ славянъ. Много тогда положили мы народу за болгаръ и румынъ, за сербовъ и черногорцевъ и за прочихъ балканскихъ братьевъ. За кого только ни воевала Россія? И за нѣмца, и за француза, и за какихъ-то экзотическихъ людей. Только никто и никогда, ни одинъ народъ не воевалъ за счастье Россіи. Нѣмцы, въ благодарность за защиту отъ французовъ, — насъ били. Французы, въ благодарность за защиту отъ нѣмцевъ, — насъ унижали и тоже били. Болгары, за созданіе болгарскаго царства, — насъ били. Благородные австрійцы, — тоже. Не мѣшало-бы все это учесть намъ русскимъ и, если не огородиться отъ запада чертополохомъ, то все-же крѣпко запомнить,

что друзей у Россіи на западѣ нѣтъ и не будетъ. Друзей надо искать на востокѣ: въ Турціи, въ Китаѣ, въ Индіи. А еще лучше, — заняться собой, созданиѣмъ этакой мощной имперской идеи Чингизъ - хана, великодержавной Евразіи...

Но я опять отклонился. Очень извиняюсь. Теперь ужъ возьму себя въ руки.

Ну, конечно, раненый турокъ, при видѣ разъязда, понялъ, что пощады ожидать ему не придется; онъ закрылъ глаза и приготовился отдать душу Аллаху. И вдругъ, къ его крайнему изумленію, русскій казакъ взвалилъ его на сѣдло и отрядъ на рысяхъ повернулъ къ лагерю.

Не одобряли казаки отцовскую милость.

— Такъ онъ все равно бабъ перепортилъ; зря женскій товаръ пропадетъ!...

Но раненаго привезли и сдали въ походный госпиталь. Случайно, на второй день отецъ заходитъ туда, какъ вдругъ, его окликнули съ дальней койки :

— Эфенди! Эфенди!...

Оказалось, что это вчерашній знакомецъ. Переводчикъ изъ фельдшероу сообщилъ, что турку ампутировали правую ногу, но, какъ только онъ пришелъ въ сознаніе, сталъ спрашивать объ отцѣ.

— Узнайте, что ему нужно? сказалъ отецъ.

— Эфенди! отвѣтилъ черезъ переводчика раненый. — Ты спасъ мою жизнь и я хочу отблагодарить тебя хорошимъ подаркомъ.

— Спасибо! сказалъ отецъ. — Но это совершенно напрасно. Я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ - бы и ты на моемъ мѣстѣ.

Глаза у турка вспыхнули кошачьими огоньками, а скользнувшая по блѣдному лицу саркастическая улыбка, какъ - бы отвѣтила : «Ну, это еще не извѣстно!...»

Потомъ онъ опустилъ голову и заговорилъ спокойно и твердо :

— Спасибо, Эфенди! Ты благородный и не злой человѣкъ. Да благословить тебя великій Аллахъ! Но ты не захочешь обидѣть меня и не откажешься отъ того, что велить мнѣ отдать тебѣ моя совѣсть. Мнѣ тяжело говорить и слѣдуетъ скорѣй закончить бесѣду. Вотъ гляди! сказалъ онъ, снимая съ шеи какой - то амулетъ и извлекая оттуда скомканную бумажку. — Это, обыкновенная наша кредитка, деньги, благословеннаго Аллахомъ султана! онъ поцѣловалъ бумажку и подаль ее отцу. — Но она, не простая. Въ ней заключена сила доброй воли и я передаю ее тебѣ въ знакъ своего уваженія и благодарности. Пусть, сила, заложенная въ ней, сохранить тебя и твое потомство. Нѣтъ - нѣтъ, не отказывайся, Эфенди! Ты меня этимъ жестоко обидишь. Да и что стоитъ эта бумажка, въ сравненіи съ жизнью человѣка, которую ты спасъ. Ты этимъ уже выполнилъ ея назначеніе. Она мнѣ сослужила службу и я не могу до конца оставаться эгоистомъ. Возьми ее и да сохранить тебя сила Аллаха, вложенная въ этотъ лоскутокъ! Когда султанъ кончитъ войну, я уѣду въ свою тихую Смирну, гдѣ ждетъ меня дома семья и расскажу, какъ спасъ меня русскій Эфенди. Спасибо!... мнѣ тяжело говорить...

Онъ откинулся на подушку и впалъ въ забытѣе, а турецкій талисманъ остался въ рукахъ моего отца.

Изъ турецкой кампаніи отецъ мой вышелъ почти невредимымъ, несмотря на то, что не разъ въ жаркихъ схваткахъ съ турецкой пѣхотой и кавалеріей, рубясь бокъ - о - бокъ съ молодымъ Скобелевымъ, мѣнялъ подъ нимъ лошадей и не досчитывался многихъ товарищей. Только два, сравнительно легкихъ раненія получилъ онъ за все время войны: одно было пулевое въ ногу выше колѣна, другое — сабельный ударъ (навсегда оставившій на шеѣ благородный бѣлый рубецъ, съ розовымъ бордюромъ) только по милости Бога не отдѣлившій его грѣшную голову отъ не менѣе грѣшнаго туловища.

Потомъ отецъ заболѣлъ сыпнякомъ. А вы знаете, какой ужасной эпидеміей была охвачена тогда русская армія? Походные госпитали набивались биткомъ. Безднадежныхъ отдѣляли отъ прочихъ больныхъ и предоставляли Божьей волѣ.

Еще въ забытѣ отецъ слышалъ свой приговоръ:

— Отдѣлите! Безднадежный. До вечера не дотянетъ...

— И отца отдѣлили. Проснулся онъ отъ сильнаго холода, открылъ глаза и увидѣлъ, что онъ лежитъ на соломѣ и на немъ только одна рубашка. Кругомъ странная, непривычная тишина. Ни криковъ, ни стонувъ. Темно. Поднялся на ноги. Голова кружилась и передъ глазами ходили желтые круги. Колѣни подкашивались. Оглядѣлся. Сарай. Подъ крышей прорѣзи и наискось лунные столбики.

— Гдѣ я?

И понялъ. То была трупарня. Большая мертвецкая, изъ которой каждое утро нагружали арбы покойниками

Съ наружной стороны стоялъ пѣхотинецъ дневальный и нисколько не испугался, увидѣвъ въ дверяхъ живого покойника. Онъ только загородилъ ему выходъ и спокойно сказалъ :

— Нельзя! Отвѣчать, вѣдь!...

Но отецъ ушелъ и снова легъ въ госпиталь. Вскорѣ онъ выздоровѣлъ и еще участвовалъ при взятіи Плевны.

Но вотъ не блистательно закончился блистательный русскій походъ; какъ и всегда Россіи напортила Англія.

Прошли годы. Вспоминая таинственный талисманъ, отецъ любилъ зимними вечерами за чаемъ, въ тѣсномъ семейномъ кругу рассказывать о походѣ. Бывало, на дворѣ морозъ, окна заиндевели, искрятся ледяными узорами, а въ столовой тепло, уютно и радостно. Отецъ сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ (мы рано лишились матери), а вокругъ него цѣлый выводокъ слушателей. На столѣ шипитъ самоваръ, передъ глазами сайки, баранки и душистое, особенно прекрасное съ мороза, брусничное съ яблоками варенье. Это было любимое варенье отца, а о насъ и говорить не приходится; въ такомъ возрастѣ можно съѣсть сапоги, лишь - бы отъ нихъ пахло вареньемъ.

Рассказы у отца были длинные, подробные, съ отступленіями на родственниковъ героя, серьезные, основательные рассказы добраго стараго, не спѣшившаго, времени. Много - бы я отдалъ за эти рассказы сейчасъ, а тогда, бывало, слушаешь — слушаешь и, убаюканный мѣрною рѣчью, уснешь надъ блюдечкомъ съ чаемъ.

Помню, талисманомъ заинтересовался одинъ изъ братьевъ. Тогда онъ учился подѣ Петербургомъ и домой прїѣзжалъ только на Рождество и на Пасху. И вотъ, послѣ каникулъ, уѣзжая, онъ выпросилъ у отца эту кредитку и, запрятавъ ее на дно корзинки съ апельсинами, пирожками, гузиной и прелестной чайной колбасой отъ «Marie», — покатишь во свояси. И вдругъ, на полѣ пути отъ Петербурга произошла жестокая катастрофа. О ней много писали и она была ужасна. Изъ сорока учениковъ, ѣхавшихъ съ этимъ поѣздомъ, тридцать семь человѣкъ были изуродованы или убиты, но братъ нисколько не пострадалъ. Съ тѣхъ поръ у него талисманъ остался на долго. Знаю и помню, какъ онъ, закончивъ образованіе и уѣзжая въ Гагры, опаздываетъ на пароходъ. Пароходъ затонулъ, гдѣ-то возлѣ Сочи и большинство пассажировъ погибло. Потомъ война. Морозное, ясное утро. Время отъ времени одиночныя артиллерійскія выстрѣлы. Наши молчатъ. Братъ сидитъ въ окопномъ закуткѣ, обложенномъ вѣтками ельника. Такіе уютныя закутки нашъ русскій солдатъ устраивалъ своимъ командирамъ, тѣмъ самымъ командирамъ, съ которыхъ, въ дни революціи, по порученію безотвѣтственной сволочи, онъ сдиралъ кожу и жегъ живыми на кострахъ. Вдругъ, телефонный трескъ. Братъ беретъ трубку.

— Поручикъ, вы? Командиръ полка срочно васъ проситъ въ себѣ.

Нехотя встаетъ братъ съ насиженного теплаго мѣста. Телеграфистъ плюхается въ его закутокъ согрѣться и отдохнуть.

Возвращаясь, братъ слышитъ, какъ на его

участкѣ разорвался снарядъ. Ударъ пришелся по закутку и телеграфистъ разорванный въ клочья, смѣшался съ грудой мусора и мерзлой земли.

Вы готовы назвать это случайностью? И поѣздъ, и пароходъ, и снарядъ? А я помню, какъ говорилъ намъ отецъ :

— И Скобелевъ никогда не шутилъ надъ такими вещами, а ужъ онъ - то любилъ пошутить. Бывало разглядываетъ эту кредитку и задумчиво качаетъ головой. Почему знать! говорилъ онъ. — Возможно, что твой раненый, далеко не обманщикъ. Азія — удивительная страна, а въ ней все возможно!...

И вотъ, когда послѣ октябрьскаго переворота, братъ бѣжалъ въ южную армію, онъ забылъ захватить съ собой талисманъ и — погибъ, командуя однимъ изъ кабардинскихъ полковъ.

Былъ еще случай, когда талисманъ на время перешелъ къ самому старшему брату, — моряку, тогда только назначенному на большой и славный крейсеръ. И — о, разочарованіе! Въ тотъ день, когда талисманъ очутился у этого брата, его, по какой - то невѣдомой причинѣ, срочно перевели на небольшой миноносецъ. Братъ рвалъ и металъ и былъ въ полномъ отчаяніи, когда славный крейсеръ выходилъ на его глазахъ въ море. Какъ онъ неистово клялъ талисманъ и того «турецкаго идіота», который вручилъ его моему отцу. Но brave крейсеръ не вернулся назадъ : онъ въ тотъ - же день взорвался на минѣ и затонулъ со всѣмъ экипажемъ. И всѣ мы лишній разъ убѣдились, какая великая добрая сила была заложена въ этомъ клочкѣ бумаги.

Если вы напечатаете мое письмо, — не откажите

сказать читающимъ книгу, что не на одной машинной цивилизаціи держится человѣкъ. Да, да! Онъ гордъ. Онъ капризенъ. И что самое ужасное, — онъ глупъ въ своихъ геніальныхъ техническихъ достиженіяхъ, когда пренебрегаетъ силами, въ сто кратъ сильнѣйшими его могучихъ турбинныхъ двигателей! Онъ — онъ ученый глупецъ и наивный ребенокъ, если думаетъ, что альфа и омега его жизни заключается только въ его наивныхъ математическихъ выкладкахъ!...

Помните, какъ у одного большого поэта сказано :

Словомъ — останавливали солнце,

Словомъ — разрушали города...

Но этимъ вовсе не кончилась исторія съ турецкой кредиткой. Послѣ гибели на югѣ брата, отецъ передалъ ее мнѣ.

— Возьми! Господь ее знаетъ, что это за штука, а при случаѣ помогаетъ.

Что мнѣ сказать? Я, пока, благополучно бѣжалъ отъ террора, вывезъ семью, чудомъ спасся въ Пустомержье подъ Веймаромъ, когда, среди ночи, нашу часть окружила прорвавшаяся въ тылъ красная кавалерія. Наконецъ — и послѣдній этапъ — жуткая Нарва, Голгофа сѣверо-западной арміи, героической арміи, въ 1919 году удержавшей красный потокъ...

Худо - ли, хорошо - ли поступила она, это вопросъ времени, но что она поступила героически, то это — безспорно!

Вотъ здѣсь - то, въ Нарвѣ, сидя однажды полубольной и голодный у раскрытаго на пустырь окна, я, вдругъ, услышалъ пѣсню идущихъ съ позицій

оборванныхъ и обмерзшихъ чудо - богатырей :

Горныя вершины

Я васъ вижу вновь,

Балканскія долины —

Кладбище удалцовъ!...

И я вспомнилъ отца. Я вспомнилъ его рассказы о жуткихъ бояхъ, о туркахъ, о страшномъ тифѣ въ то далекое время, и подумалъ :

— Эхъ, папа, папа! Посмотрѣлъ - бы ты сейчасъ, какъ косить пулеметами другъ друга христолюбивое воинство и, какъ рвутъ земляки снарядами тѣла своихъ братьевъ! Посмотрѣлъ - бы ты сейчасъ, какъ нагружаютъ тифозными трупами десятки грузовиковъ, какъ трещать подъ ногами тифозныя вши, какъ мертво глядятъ тусклыми окнами отдѣльные домишки, гдѣ — стоитъ выломать двери и — передъ глазами предстанетъ вымершая до одного и остывшая въ корчахъ, команда сѣрыхъ людей, солдаты и офицеровъ!...

Я въ Нарвѣ потерялъ друга. Онъ умеръ отъ сыпняка, а лежалъ въ той - же комнатѣ, гдѣ жилъ я съ семьей и, гдѣ я спалъ на полу въ двухъ шагахъ отъ него. Таинственный талисманъ находился при мнѣ и, казалось, оберегалъ мою семью отъ несчастій. Одно время я даже забылъ о его существованіи и какъ - то въ Нарвѣ, обнаруживъ его въ потайномъ отдѣленіи бумажника, досталъ и, положилъ на колѣни, разгладилъ и долго сидѣлъ, вспоминая всѣ необъяснимые случаи, связанные съ нимъ еще съ турецкой кампаніи. И было на душѣ тихо и грустно, какъ бываетъ въ ласковый вечеръ теплой весны, когда въ трепетныхъ сумеркахъ бороздятъ зеленое

небо стрижи, а клейкія почки и молодая ершистая трава струять неуловимые запахи и въ засыпающій паркъ издалека доносится не то благовѣстъ, не то бой старинныхъ курантовъ. Мнѣ рисовался насто-роженный вечеръ, уплывшія въ туманѣ далекія горы, казачій разъѣздъ и раненый турокъ, заброшенный среди труповъ въ синихъ мундирахъ и бѣлыхъ рубахахъ...

Какъ попалъ этотъ странный, загадочный талисманъ къ турку изъ Смирны? Кто заговаривалъ этотъ бумажный клочокъ и какая сила, свѣтлая или темная, таится въ этой кредиткѣ? Неужели и правда существуютъ на свѣтѣ необъяснимыя вещи?...

И вотъ, однажды, случился глупый, пошлый, совсѣмъ ненужный и отвратительный казусъ: я лишился отцовскаго талисмана.

Какъ - то съ друзьями, по какому - то торжественному случаю, засидѣлся я въ ревельскомъ — по старому, или въ таллинскомъ — по новому, ресторанѣ. Помню, что страсти пылали, какъ хоро-рошая жирная вѣдьма на средневѣковомъ кострѣ. Кто - то предложилъ «углубить». Углубили. Было много за полночь. А тутъ еще какой - то критикъ въ золотомъ пенснѣ, примазавшійся къ нашему столику, обрадовавшись случаю выпить на чужой счетъ, заказалъ бутылку коньяку. А всѣмъ извѣстно, что послѣ полуночи выпивающіе друзья всегда остаются безъ денегъ. Что дѣлать? Нашей наличности не хватило даже на покрытіе скромной части очень нескромнаго счета.

Какъ часто слишкомъ поздно приходитъ гнусное и неспасительное раскаяніе! Мы всегда разумны

заднимъ числомъ и часто въ сомнительномъ молодечествѣ видимъ геройство, а лакейское ханжество обалдѣвшихъ отъ водки людей, принимаемъ за дружбу. Такъ было и здѣсь; собесѣдники лобызали другъ друга и плакали другъ другу въ жилеты и клялись въ преданности до гроба. Критикъ мычалъ, оттопыривалъ губу и просилъ еще коньяку. А между тѣмъ, внушительный человѣкъ, съ породистымъ лицомъ лорда и съ полотенцемъ подмышкой, величественно маячилъ надъ нашимъ столомъ и съ неумолимой вѣжливостью ждалъ расчета.

Я вышелъ къ швейцару и заложилъ у него вмѣстѣ съ другими вещами (часы, запонки, Николаевскіе рубли) и свою удивительную кредитку. Собственно говоря, она - то и нарушила колебанія этого умнаго малого. Какъ это случилось, точно не помню, но одинъ видъ старой, полуистлѣвшей, бумажки, рѣшилъ весь вопросъ.

И опять меня выручилъ талисманъ!...

И вотъ, съ тѣхъ поръ началось грубое и отчаянное невезеніе. У меня настолько подорвались дѣла, что не могло быть и рѣчи о выкупѣ талисмана. И это длилось болѣе шести лѣтъ! Съ каждымъ годомъ петля неудачъ и нужды затягивалась сильнѣй. Казалось, еще одинъ шагъ и я, оступившись, свалюсь въ бездну отчаянія и самоубійства. Судьба какъ - бы мстила мнѣ за грубую неосторожность. Но однажды, собравъ деньги тяжелымъ поденнымъ трудомъ, я рѣшилъ ихъ внести не за долги лавочнику, грозившему прекратить отпускъ продуктовъ моей полуголодной семьѣ, не за долги домовладѣльцу (который былъ церковнымъ старостой), угрожав-

шему выселить меня изъ квартиры, а — рѣшилъ отнести ихъ тому швейцару, который по моей опро-мѣтчивости, завладѣлъ моимъ талисманомъ. Я тайно боялся одного : а вдругъ, судьба не простить мнѣ ошибки и удивительная бумажка будетъ потеряна навсегда.

Но доброе дѣло отца было сильнѣй моей глу-пости и въ тотъ-же вечеръ мы сидѣли голодные въ нетопленной комнатѣ съ удивительнымъ талисма-номъ, бережно разложенномъ на столѣ, и не знали — печалиться намъ или радоваться?...

А утромъ на слѣдующій день, я получилъ пред-ложеніе поступить на выгодную службу.

Я застеклилъ кредитку и повѣсилъ ее у себя надъ столомъ. И опять, какъ въ тифозной эпидеміи въ Нарвѣ, передо мной развернулись давнишніе раз-сказы отца. И мнѣ представляется Бѣлый Генераль, вихремъ летящій на турецкіе таборы, и — отецъ, рубящійся подлѣ него, и — теплая южная ночь, и — стонущій турокъ, и — госпиталь и — крики :

— Эффенди! Эффенди!...

И когда я вспомнилъ все это, мнѣ сдѣлалось такъ больно, такъ тоскливо и тяжело на душѣ, какъ будто - бы я грубо обидѣлъ ласковаго, вѣрнаго друга.

Да развѣ не такимъ другомъ былъ для меня таинственный талисманъ?

БАБУШКИНЫ ИМЕНИНЫ.

Душно. Быть грозѣ. Куры наохлились и врылись въ тѣни въ горячій песокъ. Небо наполовину яркое, наполовину затянуто свинцовыми тучами, но тучи идутъ стороной. Парить. Песъ передъ домомъ лежить на спинѣ, пасть раскрылъ, оскалился, языкъ высунулъ, а по языку струйками сбѣгаетъ слюна. И птицы молчатъ. Чирикнетъ одинъ - другой воробей и опять тихо. Къ грозѣ. Въ раскрытыя окна ни одной свѣжей струи. Мухи и тѣ, недвижно, какъ черные гвоздики облѣпили потолокъ бабушкиной комнаты и гудѣть перестали.

Бабушка беретъ новый липовый посошокъ, сегодня подаренный Тимофеемъ и идетъ на дворъ. А на дворѣ, какъ и въ комнатѣ, та - же духота, та - же тишина; одно что свѣтлѣе. Да и свѣтъ совсѣмъ непонятный; и ярко и не ярко, словно паутиновой мглой засоренъ яркій воздухъ. Быть ливню.

У бабушки разломило спину, дышать тяжело и надъ бровями, какъ бисеръ, выступилъ потъ.

— Царица моя Преплагая! Надежда моя Богородица!...

Бабушка идетъ черезъ дворъ къ забору, выходящему на зады.

— У пруда, что - ль посидѣть? Можетъ, тамъ посвѣжѣе...

Двѣ сухихъ ящерицы бросились въ разные стороны. Пѣтухъ поглядѣлъ на бабушку недружелюбно - любопытнымъ осоловѣлымъ глазомъ, моргнулъ и понуро поплелся въ сторону. Какъ душно! Гдѣ - то печально кричитъ и на что - то жалуется коза. Большіе стрекозы словно приклеены къ забору и совсѣмъ не живыя, а сусальные, неподвижныя. Все ждетъ грозы. Хоть - бы каплю дождя освѣжить оцѣпенѣвшую природу!...

Бабушка заложила руки за спину, подошла къ забору и посмотрѣла въ щелку. На грязномъ пруду, наполовину поросшемъ тиной, у самого берега покачивается чернѣйшій и шаткѣйшій плотъ, а на немъ, лежа на животѣ, внукъ Сенька шаритъ сачкомъ въ водѣ. На берегу сидитъ дочка сосѣда, дѣвочка Нюрка и двумя руками держитъ на колѣняхъ банку съ грязно - желтой водой, наполовину кишашей головастиками.

Бабушка поковыряла крючковатымъ пальцемъ прогнившую доску и расширила щель. Теперь оба ребенка, какъ на ладони.

— Сеня! А, Сеня! говоритъ Нюрка.

— Ну?

— А на что тебѣ головастики?

— Вотъ, дура! Да бабкѣ уху варить буду.

— А развѣ бабушка ѣстъ головастиковъ?

— Еще какъ! Даже захлебывается.

Бабушка въ ужасѣ отшатнулась отъ забора, выронила посошокъ и всплеснула руками.

— Господи! Да что - же это за мазурикъ такой?! Въ отца. Весь въ отца. Каиново отродье!

Она дрожащей рукой подняла посошокъ, оперлась на него и снова заглянула въ щель.

— погоди, негодяй! ворчитъ бабушка. — Только вернись домой, я тебѣ задамъ головастикавъ!...

Бѣлая капустаница перелетѣла съ пустыря черезъ заборъ и сѣла бабушкѣ на голову. А на пустырь Нюрка сказала :

— Ты взаправду знаешь, что бабушка ѣстъ головастикавъ?

— Грызетъ! не поварачивая головы бросаетъ Сенька.

— А развѣ можетъ человѣкъ такую уху ѣстъ?

— Такъ вѣдь она не человѣкъ, а гримза! Ее всѣ въ домѣ гримзой зовутъ. Вчера дворникъ на кухню палку принесъ и сказалъ Дашѣ : «Вотъ вашей гримзѣ, на именины, клюка. Передай. Можетъ твоя карга дастъ мелочишки на табачишко».

— Какъ, Сеня?

— Мелочишки на табачишко.

— Не па - а - ни - ма - ю ! тянетъ Нюрка.

— Балда! Что - бы папирось покупать. Поняла?

— А зачѣмъ палку?

— Такъ она - жъ сегодня именинница и ей мама подарила платокъ на голову. А вчера я слышала, какъ папа говорилъ мамѣ : «На возьми. Купи гримзѣ на Ангела!» Мама вначалѣ разсердилась, а

папа прямо сказалъ: «Ну, ну! Чужой вѣкъ заѣдаетъ!»

— Какъ заѣдаетъ! опять не понимаетъ Нюрка.

— А вѣсть много.

— И все головастики?

— Держи карманъ! Сахаръ сосеть, пряники муслить. А то я видѣлъ, какъ она котлеты въ ночной столикъ прятала.

— Зачѣмъ?

— А, когда всѣ уснуть, то что - бы потихоньку сожрать. Я - то ночью подкрался къ бабкиной комнатѣ и видѣлъ, какъ она котлетой давилась. Всю слопала и сидитъ, какъ крыса, въ одномъ бѣльѣ и пальцы облизываетъ.

— Голодная?

— Просто жаднущая! Распреподлая, страсть!

— А ты ее поздравлялъ?

— Пришлось! недовольно говорить Сенька и подымаетъ надъ тиною черный отъ грязи сачокъ, съ копошащимися въ немъ гаденышами. — Я, какъ изъ церкви вернулись, поздравлялъ гримзу. И стихъ ей прочелъ. Мама сочинила :

Дай Господь бабусѣ счастья

Еще много, много дней!

И семейнаго участя

Въ жизни бабушки моей...

— Думалъ, что конфетъ дать, а она ничего не дала. И еще, когда мама вышла, погрозила мнѣ кулачишкомъ и зашипѣла : «Я вотъ, тебя, шалопай ты, извергъ!» Вотъ, какая подлющая!

Бабушка отходитъ отъ забора и въ злобѣ грозитъ ему пососшкомъ. Капустница слетаетъ съ ея головы и садится на соннаго пѣтуха.

Душно. Бабушка задыхается и чувствует, какъ свѣтлый день ея Ангела заволакивають тучи обиды и злобы.

«Ахъ, если - бы гроза, да съ хорошей поркой для Сеньки!» думаетъ бабушка. И одной рукой опираясь на посошокъ, другой поправляя за чепецъ волосы, бабушка бредетъ къ саду.

Воздухъ не колыхнетъ. Даже осина у огорода не дрожитъ листьями. Гдѣ - то далеко, далеко, какъ будто гремитъ громъ. Отъ обиды у бабушки пылаетъ лицо и на красномъ, длинномъ, загнутомъ къ губамъ носу, виситъ капелька пота.

— Щенокъ! ворчитъ бабушка. — Это про меня - то, про старую?! Вотъ, оно, теперешнее воспитаніе! Въ отца! Весь въ отца, негодяй! Говорила я Катюшѣ : не иди за этаго аспида, такъ нѣтъ, — на своемъ поставила! Бабушку - то? А? Бабушку - то свою!..

У самой калитки бабушка задержалась. Перехнуть - бы. Ухъ, какъ парить! И вдругъ, за калиткой слышались знакомые голоса. Бабушка прислушалась.

— Какая - же ты кухарка! Къ тебѣ и уваженія нѣтъ въ домѣ! сказалъ грубый мужской голосъ и бабушка узнала въ немъ голосъ дворника Тимофея. — А еще говоришь про любовь! За любимаго человѣка постоять не могла.

— У, чортъ! Такъ я - же говорю, что сказывала ей. Вотъ, говорю, бабушка, васъ съ ангеломъ Тимофеемъ поздравляетъ и тросточку просилъ передать. Можетъ отъ вашей милости на чайкъ - бы ему? А она, гримза - то, отплюнулась, взяла клюку и сказала : «Передай, что благодарю, а на всѣхъ

Тимофеевъ не напасешься. Иди, милая, иди съ Господомъ!» Ну и суди, нешто я виновата? Дьяволь!

— А можетъ я ей, за клюкой - то этой, на Чертову, рѣчку бѣгалъ! Можетъ два часа бился покуда клюку подобралъ!

— А ей что? Запрошлымъ годомъ въ люкъ свалилась, двѣнадцать ступеней бокомъ отгрохала, думали и не выживетъ, а глядь — черезъ недѣлю, уже сидитъ на солнышкѣ. Вотъ, какая это проклятая вѣдьма!...

Бабушка уже хотѣла было распахнуть калитку, но передумавъ, повернула къ дому. Ужасъ овладѣлъ бабушкой. Она даже не могла связать мыслей и онѣ шарахались въ головѣ, какъ перепуганные цыплята. Все спуталось. Быть грозѣ, быть! Ухъ, какъ душно!...

И надо - бы было бабушкѣ идти прямо въ комнату и сидѣть подъ образомъ Богородицы и пить кофей, а потомъ лечь на кушетку и, щурясь на свѣтъ лампадки, дремать, поджидая грозу. А бабушка пошла къ балкону, пошла быстро - быстро, по мышиному, и пошла съ тѣмъ, что - бы поднять грозу на Сеньку и на Тимофея съ кухаркой. Но не доходя до балкона, бабушка опять остановилась; съ балкона слышались опять знакомые голоса;

— Въ шестьдесятъ восемь лѣтъ, мой другъ, можно и поумнѣть! сказалъ голосъ зятя.

— Ахъ, Ваня, не надо подымать скандалъ въ ея именины!

— Я и не подымаю, а ты ей скажи завтра, Даша убираетъ бабкину комнату, а шкафъ открыть.

Забыла старуха, что - ли? И въ шкафу на полкѣ печенье, котлеты и остатокъ окорока, за который Тимофей выдралъ пса, а песь, оказывается, не повиненъ ни въ чемъ.

— Ахъ, Ваня, ради Бога не надо! Господи, какъ душно... хоть - бы гроза скорѣй.

Бабушка вернулась и съ задняго крыльца поднялась въ свою комнату. Разморенная духотой, злобой и желчью, она опустилась на кушетку.

— Такъ вотъ, это что за домъ! Всѣ, всѣ противъ старенькой бабушки... Ахъ, шкафъ! вспомнила она и бросилась къ нему. Слава Богу — все на мѣстѣ! И печенье, и котлеты, и остатокъ ветчины.

Бабушка торопливо достала изъ безчисленныхъ складокъ юбки ключи и — замокъ щелкнулъ. Подъ потолкомъ загудѣла муха, другая, третья и снова все смолкло.

Распахнутое окно выходитъ на улицу. Бабушка садится около него и, скрытая занавѣской, глядитъ на сонную, смутную, раскаленную мостовую. Ни одной свѣжей струей не колыхаетъ воздухъ. Вотъ, пробѣжала высуня языкъ бѣлая собаченка. Вотъ, голубь, устало и лѣниво перешелъ улицу. Вотъ, кто - то идетъ вдоль ихъ дома, но кто — бабушкѣ не видно. Только голоса долетаютъ до именинницы :

— Всѣмъ тяжело! Время тяжелое! сказалъ одинъ голосъ и другой отвѣтилъ :

— Только на старушку и уповаю. Святой чловѣкъ. Сегодня, говорятъ, именинница. Народъ пошелъ крѣпкій, старенькія только и выручаютъ.

Бабушка крестится и говоритъ про себя :

— Спасибо, голубчикъ, спасибо! Есть еще люди, старушечекъ уважающіе.

И она откидываетъ занавѣску и осторожно высывается на улицу. Боже, какъ раскаленъ воздухъ! Бабушка перегибается, глядитъ вслѣдъ прошедшимъ и въ одномъ изъ нихъ узнаетъ гробовщика.

А свинцовы тучи надвинулись на три четверти неба. Быть грозѣ, быть!...

ПРОЗАИЧЕСКІЕ СТИХИ.

На смерть Куприна.

1.

Вѣетъ, плачетъ непогода. Ночь осенняя темна...

Помню, въ эту пору года я сидѣлъ у Куприна.
Такъ - же было все снаружи безотрадно и темно;
вѣтеръ рвалъ слѣпыя лужи, вѣтки билися въ окно.
Дождь — то бросится налетомъ, то замретъ, какъ
тихій вѣрь. Глухо лаялъ пулеметомъ, въ паркѣ,
гатчинскій терроръ. Въ небѣ мѣсяцъ тускло свѣтель.
Тучъ бѣгущая гряда.

— Страшно мнѣ!

Купринъ отвѣтилъ :

— Страшно очень. Страшно, да.

2.

Помню ярко голубыми подъ луной снѣга и
садъ. Въ эту ночь понуро шли мы черезъ старый

Пріоратъ. На дворцовыхъ стеклахъ, льдянымъ отражался лунный свѣтъ...

— Хорошо напиться пьянымъ сразу на двадцать пять лѣтъ!...

Я невольно улыбнулся. Онъ скосилъ глаза и вотъ :

— Крѣпко кровью захлебнулся богоносецъ - то народъ! Будетъ братъ идти на брата и не только, другъ мой, здѣсь; злобой страшною объятый, онъ убійцей будетъ — весь!

— Человѣкъ? — Весь міръ?

Ни слова. Голубѣтъ цѣлина.

— Человѣкъ? спросилъ я снова.

— Человѣкосатана! Въ насъ двѣ силы, два начала : Богоподвигъ, чортоблудъ. Жить придется всѣмъ сначала, когда злобой изойдутъ...

На стволахъ замерзшихъ ветель серебрилася слюда.

— Страшно мнѣ!

Купринъ отвѣтилъ :

— Страшно очень! Страшно, — да...

3.

По веснѣ стрѣляли пушки. Наступали вдоль рѣки. А на солнечной опушкѣ раскричались пухляки. Кровью брызнули картечи. Рѣже были мы вдвоемъ. И печальнѣй наши встрѣчи становились съ каждымъ днемъ.

Помню утро въ огородѣ. Вишни бѣлы отъ цвѣтовъ. Я сказалъ :

— Тоска въ народѣ... наступаютъ... взяли

Псковъ... не сегодня - завтра Луга... не сегодня - завтра тутъ... наступаютъ и отъ юга и отъ сѣвера идутъ.

Онъ глядитъ прищурясь, косо, на меня и на скворцовъ, что помяли и безъ спроса всю разсаду огурцовъ. И печально улыбнулся и сказалъ :

— Большевики! Вамъ нужна вѣдь не разсада, а нужны вамъ червяки! А помяли, истоптали, разодрали огородъ. Такъ - же вотъ, у насъ распяли, за грѣхи другихъ, народъ. Да... идетъ расчетъ кровавый... лѣтъ на двадцать пять расчетъ. Но не лѣвый и не правый, а какой - то новый четъ.

— А какой?

— Никто не знаетъ. Не уйти намъ отъ бѣды.

И писатель поправляетъ всѣ скворчинные слѣды.

— Вотъ, гляжу, А, что примѣтилъ? Кровь и подлость и вражда...

— Страшно мнѣ!

Купринъ отвѣтилъ :

— Страшно очень! Страшно, да...

4.

Отступали. На Голгофѣ распинали стыдъ и честь. Голодъ... холодъ... тифъ... Юффе... Троцкій..., гадость... срамъ и лестъ. Дѣтскій взглядъ былъ нѣмъ и страшень. Блѣдны лица матерей. Мимо шли какихъ - то башенъ. Долго ждали у дверей. Не пускали. Гнали. Гнали. Улыбались подлецы. Снова шли и снова ждали дѣти, матери, отцы...

Что - жъ, воздѣланная пашня въ колось бросила года.

Я пишу :
— Учитель страшно!
Отвѣчаетъ :
— Страшно, да...

5.

Таесть, таесть воскъ отъ жара. Двадцать! Двадцать небытья! Отъ парижскаго угара угорѣли всѣ друзья. И заброшенный, забытый, тихій, добрый «стариканъ» таесть, таесть даровитый, величайшій могиканъ. Отвернулись. Одичали. На забытаго Отца зубы скалили, урчали изъ - за каждого куска. И, когда пришла безъ носа гостя страшная къ нему, онъ не задалъ имъ вопроса : «Такъ за что - же? Почему?»...

Что Купринъ въ Парижѣ встрѣтилъ, когда мнѣ писалъ сюда?

— Страшно мнѣ!
И я отвѣтилъ :
— Страшно очень! Страшно, да...

6.

Воесть, плачетъ непогода. Ночь осенняя темна...

Но еще страшнѣй невзгода жуткой смерти Куприна. Такъ отвергнутый, ненужный здѣсь и тамъ, для всѣхъ далекъ, умиралъ старикъ недужный безъ друзей и одинокъ.

Умиралъ...

Какое слово и кому онъ могъ сказать? О, когда его - бы снова видѣть, слышать, приласкать!

Онъ, который неумно расточалъ свои слова,
умиралъ одинъ, бездомно, молчаливо, какъ сова...

Въ мракъ глядѣлъ. Съ обидой? Страхомъ?
Ждалъ? Сердился? Иль просилъ? Иль утихъ без-
душнымъ прахомъ и, предъ смертью, всѣмъ простилъ?

Чуть скосивъ глаза, съ улыбкой вспомнилъ
Гатчину и, нѣмъ, закачался въ смерти зыбкой
навсегда и насовсѣмъ...

Спи.

Печальна повѣсть эта.

Спи, ушедшій навсегда.

— Страшно мнѣ!

Но нѣтъ отвѣта:

— Страшно очень!

— Страшно, да...

ОТЗЫВЫ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ О ТВОРЧЕСТВѢ В. Е. ГУЩИКА.

ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ :

„Съ юныхъ лѣтъ я большой любитель природы, охотникъ, рыболовъ. Что мнѣ больше всего здѣсь не достаетъ, это ощущенія природы, которое пропадаетъ въ застроенной вдоль и поперекъ здѣшней культурѣ. И вотъ, можетъ быть, это лучшая похвала, на которую способенъ я въ литературномъ отзывѣ : — вотъ, чтеніе Вашихъ книгъ заставило меня еще разъ съ большой силой пережить тоску о нашихъ косогорахъ, хмурыхъ лѣсахъ, камышистыхъ водахъ, — о глухихъ пустынныхъ и въ тоже время до боли родныхъ мѣстахъ”.

АЛ. ВАЛ. АМФИТЕАТРОВЪ :

„Прекрасные рассказы. Вы, несомнѣнно, талантливый человѣкъ, и когда я вижу въ зарубежной русской литературѣ новаго даровитаго автора, радуюсь вдвое и втрое больше, чѣмъ самому превосходному произведенію старика, потому что хорошихъ стариковъ у насъ немало, а молодежь еще либо не наладилась, либо не проснулась : рѣдки отрадныя явленія. Изъ рассказовъ мнѣ наиболѣе понравились „Село Жмы”, „Ничьи”, „Дѣдъ Кузьма” и „Горе дьякона”. „Да всѣ хороши!”

ДОРОФЕЙ ДОРОФЕЕВИЧЪ БОХАНЪ :

„Это писатель хорошо знающій и эмигрантскую жизнь, и жизнь подсовѣтской Россіи и съ большимъ талантомъ изображающій ее. Влад. Гущикъ пишетъ яркимъ образнымъ языкомъ, напоминающимъ языкъ русскихъ классиковъ. Быть можетъ, безсознательно, онъ пользуется художественными приѣмами, какихъ не найти ни въ одной теоріи словесности, ни въ одномъ учебникѣ. Влад. Гущикъ очень кратокъ и отъ сжатости изложенія его рассказы только выигрываютъ”...

„Передъ нашими глазами проходитъ одинъ за другимъ сборники рассказовъ этого талантливаго писателя, и каждый говоритъ объ одномъ: о живой, далекой Россіи, о русской жизни, о русской душѣ, русской природѣ, русскихъ людяхъ. Эту жизнь В. Е. Гущикъ знаетъ безподобно и эмигрантское существованіе не повліяло разлагающе на его воображеніе, на его художественное творчество. У В. Е. Гущика — съ каждымъ новымъ томомъ русская жизнь встаетъ все ярче и красочнѣе, и плѣнительнѣе. Писатель — твердъ въ своей русскости: онъ, дѣйствительно, весь, съ головы до пятъ, пропитанъ ею; его русскость — самая настоящая, самая подлинная, отъ земли русской, отъ народа русскаго заимствованная.

Писатель умѣетъ затрагивать самую сокровенную стороны человѣческой души и часто вызываетъ слезы на глазахъ у читателя. В. Е. Гущикъ большой мастеръ двумя-тремя фразами рисовать цѣлыя картины.

Этотъ писатель любитъ природу. Онъ не жалѣетъ красокъ для описанія лѣса, степи, пыльной дороги, рѣки, безпредѣльнаго поля съ колосающимся хлѣбомъ; онъ любитъ солнце, чувствуетъ и умѣетъ передать читателю самый запахъ земли, прелесть яснаго дня и задумчивость нѣжной лѣтней ночи.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту, характерную для В. Е. Гущика, писателя наблюдательнаго и большого художника: у него всѣ герои говорятъ не обще-литературнымъ, а своимъ собственнымъ языкомъ”.

Н. Н. БРЕШКО - БРЕШКОВСКИЙ :

„Медленно смакуя, упиваюсь Вашимъ прекраснымъ творчествомъ. Какая природа оживаетъ подъ Вашимъ перомъ! Какой богатый русскій языкъ! Вы превысили всѣ мои ожиданія! Честь Вамъ и хвала и пошли Господь успѣха!”...

ПРОФ. Г. В. ВЕРНАДСКІЙ :

„Чтеніе двухъ книгъ Вашихъ рассказовъ — „Христовы Язычники” и „Люди и тѣни”, доставило мнѣ большое удовольствіе, порою — наслажденіе. Почувствовалась Россія. Кажется, что прикоснулся опять къ своему народу, отъ котораго волею судебъ отрѣзанъ.

Во многихъ Вашихъ разсказахъ чувствуется большой — и при томъ все растущій — литературный талантъ. Мнѣ близокъ и понятенъ Вашъ общій духовный подходъ къ жизни и народу. Замѣчательно чувствуете Вы звѣрей и природу. Я съ Купринимъ согласенъ, что барсукъ у Васъ изумителенъ. Но и многое другое”.

ПРОФ. А. В. ВЕЙДЕМАНЪ :

„Книга Ваша „Забятая Тропа” произвела на меня необычайно сильное впечатлѣніе. За все время моего эмигрантскаго житія, мнѣ не приходилось ничего подобнаго ни разу прочесть... Ваша книга, въ полномъ смыслѣ слова, очаровала меня. Нѣсколько разъ я перечитывалъ ее, но мое восхищеніе ею ничуть не уменьшалось. Прежде всего меня привлекло къ себѣ Ваше свѣтлое оптимистическое міровоззрѣніе. Конечно, нерѣдко содержаніе того или другого разсказа обьято дымкою грусти и печали, но и въ этой печали всегда свѣтитъ жизнерадостность. Я не буду указывать ни на Вашу глубокую любовь къ природѣ и умѣніе подмѣчать и тонко изображать ея жизнь и красоту; не буду говорить и о прекрасномъ знаніи Вами духовныхъ сторонъ человѣческой и даже животной души. Но я коснусь только отдѣльныхъ разсказовъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ на меня Вашъ чудесный разсказъ „Кадетская звѣріада”. Вновь воскресла передъ нами и старая кадетская жизнь и прежніе неизмѣнные типы кадетовъ. Прекрасенъ Вашъ разсказъ „Смѣхунъ”, и особенно хорошъ Вашъ Индюковъ. Чуденъ и разсказъ „Ежи”. Но все никакъ не перечислить. Все — прекрасно и, главное, своеобразно и совершенно отлично другъ отъ друга. И я искренно отъ души поздравляю Васъ съ авторствомъ такой книги. Я нисколько не сомнѣваюсь, что крупное мѣсто въ пантеонѣ русскомъ Вами уже теперь прочно занято. И въ средѣ современныхъ писателей, безусловно, Вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ первыхъ, а въ исторіи русской литературы скоро станетъ немыслимымъ не говорить о Васъ, безъ серьезной опасности прослыть полнымъ невѣждою.

М. Е. ВИЛЬЧУРЪ :

„Книги Ваши доставили мнѣ и моимъ друзьямъ большое художественное наслажденіе. Отъ нихъ

не только вѣетъ далекой родиной, но онѣ проникнуты тѣмъ чувствомъ любви и пониманія человѣка, которое особенно цѣнно въ наши дни всеобщаго озлобленія и жажды крови”.

ВЛ. ГРИНЕНКО :

„...Книги Влад. Гущика читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Его образы ярки, правдивы, цѣльны, убѣдительны. Описанія природы часто поражаютъ особенной четкостью и реальностью”.

С. В. ЖИВОТОВСКИЙ :

„Сборники рассказовъ Влад. Гущика написаны прекраснымъ русскимъ языкомъ, вдумчивые и жизненные, отъ которыхъ чувствуется ароматъ родимыхъ полей, ржаного русскаго хлѣба и чернозема!”

А. И. КУПРИНЪ :

„Ахъ, какъ чудесно у Васъ написанъ пьющій (ночью) барсукъ! Изумительно!”

„Дневникъ очень и очень хорошъ! Просто и талантливо! Bravo! Бисъ!”

В. И. НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО :

„Вы не только слышите и видите природу, но и понимаете ее, чувствуете, живете ея сокровенной красотой, угадываете въ ея видимости — незримую душу. Вы умѣете передавать ее на бумагу, какъ художникъ на полотно, и читатель Вашъ, несомненно, проникается ея прелестью.

У Васъ прекрасный языкъ, характерный. Вы схватываете его особенности у разныхъ случайно встречаемыхъ Вами типовъ. У Васъ есть (что очень рѣдко) вымыселъ. Ваши страницы не фотографіи. Онѣ красочны. Это часто не негативы, а переработанные во внутренней лабораторіи художника, этюды въ картины!

Не могу выразить съ какимъ удовольствіемъ читаю Ваши „Христовы язычники”. Прекрасная книга! Помимо писательскаго мастерства — какое знаніе быта, сколько искренней скорби. И во всемъ большой настоящій талантъ!”

В. А. НИКИФОРОВЪ - ВОЛГИНЪ :

„На фонѣ словесныхъ „вывертовъ”, литературныхъ изломовъ, колесованія великаго тургеневскаго языка,

литературной пачкотни, торгашескаго шума и кликовъ на литературномъ рынкѣ, такъ пріятно взять въ руки книгу Влад. Гущика „Христовы язычники“. Влад. Гущикъ разнообразенъ въ своемъ творествѣ. Его талантливое перо умѣло зарисовываетъ какъ дѣтей земли въ родѣ пасѣчника Назара, русскаго интеллигента, православнаго дьякона, князя, рыбака, коммуниста и др. Хорошо ему даются зарисовки русскихъ женщинъ. Самымъ цѣннымъ въ его творествѣ являются описанія русскихъ вечеровъ, русскихъ провинцій, неслышныхъ рѣкъ. Вчитываешься въ строки его книги и невольно чувствуешь ароматъ земли, то весенней, то осенней, то снѣжной и знойной. Цѣнна еще книга и тѣмъ, что въ ней нѣтъ ни обиды, ни злобы, ни горечи, а, наоборотъ, разлита въ ней большая нѣжная любовь къ русской душѣ”...

В. А. ПЕЙЛЬ :

„Влад. Гущикъ слѣдуетъ читать и заниматься имъ. Творчество его своеобразно не вывертами языка и ненормальностью характеровъ необычайныхъ героевъ а своимъ подходомъ къ пониманію психологіи и философіи жизни человѣка русско-евразійскаго міра. Слово „своеобразіе“ здѣсь можно приравнять къ истинности, правдѣ, на фонѣ общей шаблонности — лжи въ воспріятіи Россіи...”

Влад. Гущикъ болѣетъ за человѣка, за поруганіе красоты и гармоніи въ мірѣ, но онъ вѣритъ въ высшую справедливость и исполненъ всепрощенія. Во всѣхъ разказахъ Влад. Гущика разлита трогательная любовь къ нашимъ младшимъ братьямъ животнымъ...

Влад. Гущикъ большой художникъ. Въ его описаніяхъ природы живетъ та „незримая душа“, о которой писалъ В. И. Немировичъ-Данченко. Тонкимъ психологическимъ рисункомъ даетъ онъ пейзажъ разказу. Его природа тотъ-же дѣятель, творческая, живая личность со всѣми душевными переживаниями. Человѣкъ, природа, животный міръ въ творествѣ Влад. Гущика образуютъ единое неразрывное бытіе”...

С. С. ПОЛИТОВСКІИ :

„Еще не будучи съ Вами знакомъ, я чувствую живую потребность высказать Вамъ, автору „Ардаліона“, то чувство восхищенія передъ талантомъ, которое я испыталъ, прочтя этотъ разказъ. Я буду правъ, сказавъ, что языкъ Тургенева, юморъ Чехова и психологію Достоевскаго совмѣститъ въ такомъ короткомъ разказѣ, дано только истинному таланту”.

ПРОФ. Н. К. РЕРИХЪ :

„Красота, значительность природы, слезы сердечных осознаний, зерно строительства и поиски героизма, всё эти элементы Вашего творчества дѣлаютъ Ваши книги и близкими и нужными. Искренность и сердечная непреложность вносятъ ту убѣдительность, которая не замѣнится никакою искусственностью, хотя - бы изысканною. Вы не берете жизнь односторонне, но въ ея настоящей сложности и не уходите отъ красоты. Это такъ нужно, особенно сейчасъ, когда сердце, великое сердце человѣческое, повелительно требуетъ синтеза, строительства и героизма”.

...Только сейчасъ дошла ко мнѣ Ваша книга „Забытая тропа”. Очень радъ, что могу сказать объ этой новой Вашей книгѣ самое доброе слово. Вашъ талантъ растетъ и въ каждомъ рассказѣ Вы умѣете подчеркнуть наряду съ житейской стороной и самую глубокую сущность. Такое вмѣщеніе рѣдко выпадаетъ на долю писателей и тѣмъ пріятнѣе его отмѣтить. И еще одно качество нельзя замолчать. Вѣроятно Вамъ, какъ и всѣмъ въ нынѣшніе трудные дни живетъ тяжело, и тѣмъ не менѣе Вы не теряете свѣтлый взглядъ въ будущее. Преподобный Сергій, свѣтлый воспитатель народа Русскаго, для Васъ является оплотомъ будущаго — именно такъ оно и есть...

Н. РУБАКИНЪ (Institut International de Psychologie Bibliologique).

„Книги Вашихъ рассказовъ нами внимательно прочитаны и испробованы на читателяхъ разныхъ психическихъ и социальныхъ типовъ. Рассказы особенно дѣйствуютъ на читателей эмоциональнаго типа. Другихъ привлекаетъ правдивость и искренность. Сильно дѣйствуетъ описаніе современныхъ крестьянскихъ типовъ, тюремной жизни, гуманность. Отнынѣ мы будемъ вводить ихъ въ программы самообразовательнаго чтенія, разсылаемые нами ученикамъ нашего Института, разбросаннымъ въ разныхъ странахъ”.

ПРОФ. П. Н. САВИЦКІЙ :

„Христовы язычники” это одно изъ лучшихъ произведений русской литературы 20-хъ годовъ. Съ большою силой и остротой въ ней поставлены всѣ важнѣйшія проблемы революціи и гражданской войны. Ее слѣдуетъ прочесть каждому, кто хочетъ вдуматься въ судьбы этого поворотнаго момента нашей исторіи.

Повсюду живо чувствуется природа, „мѣсторазвитіе“. Очень удался образъ старика - ловчицы („Дѣдъ - Кузьма“). До большого трагическаго напряженія доходятъ „Шесть дней“. Вѣришь отдѣльнымъ подробностямъ, видишь образъ попка, переживаешь тоску Зубилы по дѣтямъ. Какъ евразіецъ, привѣтствую ту галерею образовъ русскаго духовенства, которую Вы дали. Это вполне отвѣчаетъ общей тенденціи русской литературы 1920-хъ годовъ, которая съ особенной любовью останавливается на образахъ духовенства.

Больше всего мнѣ понравился рассказъ „Въ бѣломъ туманѣ“. Это поистинѣ чудесный рассказъ — „Православный Питеръ“ — какъ новый потонувшій Китежъ, какая правильная и какая волнующая мысль!.

Въ книжкѣ „Люди и тѣни“ длинный рядъ увлекательныхъ рассказовъ на обще-русскую тему. Одинъ изъ лучшихъ среди нихъ „Ежъ Ежовичъ“. Рассказъ этотъ понравился мнѣ до чрезвычайности! Очень правильная мысль „Недоговореннаго“. Въ чисто литературномъ отношеніи превосходно сдѣланъ и читается съ пріятностью „Бабій эскадронъ“. Хороша и проникнута евразійскимъ духомъ „Тайна старьевщика“.

Никому изъ насъ не дано изобразить въ полной конкретности того строителя жизни, на котораго наша надежда, но Вы показали тѣ корни, изъ которыхъ растетъ этотъ строитель”...

И. С. ШМЕЛЕВЪ :

„... у Васъ на мой взглядъ, безусловное литературное дарованіе, легкій языкъ, много лиризма — и ненаиграннаго — хорошій глазъ, опытъ „въ словѣ“, чувствуется, что Вы много читали и хорошо читали: вкусъ достаточно выработался, усвоены добрые техническіе приемы, нѣтъ растянутостей, — вообще Вы уже готовы! Слово такъ Вамъ послушно, глазъ привыкъ видѣть, ухо правильно ловить живую рѣчь. Учитъ Васъ нечѣму. Вы достаточно умѣлый. „Жмы“ — кропкій рассказъ, очень сжатый и сосредоточенный и — широкій. Вѣрно взято. Чудесенъ и „Ничьи“. Та же манера въ рассказѣ прекрасномъ „Шесть дней“. У Васъ живой вышелъ Ражій. Въ общемъ, Вы уже готовый, работайте, дай Вамъ Господь силъ и воли. Очень хороши „Легенды“. Да и вся книга милый подарокъ для читателя русскаго, такая любовная, такая ласкающая — все о насъ емъ !”.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

Жизнь	5
Іордань	15
Черный доломанъ	25
Медвѣдица	55
Цвѣтокъ гіацинтъ	60
Старая церковка	69
Атуевъ	81
Чортъ	89
Озеро	100
Кихъ	120
Кувырло	130
Володька	140
Предстатели	147
Таинственный талисманъ	155
Бабушкины именины.	172
На смерть Куприна	180

Imprimé en Belgique